

Литературный альманах

ТЕНЬ СТРАННИКА

Литературный альманах
ТЕНЬ
СТРАННИКА

①

Издание журнала
«ЮНОСТЬ»
1996
Москва

ТЕНИ СТРАШНИКА

Литературный альманах. Составитель В. Липатов. —
М.: Издание журнала «Юность», 1996 — 256 с.

В альманахе собрана современная поэзия и проза. Некоторые имена широко известны читателю. Задача издания — наряду с популярными авторами представить интересных, но по той или иной причине менее известных поэтов и прозаиков.

ISBN 5-7282-0064-8

© Издание журнала «Юность», 1996

© Обложка — Ю. Петелин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Итак, дорогие читатели, перед вами новый литературный альманах «Тени странника». Странник ушел неведомо куда и неизвестно: вернется ли он? Да и кто он? — ты, я, он? Все мы? Странник ушел, а тени его остались. Они зыбки, неясны, разны, обманчивы, но они существуют. Они — та аура, в которую окунается каждый возвращающийся. Они помогают перевоплощаться. Посмотрите вокруг — солнечные пятна и обязательно тени. Солнце примагнивает, насыщает, но тень спасительна... Все в жизни перемежается — то свет, то тень. Литературный альманах — это всегда дело пестрых. Он потому и альманах, что в нем встречаются разные стили и разные судьбы, чем альманах и интересен. Каждый альманах таит в себе зерно будущего журнала. Правда, оно не всегда прорастает, но может прорасти. Потому альманах — всегда надежда, всегда упование. Альманах явление более жизненное, чем литературный журнал. В альманахе есть сила и слабость, нет однолинейности, есть взлеты и пропасты, он бытово заземлен. А литературный журнал это уже строгий отбор, известный академизм, какое-то направление, какая-то школа. Самый расхристаный, самый модернистский литературный журнал все равно прячет в себе облик учителя и проповедника. Ему обязательно хочется наставлять и вести за собой. А альманах даже не странник, даже не собеседник, он — тень, он — настроение, он — часть атмосферы — и космической, и атмосферы коммунальной квартиры. Он более свой. Поэтому, дорогой читатель, прими новый альманах без предвзятости, как просто знакомого. Может быть среди теней странника есть и твоя тень?

ВЕЛИКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

*Поэт, прозаик, эссеист,
политический деятель,
главный редактор газеты
"Лимонка".
В настоящее время
живет в Москве.*

Эдуард, — ласково начал Барни, обойдя меня, сидящего в кресле. — Я вижу, ты толковый парень. Я уверен, что ты сможешь сделать в нашей фирме прекрасную карьеру. Будешь хорошо работать — мы тебя продвинем. Ты сможешь стать менеджером в конце концов. Посмотри на меня...»

Я посмотрел. Барни как Барни. Лысый. Усы. Живот. Брюки. Рубашка. Яркий галстук. 35 лет.

«Еще год назад я был сейлсменом* в магазине медицинского оборудования. Сегодня я — хозяин!» Барни гордо вынырнул живот. Он продавал мне Великую Американскую Мечту. Он явно повторял слова, некогда сказанные ему всеми его боссами в момент оформления Барни на работу.

«Вана мечта — не наша мечта. — Подумал я. — Не для того я свалил от строительства коммунизма, чтобы здесь, у х... на рогах, в Централ-Айленд, в самом отвратительном углу Лонг-Айленда, строить себе будущее мелкого менеджера, трудясь для процветания вульгарной фирмы "Барни энд Борнс".»

Вслух же я сказал: «Да, босс, я буду стараться. Вы мне лично симпа-

* Продавцом.

тичны, босс. В фирме собрались очень симпатичные люди. Я заинтересован работать с симпатичными людьми».

Барни похлопал меня по плечу. Я знал, что мелкому бизнесмену всегда приятно, когда его называешь «босс». Нехитрая психология. Барни положил передо мной заранее заготовленную бумагу, и я подписал ее, не читая. Мне было все равно, что они там написали. Очевидно, выдумали для меня должность. По устной же договоренности со мной «Барни энд Борнс» брали меня переводчиком к Косогору. Чтобы они могли свободно общаться с Косогором, и Косогор мог объяснить, чего он хочет докторам, медсестрам и любым другим персонажам в бизнесе покупки и продажи подержанного медицинского оборудования. Я буду стоить «Барни энд Борнс» четыре доллара двадцать пять центов в час. Недорого. Но если быть объективным, я понимал, что мой английский язык, будучи значительно гибче и лучше косогоровского, однако же не стоил более 4,25 в час.

Борис, молодой толстяк с манерами фольклорного итальянца, встал, оторвавшись от бумаг, дабы пожелать мне счастливого первого дня работы для славной фирмы «Б энд Б». Я вышел из просторного кабинета в еще более просторное помещение приемной.

Между столом со старушкой секретаршей, матерью Бориса, и светлой банкой с холодной водой на пьедестале холодильника сидел мой приятель и отныне непосредственный начальник — Леонид Косогор. Рядом с ним на линолеуме пола стояли два старых черных портфеля. Портфели Косогор привез из города Симферополя.

«Ну што, Едуард, оформился? — южный простонародный акцент Косогор также вывез из Симферополя. — Готов к исполнению служебных обязанностей?» Леонид взял шляпу, лежащую рядом с ним на синем стуле, и встал. В стоячем виде он был высок, горбат и худ. Очки на шнурке от ботинка сына Валерки висели у Косогора на шее. На нем был выдавленный вида советский серый костюм, рубанка, галстук и поверх — серое полуальто с черным воротником из искусственного меха. Косогор имел вид плохо ухоженного пролетария, только что вышедшего на пенсию. По возрасту ему и полагалось на пенсию.

«Так точно, готов, товарищ почетный узник Архипелага ГУЛаг!»

«Тогда возьми один портфель, лодырь!» — Косогор взялся за ручку ближайшего портфеля. Я поднял с полу оставшийся.

«Е... в рот! Что у вас в нем, Леня?»

«Электроника... — важно сказал Леонид. — Будь осторожен, не бросай портфель, когда будешь класть его в машину».

Если б он не сказал, что электроника, я бы подумал, что в портфеле — наковальня.

«Гуд лак, бойс!»* — квакнула нам вслед старушка-секретарша.

В дверях офиса, ласково улыбаясь, застряли Барни и Борис. — «Вы не забыли адреса клиентов?!» — крикнул Барни.

«Скажи ему, пусть он идет на х... со своими советами! — засмеялся Косогор. — Он уже три раза спрашивал меня, не забыл ли я адреса».

«Вы отлично все понимаете сами, Леонид, — сказал я. — Зачем вам переводчик?»

«Чтоб ты, дурак, с голоду не помер. — Жрать-то надо. Стихами сыт не будешь. — Мы вышли из барака «Б энд Б» и, с некоторым трудом вытаскивая ноги из весенней свежей грязи, добрались до старого олдмобиля Косогора. Олдмобиль был в точно таком же состоянии что и Косогор. Только одна дверь, водительская, открывалась. — Залазь ты первый! — скомандовал он. Цепляясь ногами за лишние, по-моему, рычаги и провода, я влез. Косогор, расправив полуальто, не спеша уселся на водительское место и начал не спеша рыться в карманах. — Запомни первое правило трудящегося человека, — сказал Косогор тоном школьного учителя. — Никогда, ни при каких обстоятельствах — не торопиться. Платят нам почасово, так что спешить нам некуда. На, держи карту, будешь штурманом. А я буду водителем и стрелком-радистом. Х..., что ты не умешь водить саг**... Здоровый лоб, давно бы научился...»

«Где? Я всегда был бедным. Это вы у нас были привилегированным членом общества — председателем рабочего контроля. Я был поэтом, у меня денег не было...»

«Работать не хотел, вот и был поэтом. Ну, поехали?»

«Да уже давно следовало бы поехать, — съязвил я. — Вы сами-то автомобиль водить умеете, Леонид?»

«У меня всю жизнь была машина», — гордо сказал Косогор.

«И в ГУЛаге?»

«Ну, в ГУЛаге нет, конечно. — Он вдруг расхохотался. — Там на казенных машинах возили... У меня и до войны была в Симферополе машина и потом, когда из лагеря реабили-

* Удачи, ребята!

** Автомобиль.

ровали, я целых два «Москвича» разбил у нас на крымских дорогах».

Олдсмобиль, как тяжелый танк, не спеша выполз из грязи на асфальт, и, минуя запаркованные авто соседних с «Барни энд Борис», столь же важных Лонг-Айлендовских мелких бизнесов, вылез на дорогу с двойным движением. Вокруг, по крайней мере, куда достигал глаз, нас окружали повеселенные индустриальные объекты. Склады, бараки, башни, трубы, несколько легких налевых небоскребов среднего размера, еще в лесах, крапы и море грязи. Скучно и противно было глядеть на этот пейзаж. И особенно противен он был именно в весеннюю, конца марта, распутицу, в момент, когда развороченная земля еще не успела улечься и обрасти вновь, хотя бы только там, где ей позволили, защитной коркой травы и кампсией. «Барни энд Борис» была молодой фирмой, посему ей досталось место на самом краю искусственной пустыни.

«На х... все это человеку нужно, Леня? Все это железо и другая мерзость?» — спросил я, вздохнув. По крыше олдсмобиля затоптался дождь.

«Ты не философствуй, философ, а лучше выполняй функции. Смотри на карту», — сказал Косогор. Он, следуя своему собственному правилу, не торопился. Мы ехали со скоростью чрезвычайно медленной, держась середины шоссе. Трафик* не было оживленным в этой части Лонг-Айленда, однако некоторые водители клаксонили нам, проскакивая, очевидно, желая над нами посмеяться. Мне стало стыдно, что мы так медленно едем, как старики или инвалиды. «Может, прибавим газу, Леня? — предложил я. — Лучше в Квинсе в Мак-Дональд зайдем, посидим?»

«Не х..., пусть себе гудят. — Косогор даже нажал на тормоз олдсмобиля. — Им, может быть, от выработки платят, вот они и спешат. А нам — почасово...»

Вспомнив психологично кадрового рабочего, я заткнулся. Я всегда был не кадровым рабочим, случайным пришельцем, текущей рабочей силой, пришедшей пережить трудное время, как сейчас, сделать немного денег и свалить. Кадровые же рабочие ни в СССР, ни в Соединенных Штатах и, наверно, нигде в мире, не торопятся. В отличие от авантюристов в беде (мой случай), им работать всю жизнь.

В похожем не скучный украинский захолустный городок

* Движение.

Квинсе мы заблудились. «Х..., куда ты смотрел! Штурман называется!» — Леонид, сняв шляпу, вылез из машины и шул ногою колесо. Может быть, чтобы не пинать меня. Несколько длинных волосин падо лбом, назначение которых заключалось в символическом прикрытии косогородской лысины, унали ему на очки.

«А вы куда смотрели? Я же вам сказал, что я в б... Квинсе никогда в жизни не бывал. Как аристократ духа, я не покидаю пределов Манхэттана. Я даже их нумерации не понимаю. Что, например, это с... тире между цифрами значит? Вы должны знать, вы живете рядом, в "Астории"?»

«А вот я не знаю! — Сердито сказал Косогор. — У тебя есть еще дайм*? Аристократ х...! Придется онять позвонить Барни».

«Зачем звонить, что мы, дети? Найдем! Сейчас сориептируемся и найдем».

«Мы уже сориептировались. Я уже галлон бензину ежег! Вон спроси у черного, видишь, идет. Похоже — местный. Спроси!»

«Леня, что у такого спрашивать. Он или кроме своей улицы нигде не бывал или же умышленно поилет нас не в том направлении».

«Ты што, раснет, Едуард?»

«Причем здесь расизм? У него рожа, видите, — недовольная. Одет он бедно. Ясно, что дела у него х..., хуже чем у нас с вами. Он не откажет себе в удовольствии занудрить белому человеку мозги, послать его х... знает куда. Опыт, мистер Косогор, а не расизм. Спрашивал я у таких дорогу, и не раз...»

Сконцентрировавшись, мы все же отыскали нужный адрес. Сразу от чугушной калитки, окрашенной в зеленый цвет, вдоль бедра дома ступени вели в полуподвал. На ядовито-зеленой двери в полуподвал висела табличка: «Доктор Шульман. Общие болезни. Рентгеноскопия». Я крутанул бронзовую лопасть звонка.

Только ветер был слышен, распыляющий над Квинсом последние капли шестого за день дождя. Я крутанул еще раз. Сквозь дверь просочились звуки осторожных шагов. «Who is it?»** — спросил вялый женский голос.

«Доктор Шульман?»

«Доктор Шульман не может вас принять».

«Как это не может? — Леонид сжал мое плечо. — В газете написано, что можно приехать посмотреть аппаратуру с 9-

* Монета для телефонного автомата.

** Кто там?

ти до 5-ти. Барни дал мне объявление. Оно у меня в машине...»

«Откройте, пожалуйста!»

«Кто вы такие?»

«Мы от фирмы "Барни энд Борис". Мы хотели бы осмотреть ваш рентгеновский аппарат. Доктор Шульман дал объявление о продаже рентген-аппарата».

«Доктор Шульман мертв».

«Ни х... себе! — воскликнул Косогор. Снял шляпу и почесал затылок. — Спроси ее, когда он умер?»

«Какое это имеет значение? — прошептал я. — Валим отсюда на х...!»

«Имеет. Мне нужно будет отчитываться перед Барни. Он с меня спросит. Что я ему скажу? Что доктор умер? Так он мне и поверил!»

Я постучал в дверь: «Простите, пожалуйста, миссис, а когда умер доктор Шульман?»

«Сегодня утром».

«Может быть, вы все-таки откроете?»

В дополнение к женскому, из-за двери просочился мужской голос, и после короткого диалога дверь открылась. «Извините, я думала, вы пуэрториканцы... — Миссис оказалась женщиной лет сорока, в халате, блондинкой, вполне красивой, но начинающей полнеть. — Это я дала объявление в газету. Я совсем забыла... Когда такое горе...» Рядом с нею стоял чернокудрый молодец явно латиноамериканского происхождения. Не пуэрториканец, но, может быть, аргентинец или бразилец... Такими в старых русских пьесах бродят по сценам приказчики, находящиеся в преступной связи с женою кунца-хозяина.

«Е...! — громко констатировал Косогор, поглядев на молодца. — А старика они убрали. Спроси у нее, не передумала она продавать оборудование рентген-кабинета».

Я спросил. Мы узнали, что миссис зовут Прицилла, потому что «приказчик», схватив (именно схватив с цыганской порывистостью) ее за руку, сказал: «Прицилла, давай избавимся от этих бесполезных для нас предметов! Чем скорее, тем лучше!»

«О'кей! — согласилась Прицилла. И обратилась ко мне, — Поднимитесь, пожалуйста, на улицу и зайдите с главного входа».

Я послушно повернулся. Но бывший узник ГУЛага не поднял с полу свой портфель. «Почему?» — спросил он, стоя на моем пути.

«Что почему, Леонид?»

«Почему они не хотят, чтобы мы пришли через офис? Они что-то прячут от нас. И ты знаешь что?»

«Что?» — спросил я, тесня его к лестнице.

«Труп доктора», — сказал Косогор.

«Леня, — сказал я, — Вы печитались американских детективов, пиратски издаваемых в Израиле по-русски. Признайтесь!»

«Они убили его, и труп находится в офисе...»

«Леня!»

Осмотрев рентген-кабинет, отвинтив с моей помощью несколько шурупов и гаск, померив вольтметром напряжение в нескольких проводах, произведя полдюжины арифметических действий в неопытной пухлой тетради, Косогор сообщил мне пренебрежительно, что старую рухлядь покойного Шульмана «Барни энд Борис» покупать не будут. «Нет смысла. Оборудование изношено до предела. Механическая часть еще ничего, но электронная...» — Косогор сплюнул жвачку в ладонь и предложил вдове поставить на квитанции с шанкой «Барни энд Борис» ее подпись. Вдова было отказалась, испугавшись, что мы желаем ее каким-либо образом обмануть, но я, отведя в сторону латиноамериканского с..., заверил его, что фирма купит аппаратуру, непременно, и вдова уступила тройному нажиму. Подписала.

Именно за освидетельствование они и платили Косогору двадцать долларов в час. Оказалось, что, подобно старому ветеринару, способному, всего лишь приложив ухо к грудной клетке коровы или лошади, определить, какая у животного болезнь или, покопавшись в коровьем душистом дерьме, определить по цвету дерьма, что у коровы с желудком, прибывший из Симферополя через Рим Косогор разбирался в здоровье медицинских машин. Покружив вокруг докторского оборудования, поскребя здесь и там, приложившись клеммами допотопного симферопольского амперметра с разбитым стеклом к паре проводов, он мог уверенно сказать, стоит или не стоит приобретать облупленного монстра. Оказалось, что Косогор обладает редчайшей в Соединенных Штатах профессией, что Косогор в Штатах, раз, два и обчелся, и они ценятся на вес золота. «Если бы я хорошо говорил по-английски, они бы мне платили двадцать пять в час как миленькие», — утверждал Косогор. А разница между докторским оборудованием России и Америки была, оказывается, для доктора Косогора не важнее различия между коровами двух стран.

Методы его были грубыми. И в этом он тоже походил на

ветеринара. Мы устанавливали в новенький офис рентген-аппаратуру, закупленную у «Барни энд Борис» чрезвычайно обольстительно выглядящим доктором-хайропрактером*. Высокий, с полуседой бородкой и усами, по-жуipersки подкрученными вверх, бывший лейтенант-корнэл Эрнст Уайтхолл паномнил дьявола или дракулу. «Я тебе клянусь, Едуард, — смеялся Косогор, стоя на коленях и завинчивая громадным ключом головку болта, — этот миленький офис доктор добыл совсем не тем, что размнил спины больным. Он размял какой-то богатой бабе совсем другое место! Вот, учись у доктора, как надо действовать. А ты что? — Леня никогда не упустил случая поучить меня, как нужно жить. — Статьи твои никто не принимает. Стихи твои никому на х... не нужны. И роман твой никто не хочет печатать... Х... надо работать в этой стране, если не можешь мозгами.»

«Что же вы-то руками работаете?»

«Я уже старьй. Это ты — молодежь... Я моим х... кое-что еще могу сделать, но вот такой офис на углу 57-й и Бродвея мне слабо и ж... заработать.»

«Сами себе противоречите. Доктор Уайтхолл ванего возраста, Леонид.»

«Он, б... — котюра откормленный. Ему бы фронт пройти, как я, окружение, потом еще десять лет лагеря. Его бы и в живых давно не было... — Вспомнив об окружении и лагере, Косогор посуровал и решил подтянуть мою дисциплину. — Ну-ка, давай, ложись, докручивай болт, лодырь! Сидишь тут...»

Я взял у него ключ и лег на пол.

«На х... он уже тут б... рог набил? — выругался Косогор из-за хребта машины, остановив электродрель. — Ну на х...! Снепит мани зарабатывать, сука бородастая! Погляди-ка, что произошло!»

Я поглядел и увидел, что, сверля дыру в бетонном полу, Косогор разрушил толстый серый макет, покрывавший пол офиса. Ткань целовко заценилась за сверло и электродрель, выдернулись несколько нитей по всей длине макета. Глубокая борозда, шириной в добрый пшч, пересскала кабинет.

Я ничего не сказал. Хотя Косогор и называл меня интеллигентом, он делал это лишь для того, чтобы ему удобнее было отпустить шуточки. Чтобы нам веселее было работать. Он знал, что я умею кое-что, и сам признал однажды, что, в отличие, от основной массы современной молодежи: «Руки у тебя не из ж... растут, Едуард!» — Я знал, что он должен был вырезать в

* Костопправ.

макете круглую дырку больше диаметра сверла, а уж потом усердствовать с дрелью. И он знал, но не сделал. — Давай, набросай чего-нибудь на пол, чтобы закрыть это б...! — сказал Косогор, отвернувшись. — Сейчас Барни с Уайтхоллом должны заявиться».

Мы заморочили американцам мозги, и они не заметили повреждения. Барни сказал, чтобы мы поторапливались и не беспокоились о наших часах. Что он нам заплатит как следует. Доктор согласен прибавить денег, лишь бы мы скорее закончили установку. Доктору не терпелось начать делать деньги после того, как столько денег было вложено в новый восьмикомнатный офис. Барни выругал нас за то, что часть станины, только что заново окрашенной в Сентрал Айелли, оказалась ободранной при установке, и обязал нас подкрасить станину. Завтра, сказал Барни, он сам явится помогать нам рано утром.

«Этигузнает х..., комсомолец, — фыркнул Косогор. — Только нам Барни тут не хватает!»

«Что станем делать с макетом, Леонид?»

«Х... его знает... — Косогор задумался. — Скажем, что такой он и был».

«Вы смеетесь, Леонид. Что, доктор слепой, что ли?»

«На х... он поторонился набить этот рог...!»

«Может быть, купить такой же макет в магазине и замешить?»

«Ох...? Двадцать квадратных ярдов. Такого качества рог затянет на двадцать пять долларов за ярд. Не меньше».

В конце концов мы обнаружили в углу заново окрашенной кладовой среди обрезков материалов, оставленных макетчиками, несколько небольших кусков макета и, повозившись пару часов, врезали их на место испорченных. При желании возможно было заметить врезанные куски, но таким образом мы уже могли свалить все на макетчиков. Стенцело, и мы включили свет... Повеселевший Косогор, вооружившись баллоном зеленой краски, занялся распылением ее на ободранные нами части станины. «Жадный жулик Барни мог бы предложить нам оплатить сверхурочные часы по сверхурочным расценкам. Мы работаем сегодня уже десять часов, — изрек Косогор и бросил баллон. — Фуу!, какая мерзость! Пошли отсюда на х..., распылитель опасен для здоровья. Такую окраску следует производить в маске...»

Войдя на следующее утро в офис, мы застали там доктора

Уайтхолла, розового, злого и почти в слезах, и Барни в состоянии пестуления.

«Леонид! Леонид! — закричал Барни голосом, каким, может быть, зывали к Леониду Спартанскому у Фермопил античные греки. — Что вы наделали?» — Он схватил Косогора за рукав куртки и, быстро протанцв его по прихожей, втащил в рентген-кабинет. Я последовал за ними.

Нет, не несчастный макет был повешен в плохом настроении Барни и Уайтхолла. Розовая стена, к ней была закреплена уходящая к потолку рельса (к рельсе доктор будет прикладывать больного, чтобы сделать снимок грудной клетки, и по ней же будет ходить вверх-вниз тележка — важная часть рентген-аппарата) была вся усеяна зелеными пятнами различной величины. Я нашел графитги, оставленные Косогором, симпатичными, но Уайтхолл и Барни, очевидно, думали иначе.

«Но проблем! — сказал Косогор уверенно. — Но проблем, Барни! Мы покрасим стену. — Он обратился ко мне, — Скажи ему, что "но проблем". Чего он расстраивается...»

Когда Барни сообщил доктору Уайтхоллу, что мы покрасим стену, тот, против ожидания, рассердился еще сильнее. «Нет уж! О нет! — закричал он. — Ни за что! Я не позволю им больше коснуться моего офиса. Достаточно! Вон! С меня достаточно русских! Вон!» — И он выгнал нас.

В наказание нас сослали в Гарлем. На следующий же день. Разобраться в какой-то проблеме, которая у них там возникла с защитой от воздействия рентгеновских лучей техника-рентгенолога. Пару месяцев назад «Барни энд Борис» установили в госпитале аппаратуру.

«Все черные, — удрученно изрек Леонид, когда со Сто десятой улицы мы свернули на Ленокс-авеню. — Ни одного белого». Обычное оживление туземной африканской деревни царило на Ленокс-авеню. У каменных хижины стояли аборигены и потягивали из бутылочек любимые алкоголи.

«На то и Гарлем, — комментировал я угрюмо. — Может быть, пужно было мэйкашным кремом рожу намазать? У меня есть в ванной. Одна подружка забыла. Ну не за черных, так за нуэрториканцев сонли бы издалека».

«Ничего, не бонсь, прорвемся! — подбодрил меня Косогор, очевидно, окрешнув от моей робости. — Вон твой коллега — поэт Худяков, однажды прошел через Гарлем пешком. Ночью! И жив остался. К нему подошел страншонций тип и говорит: «Какой у тебя, беленький, красивый пиджак!» А Худяк ему

отвечает: «Нравится, хочешь шиджак? У нас, у русских, такая традиция, что если другу что нравится, следует подарить ему эту вещь...» И начинает снимать шиджак... Черный застеснялся. «Не надо — говорит, — у меня размер другой. Спасибо...»

«Худяков чокнутый, — сказал я уныло. — Что с него взять. Ему жизнь не дорога».

«А что в эмигрантской жизни хорошего? Скажи мне? — вздохнул Леонид. — Что? Валерка, сукин сын, сегодня отказался со мной по-русски говорить...»

Валерке, сыну Леонида, четырнадцать лет. Валеркина мать, молодая еще женщина, бросила их. Они живут вдвоем. И постоянно конфликтуют.

«Правильно сделал. Мы где живем? В Соединенных Штатах Америки, штат Нью-Йорк. Это не Симферополь, нужно говорить по-английски...» — поддержал я начинание Валерки.

«Ты такой же х... как Валерка! На х... же мы — он русский, и я — русский, будем говорить по-английски?»

«Ладно, мистер Косогор, оставим тему, а то поругаемся...»

Мы запарковали автомобиль под полуразвалившимся мостом, в тени густо заплатанных сараев и вылезли из него. «О! Беленькие!» — прокричали радостно пробежавшие мимо черные дети. Со всех сторон на нас были обращены черные физиономии. Я почувствовал себя гориллой в Централ-Парке. «Вынь дрель из портфеля! — приказал Косогор. — А я возьму в руки амперметр!»

«На кой х...!» — удивился я.

«Как на кой х..., дурак? Чтобы им сразу было видно, что мы рабочие, работать к ним приехали».

Я вынул дрель, и мы пошли к госпиталю, — портфели во всех руках, дрель у меня подмышкой. Только тут я заметил, что Леонид приготовился к визиту в Гарлем. На нем была не шляпа, но денежная засаленная кепка с козырьком, наподобие бейсбольной. Из-под полунальто торчали штанины рабочего комбинезона.

«Вы хитрый. Замаскировалесь...»

«А ты как думал... — Леонид загоготал, довольный. — Как на фронте. — Вынул снег — интендант выдает всем белые маскировочные халаты».

«Что же вы из окружения прямо в лагерь угодили. Не помог вам маскировочный инстинкт. Х... замаскировалесь».

«Потому что начальство говню. Власов был м..., и Сталин был м.... Мой же батальон с Власовым не остался, мы вышли

из окружения... А Сталли, сука, не разобравшись, нас в лагерь...»

Оказалось, что «Барни и Борис» поставили недостаточно толстый лист свинца на дверь, отделяющую техника от облучаемого пациента. Леонид был очень доволен. Потому что это не он устанавливал аппаратуру.

«Скажи ему, — Леонид ласково глядел на черную тушу техника, в туше было не менее 300 паундов, — что он прав, голубчик, что при таком расстоянии нужна прокладка в два раза толще. Я ему поставлю прокладку, какую нужно, пусть он не волнуется. Где у них тут телефон?»

Мы проработали у них три дня. Вместо двух. Они, мне показалось, полюбили нас там, в Гарлемском госпитале. За что? Я думаю, мы сошлись характерами. За то, что были «изи гоуни»*, как и они. За то, что мы кричали (Леонид был глуховат), смеялись и ругались во время работы. Особенно им нравились Косогор. Они считали, что мы отец и сын. — «Твой фазэр вэри гуд ман**», — сказал мне техник-гора Джек. — «Веселый!» Иногда я замечал, что несколько черных стоят неподалеку и внимательно прислушиваются к нашему русскому трену. И вдруг хохочут. «Это идиш?» — спросила меня однажды черная девушка на голову выше меня, возбужденное личико черным солнцем пылало над халатом, от обилия грудей распирало кофточку.

«Какой идиш! — понял Косогор и рассердился. — Евреи говорят на идиш, а мы — русские. Скажи ей, что наш — русский язык! Рашен! — Леонид важно ткнул себя пальцем в грудь, открыл рот, и, поймав себя за язык, вытянул язык изо рта. — Рашен!»

Пытливые исследователи правов, мы с Косогором обнаружили, что и в африканской деревне палицо классовые и биологические противоречия. Один из докторов, заведующий именно тем отделением, к которому был приписан рентгеновский кабинет, был белой вороной. Когда он появлялся, обычный шум, в котором они работали, стихал, и мы видели, что все они первичают. «Он хочет быть, как белый человек! — сказал мне брезгливо Джек, указывая на спину уходящего зав. отделением. — Что за глухой тип!»

«Черные — как мы, русские, — философствовал Леонид,

* Легкие в обращении, простые.

** Твой отец — очень хороший человек.

завищивая шурун. Мы закрывали свинец панелью. — Любят поболтать, сидя с бутылочкой, пошуметь. Х... среди них навесенье строгую дисциплину. Белые американцы вкалывают, загоняя себя до разрыва сердца, и хотят, чтобы и черные так работали. Производительность труда чтоб выдавали... А черные хотят ближе к своему темпераменту жить...»

«И правильно, — поддержал я. — Почему все должны как безумцы вкалывать? Почему предполагается, что вкалывать — это хорошо? И в Союзе все бессмысленный труд восхваляли, и здесь трудолюбие — главное достоинство. Трудись, как идлот, на склоне лет очнешься — а жизни нет. Е... белый человек, Ления, умудрился испортить жизнь всем остальным людям на планете. Всем навязал свой способ жизни. А черным, да и многим русским, приятнее жить беднее, но не спеша, с бутылочкой, на солнышке... Если бы статистику провели, попытались узнать, кто счастливее, какой народ, я думаю, Гарлем или ваш Симферополь, где тоже народ не очень-то разбежался вкалывать, оказались бы счастливее...»

«Тебе лишь бы не работать, лодырь, — Леонид ухмылялся, глядя на меня снизу вверх, из-под кепки, стоял на коленях у стены, — ты тут же теорию придумаешь, базу подведешь».

«А на х... мне работать? — сказал я. — Рокфеллером я все равно не смогу стать. Автомобиль мне на х... не нужен при моей близорукости. Да и если его заметить, куда бы на нем ни поехал, везде будет все те же Соединенные Штаты...»

Барни смотался на неделю в Бразилию и пригнал оттуда кораблем тысячу пятьсот велосипедов. Велосипеды сгрузили в барак «Б. энд Б». Барни ходил вокруг велосипедов, забитых в рамы по десять штук в каждой, довольный. Мы с Косогором возлились поблизости. Косогор пытался собрать из двух шнеуда не годных рентгеновских аппаратов один годный.

«Вот спекулянт е... — ворчал Косогор, конаясь в груде старого железа. — Смотри, как надо, учись! Он ведь поехал в Бразилию для удовольствия, не по делу, повидать сестру. В отпуск вроде. Но соригенировался, что там вело ни х... не стоит, и, пожалуйста, закупил полторы тыщи! Во как надо! А ты!»

«Я? Я собираюсь занять у вас пять долларов, Леонид».

«Опять все деньги на девок растратил, и...? Тебе ж Барни только на той неделе чек дал».

«Ления, вы что, ожидаете, что я вечно на сто шестьдесят долларов буду жить? За телефон заплатил, за электричество. За квартиру опять нужно платить».

«А на х... ты живешь, как барин, один в трехкомнатной квартире? Снял бы себе студию, вот и не нужно было бы над- рываться».

«Так получилось. И в трехкомнатной у меня настроение всегда прекрасное. В труппу же забираться опять — ну его на х...! Я три года в дерьмовых отелях прожил!»

«М-да — философия у тебя... — Косогор отбросил лом, которым он, пытаясь, пытался перевернуть станину тяжелого рентгеновского ложа. — Вот е... их мать, делали аппаратуру в пятидесятые годы. С места не сдвинешь! Крепкая, правда, износу ей нет!»

Из серого квадрата открытых в природу ворот появился толстый Борис, весьма озабоченный. — «Леонид! И ты, Эдвард, зайдите в офис, пожалуйста!»

Леонид вытер руки тряпкой, снял бейсбольную шапочку, убрал маскировочный халат волос со лба на лысину. Опять надел шапочку. Пересекая барак, мы последовали за Борисом.

«Садитесь!» — сказал нам толстяк, уже занявший свое место за столом. Мы сели. Я сел нормально. Косогор сел шумно и пагло, пролезол, сядясь, стулом по полу. Сел так, как, по его мнению, должен садиться пролетарий, зная, что грязным рабочим комбинезоном и руками в машинном масле незрелых бюрократов завкома, профсоюза и дирекции завода.

«Леонид, по твоей же просьбе мы договорились, что будем платить тебе раз в месяц, ты сказал, что так тебе удобнее. Вчера ты представил нам фактуру, по которой мы должны выплатить тебе мани за четыреста рабочих часов! Эдвард, переведи, пожалуйста!»

Я перевел. Косогор самодовольно улыбнулся. — «И они мне их выплатят, б..., до копейки, я с них не слезу, пока не выплатят... Но ты этого не переводи. Сейчас они начнут меня уговаривать...»

«Мы подсчитали, и получается, что, судя по твоей фактуре, ты работал в среднем 96 часов в неделю! Это слишком много, Леонид, ведь в неделе всего 168 часов». — Борис глядел на Леонида очень серьезно.

Барин, сидящий в кресле у окна, напротив, улыбался. «Леонид, — сказал он, — девяноста шесть часов в неделю — это семь дней по тринадцать часов в день! Даже в девятнадцатом веке никто не работал по тринадцать часов в день. Даже рабы на плантациях!»

«Я записал все, как было, — твердо сказал Леонид. — Переведи. И за каждый час отчитался, между прочим. Там

езде стоит, какую работу я выполнял и сколько на нее затратил времени».

«Записал, — согласился Борис. — Но давай разберемся, Леонид... — Борис заглянул в бумаги. — У тебя, к примеру, записано: "Три часа на дорогу от Централ Айслин до Гарлемского госпиталя!" Но это абсурд. От нас до Гарлемского госпиталя на Ленокс-авеню возможно добраться за тридцать минут!»

«Я не могу мчаться сломя голову, как вы. Мне моя жизнь дорога. Я езжу со скоростью, с которой безопасно ездить. Плюс я должен был захватить за ним!» — Косогор указал пальцем на меня, как мать-родина на потенциального добровольца.

«Но мы не можем платить вам за время, которое уходит у вас на дорогу, по двадцать долларов в час, ребята! Договаривайтесь встретиться на полпути. Двадцать долларов в час — это очень большие деньги, Леонид!»

«У него нет кара. Дайте ему кар!» — Косогор возмущенно фыркнул, выразив свое презрение к фирме, не могущей снабдить своего рабочего автомобилем.

«Леонид! — Барни встал и прошелся по офису. — Мы не отказываемся платить тебе двадцать долларов за квалифицированную работу: за обследование, за монтаж и демонтаж медицинской аппаратуры, но оплатить твои дорожные приключения по двадцать долларов в час мы не можем. Ты нам слишком дорого обходишься».

«Хорошо, — сказал Леонид весело. — Я никуда не буду ездить. Буду работать только здесь — в фирме. Вы сами занимайтесь покупкой аппаратуры, ренайте без меня подходит она вам или нет. Идет?»

Сделалось темно. Буйно, крупными кляксами застучал вдруг по крыше барака дождь. Вошла старушка-секретарша, мать Бориса и, тихо переменяясь по офису, подняла полости шторы на окне и включила две лампы.

«Леня, — сказал я, — они правы. Берите с них меньше за дорожное время».

«Пошел ты на х...! — сказал Косогор. — Коллаборационист! Я часами путаюсь на их е... хайвеях. Пускай тогда Барни возит меня. Если он будет шоферить, я не стану брать с них денег за дорогу».

«Леонид, у меня есть свои обязанности в фирме, — сказал Барни. — Если я стану твоим персональным шофером, ты будешь обходиться нам втрое дороже».

По лицу Бориса стекал пот. Он выдернул клипекс из коробки на столе и стал промокать физиономию. Барни, сунув

руки в карманы, расхаживал за нашими спинами. Мне представилось, что сейчас он остановится и даст Косогору кулаком по голове.

Зазвонил телефон. Борис, как мне показалось, радостно, схватил трубку. — «Йес!»

«Ну, в общем, так, — сказал Косогор, вставая, — Я поехал домой. Пока не получу чек, я работать не буду. Они мне должны машн за четыреста рабочих часов. Гуд бай, Барни!» — И неторопливой походкой кадрового рабочего, которому вкалывать всю жизнь, торонтиться некуда, Косогор отправился к двери офиса.

«Шит!» — воскликнул Барни. — «Эдвард, объясни мне, почему он такой трудный? Ты же не такой».

«Я другого поколения. Думаю, Барни, что власть и хозяин для Леонида — одно и то же. Хозяин — враг. С хозяином нужно обращаться сурово».

«Но он же просидел десять лет в ГУЛаге, Эдвард!»

«Что это меняет, Барни?»

«Эдвард, поговори с ним, а? Он не так уж неуязвим, как ему кажется. Конечно, у него редкая профессия, но в несколько месяцев я смог бы найти ему замену. Дело в том только, что у нас не всегда есть работа, мы еще не развернулись полностью. Леонида это устраивает, а американский парень захочет быть полностью занятым...»

«Эй, п...! — крикнул появившийся в двери опять, Косогор. — Ты поедешь со мной или пешком пойдешь в Манхэттан?»

«Иду!» — сказал я.

Барни подморгал мне, а Борис поглядел на меня с надеждой.

В «Романке» — русском кафе-шопе, на углу Первой авеню и Седьмой улицы, сидя против меня, Косогор ел нельмени, время от времени обнажая единственный золотой зуб. Очки съехали на кончик носа. — «Б..., не буду с ними работать! Открою свое дело. Мне Роман Давидыч, — Косогор кивком головы указал на хозяина «Романки», тот выдавал банки с джэнджареллою двум грязным пет-вилледжевским тинам, — обещал дать денег. Войти со мной в долю хочет. Я не хуже Барни и Бориса могу тем же бизнесом заниматься».

«Ну как нельмени, товарищи?» — Обширный, седой, в белом фартуке поверх рубанки с галстуком, круглоплечий, над нами стоял хозяин.

* Говно!

«Хороши пальмени. Молодец, прокурор!.. Едуард, познакомься с товарищем прокурором! — Леонид довольно оскандился. — Настоящий прокурор, ты не думай! Из Западной Украины».

«Это он вас посадил, Леонид?» — спросил я.

«Нет, не я. Я других сажал». — Прокурор улыбался, положив руки на бока.

«Дочку бы ты его видел, Едуард. Красотка! Прокурор, хочешь зятя? Поэт! Хороший парень».

«Хороший, — согласился прокурор, оглядывая меня. — Денег у него только нет. Да и русский. Я Светку за местного сврея хочу выдать».

«И он будет спонсаться с твоей дочкой через простыню!» — загоготал Косогор.

Пошел дождь. Косогор, дав мне пять долларов, послал меня за водкой. У прокурора не было лицензии на продажу спиртных напитков. Из ликер-стора* я вернулся насквозь мокрый. Прокурор повесил на дверь табличку «Закрето», втроем мы уселись за стол и стали пить водку, закусывая ее горячими котлетами по-киевски. Бывший узник ГУЛага и бывший прокурор области страстно обсуждали проект открытия ателье по покупке и ремонту медицинского оборудования, а я сидел и тупо разглядывал сквозь все более запотевшую стеклянную стену кафе-шона Первую авеню. По ней каждые несколько минут проекакивал полицейский автомобиль. После восьми полицейских автомобилей я предложил будущим бизнесменам назвать будущую фирму «Роман энд Леонид». «А что, хорошо звучит», — одобрил экс-прокурор, и они опять погрузились в восторги и подсчеты, а я вернулся к полицейским автомобилям. Когда стекло совсем затянуло влагой, я вспомнил о том, что в 2000-ом году у меня назначено свидание в священном городе Бенаресе, Индия, с другом детства. Я не сомневался, что явлюсь на свидание вовремя. Я знал уже, что Великая Американская Мечта не сможет меня удержать.

* Вишньий оддел.

В те времена Жигулин был работником. Торговал молодыми, красивыми и хорошо сложенными девушками. Выискивал их в диско, ресторанах и барах Нью-Йорка и переправлял в Париж, где продавал модельным агентствам. Прибыв в Париж, они останавливались в моем апартаменте. Нет, я не получал проценты за мое гостеприимство, я уступал часть моей территории из любознательности и в надежде на бесплатный секс...

Она появилась в моих дверях, одетая в глушейшие широкие восточные шаровары из набивного ситца в выцветших подсолнухах, на больших ступнях — растрескавшиеся белые туфли без каблука. На плечах — блуждающая куртка. Бесформенная масса волос цвета старой мебели. От нее пахло пылью и солдатом. Из-за ее плеча выглядывала маленькая красная физиономия парня, державшего в обеих руках ее багаж.

«Я — Салли, — сказала она. Улыбнулась и облизала губы: — А ты — Эдвард?»

«Ох, это я... Куда же ты исчезла, Салли? Ты должна была появиться четыре часа назад? Мне есть, что делать, помимо ожидания Салли из аэропорта...»

Она радостно улыбнулась. — «Я ездила посмотреть апартамент Хьюго». — Она обернулась к парню. «Да. Мы ездили посмотреть мой апартамент». — В глазах Хьюго я увидел страх. Может быть, она сказала ему, что я ее отец.

«Спасибо, Хьюго, за то, что привез ее, — сказал я сухо. — Гуд бай, Хьюго. Салли идет принимать ванну».

Он ушел, как осужденный убийца уходит в газовую камеру. Я закрыл дверь и взглянул в ее лицо более внимательно. Она опять широко улыбнулась и гостеприимно показала мне зрочки цвета шоколада без молока. Я не нашел никакой воли в них. Ее глаза были глазами коровы. За месяц до приезда Салли я достаточно посмотрелся на коров в Нормандии. Я понимал теперь, почему четыре часа прошло между телефонным звонком из аэропорта и появлением Салли в моем апартаменте. — «Я хочу, чтобы ты приняла ванну, — сказал я. — Спиши с себя немедленно эти ужасные тряпки.»

Она сняла. — «А Саша придет повидать меня?» — спросила она, когда я вышел из моей крошечной ванной, где готовил ее омовение. Она стояла совсем голая и большим пальцем одной ноги потирала щиколотку другой. Во-

круг на полу валялись ее одежды. Сняв, она лишь уронила их на пол.

«Нет. Саша не придет. Он звонил сегодня трижды. Мы волновались, куда ты могла исчезнуть из Шарль дэ Голль... Он очень зол на тебя. Ты сделала любовь с Хьюго?»

«Он хороший парень, этот Хьюго», — сказала она.

«Нет, я не делала. У него очень маленькая комната на последнем этаже. — Она задумалась на некоторое время. — Вид из окна, однако, приятный... Нет, я не делала», — повторила она и потеряла еще раз ступню о ступню.

«Если бы оказалось, что у него большой апартамент, а не маленькая комната, ты сделала бы с ним любовь?» — спросил я серьезно.

«Я не знаю. Может быть, — она вздохнула. — Я устала, Эдвард.

«ОК. Иди в ванну.» — Она, послушная, пошла. Я стал собирать ее одежды с пола.

Она сидит в кухне на стуле, кроме тиньорт, на ней нет одежды, и монотонно рассказывает мне свою историю. Рассказывая, она похлопывает себя по холмику между ног и машинально закапывает пальцы в волосы на холмике.

«...Потом я встретила Оливье. Он был француз. Он был очень богатый, несмотря на молодость, ему было только 19... Оливье водил меня в дорогие рестораны и хотел меня с..., но я не хотела, потому что он мне не нравился. В то время я опять жила в Нью-Йорке и искала работу... Однажды Оливье сказал мне, что его друг Стив ищет секретаршу на несколько дней. Я сказала, что я была бы счастлива работать для Стива, но что я не умею печатать на пишущей машинке... Стив оглядел меня и сказал, что мне не нужно будет печатать, что единственной моей обязанностью будет отвечать на телефонные звонки... На второй день работы у Стива в офисе я подслушала разговор между Стивом и его другом... Они говорили о драге*, ...оказалось, что Стив недавно получил откуда-то кучу вяжких драге. Среди других Стив упомянул и квайлоды. Я спросила: «Стив, могу я иметь несколько квайлодов?» — «Без сомнения, моя сладкая! — сказал Стив. — Ты хочешь принять их сейчас?» — «Да!» — сказала я. — Потом они оба в... меня...»

«Ты хотела с ними с... Делать с ними любовь?»

«Нет. Стив хороший парень, но он уродец.»

«А его друг?»

* Паркотик.

«Он старый. Тридцать семь, я думаю.»

«Тогда зачем ты согласилась?»

«Квайлюды обычно делают меня очень слабой, Эдвард. К тому же я хотела сохранить за собой работу.»

«Даже если только на несколько дней, Салли?»

«Стив держал меня три недели. И он платил мне 200 в неделю. И билетами, не чеком, Эдвард!»

«И держу пари, они с... тебя каждый день оба, Салли... Да?»

«Не совсем так... Почти.»

«Вот настоящая эксплуатация. Они наняли тебя с... с ними за 200 долларов в неделю. Дешевая проститутка стоит 50 долларов за раз, колл-герл* — сто долларов в час. Ты что, глупая, Салли?»

«Я не очень сообразительная, Эдвард», — соглашается она неожиданно.

Она не очень сообразительная, это ясно. Но почему она так притягивает к себе мужчин, мне совсем не ясно. А она притягивает их. Десятки мужских голосов в день спрашивали Салли. После всего нескольких дней в Париже она сделалась более популярна, чем я после нескольких лет...

В тот первый день я приказал ей после ванны идти в постель, и, когда я явился в спальню вслед за нею и лег на нее, она ничуть не удивилась и не запротестовала. Я лег на нее, я сжимал ее нес естественно маленькие, твердые груди... Странная улыбка не удовольствия, но удовлетворения была на ее потрескавшихся губах, — единственный знак участия в сексуальном акте. Ее волосы пахли пылью и после ванной. Большие ноги возвышались в молчаливом величии по обе стороны моего торса. Ее дыхание было ритмическим и спокойным. Было ясно, что она ничего не чувствует.

Впоследствии мы так и продолжали спать в одной постели, хотя я больше никогда не пытался делать с ней любовь. В ливинг-рум находилась другая кровать, но Салли никогда не спрашивала может ли она спать отдельно. Как хорошая большая маленькая девочка, она безропотно подчиняется желаниям мужчины. С ней хорошо спать. Она не ворочается во сне, не храпит.

По утрам, без майкана**, она — крестьянская девочка. Я

* Колл-герл — проститутка по вызову.

** Косметика.

думаю, она составила бы прекрасную пару Тарзану. Ее прошлые приключения, однако, были много опаснее невинных прогулок Тарзана по джунглям.

«...и я вернулась к родителям, Эдвард. В вечер Крестмаса я и Мэрнани поехали в местный бар. Бар был полон, и все были пьяные в баре...»

«Эй, какого х... вы отправились в бар вечером Крестмаса? Искать на свою ж... приключений?»

«Мэрнани хотела увидеть своего экс-бойфренда, Эдвард. Она думала, что он может быть в баре в этот вечер... Его там не оказалось, но мы заказали пиво. За одним из столов сидела банда пьяных парней. Завидев двух одиноких девочек, они стали кричать нам всякие глупости и гадости... О, мы не обращали на них внимания. Потом Мэрнани пошла в туалет. Когда она возвращалась, один из парней схватил ее за задницу... Моя сестра, о Эдвард, она очень оригинальная девушка! Она не уступит парню! Она по-настоящему дикая, Эдвард... Мэрнани схватила с бара две бутылки пива, разбила их друг о друга и воткнула один осколок в плечо обидчика. К несчастью, она глубоко распорезала себе руку другой бутылкой. Боже, Эдвард, все стали драться! Я швырнула свой бокал в рожу парню, бросившись на меня, и сильно поранила его. Вся физиономия в крови, он заорал: «факкинг бич!» — и бросил в меня стул. Стул попал в бар...» Лицо Салли сделалось оживленным более, чем обычно, при воспоминании о ее героическом прошлом. «...В конце концов бармен кричал нам: «Бегите, девушки! Бегите!» — Мы выскочили из бара, прыгнули в машину и отвалили...»

Я облегченно вздохнул и порадовался тому, что отважные сестры счастливо сбежали от банды негодяев. Хэнни сид.

«...но х... тоже прыгнули в свой автомобиль и рванули за нами. Через десять минут они стукнули нас сзади. Х... хотели сбить нас с хайвэя в канаву... Два часа, Эдвард, мы мчались между жизнью и смертью. Я была за рулем. О, это было нелегко. В конце концов мы сбили их в канаву и их автомобиль перевернулся! Мы поехали на партию*. Через полчаса Мэрнани упала, лишившись сознания во время танцев... Она потеряла много крови.»

«Почему вы такие дикие, там, у себя? Вы что, пещерные люди?»

Салли счастливо улыбнулась: «Сказать по правде, Эдвард, я сбежала в Париж от одного сумасшедшего парня. Моего экс-

* Вечеринка.

бойфренда. Он только что вышел из тюрьмы. Он убил бойфренда своей сестры за то, что тот сделал сестру беременной и бросил ее».

«Звучит, как история из семнадцатого века. Я и не предполагал, что люди в Новой Англии до сих пор еще ведут себя как дикари».

Салли улыбается моей невинности: «Он большой, этот парень. Он, бывало, ловил меня на улице, бросал в машину, привозил к себе, насиловал меня, выпивал весь алкоголь, сколько бы его ни было в доме... Иногда он ломал мебель и потом, устав, засыпал. Тогда я убегала. Утром он ничего не помнил».

«Надеюсь, он не знает, где ты живешь в Париже? Пожалуйста, Салли, не давай ему мой адрес! Ни в коем случае...»

Она начала сексуальную жизнь в 13 лет. В 15 она забеременела первый раз. Аборт. Она утверждает, что сделала любовь с сотнями мужчин. Ее наивысшее достижение — несколько месяцев она была герл-френд знаменитого теннисиста Джи. «О, какая у меня была прекрасная жизнь, Эдвард! Он давал мне деньги и каждый день... он выдавал мне два грамма кокаина!» — Салли гордо поглядела в мое зеркало на длинной ручке. У Салли нет своего зеркала. Странная модель, не правда ли? Модель без зеркала.

«И что ты должна была делать за эти два грамма кокаина?» — спросил я скептически.

«Ничего. На самом деле ничего. Только делать с ним любовь, когда он хотел делать любовь. — Она положила одну большую ногу на другую. — У меня была действительно прекрасная жизнь. Он уезжал тренироваться каждый день, а я отправлялась покупать себе одежду или оставалась дома, поехала кокаин и слушала музыку. У меня было пятьсот кассет в моей коллекции, Эдвард! О, что за жизнь у меня была!.. Хорошая жизнь». — Она вздохнула.

«Почему же ты не осталась с ним? Он тебя бросил?»

«Нет. Я потеряла его.» Если бы другая девушка сказала мне это, я бы не поверил ей. Но Салли я поверил.

«Я поехала к родителям, я уже говорила тебе. За то, что я вернулась, они подарили мне новый автомобиль. Спортивный. Потом я разбила этот, мой пятый автомобиль, и приземлилась в госпитале с несколькими переломами... Когда через несколько месяцев я вернулась в Нью-Йорк, оказалось, что он сменил апартамент. — Лицо Салли внезапно стало грустным, и она

задумалась. — Ты не знаешь Эдвард, где я могу найти его?»

«Неужели у него нет постоянного адреса? Он должен иметь дом или квартиру. И у такого известного и крупного теннисиста, как он, несомненно, есть агент... Поймайся найти его через агента или же через спортивные организации, Салли».

«Ты мог бы найти мне богатого мужчину, Эдвард?» — спросила она меланхолически, без всякого энтузиазма.

«Неужели я выгляжу как человек, который имеет богатых друзей, Салли?»

«Да, Эдвард», — сказала она убежденно. Ошеломленный, я поразмыслил некоторое время и в конце концов вспомнил, что у меня, да, есть богатые друзья. Увы, все мои богатые друзья-мужчины — гомосексуалисты.

Жигулин-работорговец утверждает, что Салли — женщина будущего. Что она более развита, чем мы, Жигулин и я. «Салли, Джизус Крайст, однажды она написала мне записку. В одном только слове «tonight» она сделала несколько ошибок! Я с... русский, но я знаю, как правильно написать "tonight"».

«О, вне сомнения, она безграмотна. — согласился Жигулин. — Однако же она cool* как Будда. И она живет в мире с самой собой. Ее интеллигентность отлична от твоей и моей, Эдвард. Мы — невротические дети старомодной цивилизации. Она — новая женщина. Мы, с нашей почеркнутой из книг искусственной интеллигентностью, должны исчезнуть, чтобы уступить дорогу новым людям. Тысячам и миллионам Салли».

Он не шутил, работорговец. Он серьезно верил в то, что она превосходит нас. «Между прочим, — сказал он. — Я нашел для нее апартамент. Она может переселиться туда даже завтра, если ты хочешь».

«Нет, — сказал я. — Пусть поживет еще некоторое время у меня. Я должен провести некоторые дополнительные исследования. Я хочу проверить, действительно ли она такая свеженаванная женщина, как ты утверждаешь».

И она действительно была ею! В этот период я часто ел куриный суп. Дешевая, здоровая, быстрого приготовления пицца. Вы кладете половину курицы в кастрюлю с кипящей водой. Лавровый лист, небольшую луковицу и несколько морковок туда же. Через пятнадцать минут после закипания бросьте туда полчашки риса и еще через десять минут нарезанный

* Холодная.

картофель. Я сказал Салли: «Ешь суп, если ты хочешь. Когда ты хочешь. О'кей?» — «Спасибо, Эдвард!»

Однажды я пришел домой поздно. Салли спала. Я вынул кастрюлю из рефрижератора и поставил ее на электронитку. Через несколько минут палил себе в чашку суп. Голые куриные кости плавали в супе.

Я сказал ей на следующее утро: «Кто научил тебя бросать обглоданные кости обратно в суп? Или ты собака, Салли? Ради Бога, ешь хоть всю курицу, но бросай кости в ведро для мусора». Единственной реакцией на мое замечание была улыбка Будды. Сотни смыслов скрывались в этой улыбке.

Салли двадцать лет. Она участвовала в шестнадцати судебных процессах! Судили не ее, нет. Салли судила. Ее милый, седой паночка, адвокат, использует дочерей тарзаных для выколачивания денег из мира. За все семь автокатастроф дочурки Салли папа сумел отсудить маме не только у страховых компаний, но и у автомобильных фирм, произведших на свет железные ящики, в которых сломя голову мчалась по американским дорогам женщина нового типа. Незлая девушка, Салли иной раз пытается скрыть от паночки место, где произошел очередной дебош, жалая владельцев бара или ресторана. Но безжалостный папанеукоснительно узнает правду и изымает причитающуюся ему компенсацию.

Кровь и несколько сотен мужских членов — вот что значится в жизни двадцатилетней крошки в графе кредит. Члены все были ее возраста или чуть старше. Иногда — чуть младше. Со старыми мужчинами она е... только за деньги и ей было противно, говорит она. Всегда практично, заранее договаривалась о цене: «Он сказал, что хочет, чтоб я у него отсосала. Я посмотрела на него... Ему сорок пять, он старый. Я спросила, сколько он может заплатить. Он сказал — двести. Я согласилась. Потом пожалела, что мало. Ведь он старый».

По ее стандартам я тоже старый мужчина. «Салли, я для тебя старый?»

«Ты о'кей, Эдвард.» — По физиономии ее видно, что врет.

Под подбородком у нее слой детского пухлого жира. Подбородок и понка — самые мягкие ее части. Все тело необычайно твердое. Недоразвитые, недораспустившиеся почему-то груди — не исключение. От шеи, с холки треугольником на спину спускается серовато-черный пушок. Все эти сотни юностей, 500 или 600, или 1000, не оставили никакого следа на ее теле. Оно холодное, как мертвое дерево.

Я полагаю, что из фильмов, из ТнВи, из металлических

диско-песенник она знает, что настоящая женщина должна е..., и чем больше, тем лучше. Она делает любовь как социальную обязанность. Пару поколений назад ее ново-английские бабушки точно также считали своей обязанностью производство детей и ведение хозяйства.

Новая женщина вряд ли знает, где именно находится Франция. Я уверен, что если бы кто-нибудь решил подшутить над ней и посадил бы ее в самолет TWA, летящий в Индию, в Дели, она бы считала, что это Париж. И никогда бы не засомневалась. Даже увидев слона, бредущего по улице. Как-то мы проходили с ней мимо Нотр-Дам. «Вот Нотр-Дам!» — сказал я. «Что?» — переспросила она. «Знаменитая церковь.» «Ааа! Я думала, это...» — она задумалась, вспоминая, — «как ее... баня». Она думала, что это Эйфелева баня. Когда, продолжая ее исследовать, я устроил ей примитивный экзамен, оказалось, что она никогда не слышала имен Энди Уорхола или Рудольфа Нурьева. Зато, как вы помните, у нее было пятьсот кассет с современной музыкой.

Ей необходимо шумовое оформление. Встав с постели, она первым делом движется к моему радио, полусонная, и ловит какой-нибудь музыкальный шум... Она безжалостно мигает станции, где звучит человеческая речь... Выставив большие ноги, сидит и рассеянно слушает, разглядывая в моем зеркале свое лицо. Если музыка вдруг сменяется речью, она немедленно меняет станцию. Застав меня слушающим BBC, она была очень удивлена тем, что я понимаю английский. Она, о чудо, английского языка BBC не понимает.

Каким-то чудесным образом одна ветвь цивилизации вдруг проросла стремительнее других ветвей в будущее, и вот по моей квартире рассказывает в большой тишине агентства «Элит» женщина из двадцать первого века. Тишот не прикрывает треугольника волос между ног, но прищелка из будущего вовсе не выглядит непристойно. Потому что она уже не совсем «она». Я понял, что Жигулин прав, Салли мутировала, видоизменилась за пределы женщины. Мутант-Салли, и еще женщина, и уже нет. Мутанты, да, выглядят как люди, но они уже не люди.

Через неделю Салли сделала первые деньги. Я подсчитал, что за всего лишь несколько дней участия в шоу Салли заработала сумму, большую, чем издательство «Рамзэй» заплатило мне за третью книгу. Эта арифметика навела меня на грустные мысли о том, что интеллект и талант все менее ценятся в нашем мире. Что каркас и крестьянская физиономия мутанта с успехом заменяют ей и звание, и талант, и чувства.

Она притонывала большой босой ступней в такт музыкальным шумам, изливающимся из радио, а я думал, что вот он передо мной — может быть, конечный продукт нашей цивилизации. Вот она пользуется радио. Что она знает о радио? Она пользуется всем, ни на что не имея права. Неужели для таких, как она, для ходячих желудков с коровьими глазами, свершалась трагическая история человечества? Страдали, умирали от голода лучшие люди: философы, изобретатели, мудрецы, писатели, наконец... Получилось, что для нее, да, для нее Джордано Бруно горел на костре, осудили Галилея, расщепили атом, сконструировали автомобиль, изобрели тайпирекордер, радио и ТiВи. Чтобы мутанты разбивали свои автомобили на дорогах Новой Англии, с трудом соображая, где они находятся.

Это для них предлагают урегулировать бюджет, чтобы еще улучшить их жизненный комфорт, правительства мира. Чтоб отец мутанта купил мутанту новый автомобиль.

Только один раз будничное спокойствие мутанта Салли было нарушено. О нет, не мной. Представитель исчезающего старого мира не может возмутить спокойствие Мутанта. Не-кто Джерри позвонил ей из Новой Англии и сообщил, что умерла ее собака.

Мутант издала звук, похожий на короткий всхлип, нмыгнула носом и, обращаясь ко мне, сказала: «Умер мой дог». Следующая фраза была уже обращена к Джерри в Новой Англии: «Как твой автомобиль?»

Жигулин прав. Для людей будущего, для мутантов, автомобиль — такое же существо, как и собака. И может быть, более близкое и понятное, чем человек...

Я бы еще, может быть, понаблюдать за мутантом некоторое время, если бы однажды, заметив, что она не моет волосы, не спросил ее: «Почему ты не моешь голову, Салли?»

«Я не могу, Эдвард. Доктор сказал, чтобы я мыла голову как можно реже. У меня экзема скальпа.» — Мутант светло и невинно улыбалась.

Всмотревшись в ее голову, я обнаружил в волосах омертвевшие кусочки кожи, покрытые струньюми. На следующий день я попросил ее очистить помещенье.

**«И ВЕЧНЫЙ
ЖИЗНИ ТАНЕЦ...»**

Окончил Литературный институт имени Горького, был в поэтическом семинаре Евгения Долматовского. Много печатался как журналист и как поэт. Живет в Москве.

МИХАИЛ АРХИСТРАТИГ

Сонел на землю бог крылатый
И лег на белизну левкаса.
Застыло, отвердело масло,
И замер строгий воин в латах,
С коня произая супостата.

Темнели постепенно краски,
Меняло время маски,
Когда-то чтим и знаменит,
Он был заброшен и забыт,
Как выходец из вредной сказки.

Через года его нашли
В пыли покинутого дома,
Ожесточения прошли,
Теперь он — редкая икона.

К икедеврам он теперь причтен
И помещен в большом музее,
И реставратором взлелеян,
К искусству древних отнесен.

И людям кажется, что нет
И не было его в природе,
И что к фантастике восходит
Такой немыслимый сюжет...

Настала ночь, и жизнь затихла,
В музейных залах полутьма,
Но вдруг налево от окна
Зажегся лик Архистратига.

И тут же полутемный зал
Цветами радуги залился,
Конь от иконы отделился,
И Михаил на нем помчал.

Среди полотен и скульптур,
Веками безмятежно сиящих,
Две пары крыльев шелестящих,
Седок и конь, плаща пурпур
Черкнули полосой светящей.

В ночной невидимый дозор
Небесных воинств предводитель,
Земли недремлющий хранитель
Опять летит во весь опор.

* * *

Электрички острый стук,
Электрички крик печальный
Мчится из ночи астральной,
Круто замыкая круг.

Пятикрылой люстры взмах
Без полета, без огня,
Как последний отзвук дня
В остывающих умах.

Из-под плотно сжатых век
Вижу, за окном пустым
Тополя роняют мех,
Превращающийся в дым.

Вест бережным теплом
От просторных мутных кров,
И плывет прозрачный дом,
Дом, в котором крепко сон.

Дом, где ночь-ворожея
Завораживала жизнь,
Дом, в котором ты и я,
Потерявшись, не нашлись.

Ты уходишь, не видна,
Хлестко щелкает замок,
И скулит моя вина,
Как некормленный щенок.

ФОТОГРАФИЯ

Здесь сосны в два обхвата
Не застыт свет,
Светло и свято
здесь,
И смерти нет.

Здесь время не крылато,
И как во сне,
И олово, и золото
В одной цене.

И гнев забыв, и милость,
И вечный путь
Здесь все остановилось
Передохнуть.

Здесь все остановилось,
Чтобы суметь
И гнев забыть, и милость,
И жизнь, и смерть.

А сосны ведь шумели
Сквозь сон и лень
И в солнечной купели
Крестили день!

И нам планета эта
Была мала,
И улетало лето
Во все крыла,

И было до заката
Пять тысяч лет,
И было мне когда-то
Немного лет.

И я гляжу на фото,
Как в мир иной,
Но я пришел оттуда,
Он — за спиной.

Там сосны в два обхвата
Не застыт свет,
Светло и свято
там,
И смерти нет.

И вечный жизни танец,
Как этот миг:
Фотобумаги глянец
И легкий блнк.

ФУГА

Волнение оставляю город
В закатных пламенных лучах.
Орган звучал,
Орган звучал
Во чреве Домского собора.

Лучи взволнованные меркли,
В заливе гас
Небес очаг.
Орган звучал,
Орган звучал,
Гортань средневековой церкви.

Сквозь стены
И сквозь витражи
На площадь выбегала fuga,
Ее приветствовала Рига
В лице прохожих
И машин,

В лице старинных улиц узких,
В лице торжественных домов,
С преобладанием тонов
Готических,
Иных,
Перуеских.

Но было множество начал
В творенье Иоганна Баха:
Земли простор
И горстку праха
Органный голос заключал.

Он заключал в себе стихи
И прозу,
Тихину,
Стихию,
Германию,
Войну,
Россию,
Изгиб поленовской Оки.

И дом в священном Эйзенахе,
Орган — поющий орган храма,
И в кирхе дымку фимнама,
Воспоминания о Бахе,

Танцевальные дымки просек,
Стволы,
Несущиеся к выси,
Церквушку,
Спящую на мысе,
И домик Левигана в Плессе...

Перед земным закатным ликом
Бессмертный дар полифонии
Играл орган берез России
В своем безмолвии великом.

ЖИВАЯ ВОДА

Вода протекла и застыла,
И муть унесло без следа.
Какая же чистая сила
Проточная эта вода!

Вода никуда не бежала,
А как бы росла из ключей,
Когда мы шагали устало,
Мutilи дремучий ручей.

Когда холодила водица
Солёные наши уста,
Мы видели серые лица,
А выше была пустота.

И что нам вода прошептала,
Никто не расслышал тогда,
Но всем захотелось сначала
Прожить прожитые года.

И мы перед тем, как проститься,
Ласкали водицу в горсти,
И веря, и нет, что простится,
Просили кого-то: «Прости».

Потом проходили несненно
Росней лесной, луговой,
И видели свет её прежний
И нимб над её головой.

Проводки, столбы с проводами,
Шоссе, что бегут в города...
К тебе принадлею устами,
Росня, живая вода!

* * *

Солнце, которое ты не узнал,
Жжёт из-под спуда.
Жизнь утекает в небесный канал,
Мастер Иуда.

Солнце, которое ты полюбил,
Звонче не станет.
Солнце, которое ты погубил,
Завтра восстанет.

Длинною тенью
Отметит песок
Линия взмаха.
Вотче!
Не станет
Ни Бог,

Ни пророк
Горсткою праха.

* * *

Немая ницета
Раскрыла двери зверю,
Но замкнуты уста,
Того, в кого я верю.

Витийствами извиг
Путь кормленных вампиров:
Свобода, суицид
И бытие навыврыв.

Не молнией,
Гроза
Посверкивает сталью!
Запавшие глаза
Осмыслены печалью.

И когти, и клыки
Нацелены на душу.
О, Боже! Не беги
Святую нашу сушу.

НОЯБРЬ

Как поздно я заметил:
Все стало голо.
В лесу на ветках ветер
Играет соло.

Тяжелою водою
Наполнен водоем.
Какое все чужое,
Какое все мое.

Всему своя черда:
Ноябрь смежает вежды,
И снежная звезда
Легла на ткань одежды.

Кристалл замерзшей влаги,
Звезда одна пока,
Как буква на бумаге,
Как первая строка,

Но проступает тема,
Как в полутьме дома.
И пишется поэма,
И пишется зима.

ОНА БЕЖИТ

Она бежит, бежит,
И волосы ее,
Сплетаясь с бионом,
Над головою образуют нимб.
Она бежит.
В лицо ей смотрят деревья
И вслед они ей смотрят
Сонными зелеными глазами
Из-под насыщенных ветвей-бровей.
Она бежит,
Пугая пыль дороги
Босой ступней своей,
И утренний испуг
Вторгается и тает по секунду,
А время уже новую минуту
Отсчитывает точным механизмом,
И стрелки поворот,
Как оборот земли вокруг светила.
Она бежит, бежит,
И падают все расстоянья
И все пространства ниц,
И мотыльки туманностей порхают,
Как птеродактили неведомых миров.
И, словно мотылек, —
Я вижу, —
Она порхает на границе зренья
И вот уж вовсе исчезает с глаз.
И только легонькое дуновение
Откуда-то пришедшего волнения
Колыхнет утреннее мирозданье,
А из-за матового горизонта

Протягивает алчное солнце
Своих лучей стремительные пальцы,
Чтобы, как некий огненный Мидас,
Все превратит в прикосновеньем
В золото.

* * *

От изумленья вымерли повсюду
Разбойники вчерашних подворотен,
И сонм существ,
Похожих на Иуду,
Спустился с архаических полотен.

От близны и лака их напыла
В глазах слепит,
И застилает очи.
Как радостно, светло и терпеливо
Они стремятся сделать дни короче.

Преступно горевать об их удаче,
Смертельно ужасаться их победе.
Они глаголят:
Жить нельзя иначе,
А впрочем, ждите,
Скоро мы уедем!

Пустые дни
Во тьме сугробом тают,
Гроба везут
К седьмому перенутью,
И очень тихо
Ангелы летают.
Над всем, над всем,
И в том числе —
Над сутью.

ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА

Перед заходом солнца воздух розов,
А горизонт
Велик, далек и ал.

И пусть вокруг
Ты много тайн познал,
Еще обширней вечный круг вопросов.

Перед заходом солнца воздух розов,
Как будто он мечту в себя вобрал.
Все сбудется,
О чем ты ни мечтал
В твоей стране
Поэзии и прозы.

Перед заходом солнца тишина,
И даже лист осинный застыл.
А девушка,
Которую любил,
Теперь, наверно,
Чья-нибудь жена.

Перед заходом солнца тишина,
И только время лет привычный яд.
Ни пол-словечка не вернешь назад,
А из цепи
Не выкинешь звена.

Перед заходом солнца воздух розов,
Перед заходом солнца тишина...
Постигни,
Что дуна твоя больна,
И нецелись водой багровых плесов,
Пока вокруг
Такая тишина.

РОМАНС

Неленое гимна звучит серенада,
Когда от бескормицы
Рушатся скалы,
И, чуя добычу,
Хохочут шакалы.
Но хватит,
Не падо об этом,
Не падо.

Как странно:
Живое бессмертью не радо.
Зато оживает в почве мертвячнна,
И смерть от рождения — неотличима.
Но хватит.
Не надо об этом.
Не надо.

Конь не разит сладострастного гада,
Когда беспредельно —
И слева, и справа —
Бесправие мысли,
Бессмысленность права.
Но хватит.
Не надо об этом.
Не надо.
На бойню плетется усталое стадо.
Но хватит.
Не надо об этом.
Не надо.

СОН

В мерцающих кочевных огоньках
Лежала Русь,
Почившая в веках,
И колоколыни с четырех сторон
Таили в глубине
Набатный звон.
Захлебывались криком города,
Тонгала прах
Татарская орда
И уползала на восток, пыля,
И затихала
Русская земля.
Тянулись годы,
Душный сумрак плыл
Над памятью пожарниц
И могил,
И вдовы,
Пеплом убелив главу,
Валились на могильную траву,
А в небе,

Безнадёжно-голубом
Молчало солнце,
Выгнувшись горбом.
Мир затаился,
Гольи и босой,
Где смерть взмахнула
Огненной косой.
Но бросил семя
Первый хлебороб.
Оно уало в землю,
Словно в гроб,
Но следом зерна
Новые легли
В утробу
Оживающей земли.
И этот робкий подхватив заччи,
Рванули соки
Из тугих глубин,
И семена,
Разбухшие в тепле,
Ростками оцетинились в земле,
И вышел к солнцу
Первый стебелек,
Как юнона,
Ступивший за порог.
Жизнь возникала вновь
Из ничего,
Приобретая плоть
И естество.
Вставали травы
В выжженных стенах,
И нарастало
Мясо на костях.
И плотники взялись за топоры,
И дрогнули замшелые боры,
Ломая сучья, падали стволы,
Чтоб превратиться
В лавки и столы,
Чтоб превратиться
В баньки и дома,
Чтобы в амбарах пухли закрома
Под патиском
Отборного зерна,

А в погребках —
Чтоб меда доньяна.
И дрогнули пахменные дубы,
А на дубах
Древесные грибы,
И лоналась дубовая кора
Под правильным ударом топора.
Но дуб стоял
Могуч и кривошлеч.
И как он мог
Такой
На землю лечь!
Но вот в него
Бревном вбивали клин,
И с криком падал
Черный исполнн,
Чтобы на грани
Мира и войны
Застыть на страже
Городской стены.
И города,
Воспрянувшие в срок,
Бойницами
Взглянули на восток.

* * *

Лучших усатых времен
Помним шеренги имен.
Жили живыми людьми,
Сжатые между дверьми.

Ход ни вперед, ни назад.
Код, шифрограмма, доклад,
Красный на том карандаш,
Черный под тем раскардаж.

Из-под земли и руин
Каждый второй гражданин
С Богом в общении прост.
Первый живет в стае звезд.

Сладко под общим крестом
Гибнуть и жить панотом.

В ЦАРИЦЫНО ОСЕНЬ

В Царицыно осень.
Узорные листья
Легли на аллеи,
Шуршат под ногами прохожих.
Баженов
Бредет меж дворцовых развалин,
Невидим.
Он держит в руках,
Словно мертвые листья,
Истлевшие планы построек.
Он их не уронит на землю,
Пока недостроен дворец.

* * *

Прогрохотавшего состава
Вдали умрет последний звук.
И вновь падет тумана саван
На тишину, пути и луг.

Но где-то
В том же измеренье
Гораздо тише роста трав
Вновь зарождается состав,
Вновь неминуемо вторженье,
И это ведь не повторенье,
А проявление
Новых глав.

Автор стихотворных и прозаических фолиантов и киносценариев (например, о Ходже Насреддине). В свое время закончил Литературный институт имени Горького. Много лет занимается писательским трудом.

«ЛАЛ и ЛАЛЛА»

поэма-эпиллий

Дорогой Читатель!

Эту «антициную» поэму я недавно нашел в своем архиве. Я написал ее в 1965-67 годах. Тогда я тайно увлекался индийской эротической скульптурой, индийской древней музыкой, древним Египтом, Хлебниковым и живописью «импрессионистов». Тогда это была крамола.

Под бетонной плитой тоталитаризма томились Бродский, Еремиш, Жданов, Влодов.

Над плитой сладострастно пели и декламировали Евтушенко, Вознесенский, Окуджава. (Они и нынче поют — дай им Господь!)

Но под плитой, под ледяной коркой текли тайные вольные реки. В том числе и реки антиимперского модернизма. И реки эти и нынче намного превосходят самодельные, злокозненные ручейки наших теперешних «постфутуристов» и «метаметафористов».

Как тут не вспомнить мудрого Андре Жюда: искусство расцветает в неволе и умирает в свободе!..

А мы добавим: если лимон не давить — не получишь лимонный сок...

Для поэтов и читателей, ищущих новые пути, публикуется эта поэма. Спустя тридцать лет после написания.

1. Стрекозы в травах спших улетали Лаллу оставляли испорченную
как камень
Камень воздыхал стекал прозрачно обмерзая облетая
Текли пресные телесные чайки вод неслышных мироздания
Лал оленя пил Лал Лаллу вопрошал на грушевых песках залива
усыхающего дальне
Лал в алых скалах возрастал фаллос кунал в родниках водоноях ланых
Лалла груди на дынных бахчах взращивала
И садовник щерился зарился смирялся
Лалла Лалла Лалла груди вызывала выпускала в просторы сада
Лалла зывала от груди безлюдных отставала первозданно на
берегу израстаясь
Лал кунал фаллос форелям опуская сберегаясь хладно гладко
Лалла стерегла Лалла косы разбросала в водопадах возвышаясь
сохраняясь неустанно
Лалла к соснам до поры стадо сосунков ягнят приставила
Лал брыкался с ослами в зарослях горчащего боярышника
Лал к порхающим козам припоровывался воровато задыхаясь
надко валко

2. Лалла в облаке улетала
Лал стрелу устанавливал
А Лалла пала в сеновалы а не в сеновалах пала

3. Лалла зрела прозревала
Да в молочной полночной реке груди купола купала скалясь
сацияще
Да Лала деволуба не пустила к ноге
А Лал в расщелине застыл с тетивы стрелу пустил
Ты теперь не дева Лалла я разрушил знак зачатый
Стал я все ж первоначальным
Выходила млечно Лалла да под Лала подлезала среди телячьих трав
покладистых ягодицами ореховыми вырастала
Что что что нагая Лалла а куда стрела попала

4. Ловец Лаллу подстерег уложил в горяч песок
Сперва она его томила потом за корень укусила
Издав ловец крик и на почном песке поник
А Лалла села в бледный чели и заорчала среди волн
Она плыла легка пела и вся окрестность ей ответствовала
Вдоль всей реки мужи стояли ей крикливо подпевали
О Лалла ты ж едва поспела как столькох ты вкусить сумела
Я с колыбели их сзывала пусты мне были груди матери

5. Лал ферганских корейнок стадо вялое лежит
Лал лидийских лесбиянок стая спелая визжит
И божок в рожок дудит и фисташник ворожит
Лал твоим ресницам мир
Лал твоим свирелям мир
Лал очнешься в белых вишнях в росах зебб как плод омыт

6. Лал алкал в геранях ранних
Лал дремал в черешнях влажных
Лал медовых пчел лизал
Лал по водам соловьиным плыл в малинниках стыдливых
В травах маковых пронал
Здравствуй Лал

7. Снег сходил на пирамиды а верблюды уродились
Лал ты жил ли среди пустыни врыт головой в бархан равнинов
Лал ты был среди пустыни из колодцев зменных пречистых
ассирийских
Лал ты зелен ты улыбочив
Лаллу кличень в камышах
Там верблюд нал в снегах
Там пророк саксаул возжег и верблюда уберег
Лал высок всемогущ зовущ песок — вознесенься в венный дол
Лаллу Лал в леса увел

8. Наносны песком верблюдов поздри
Наносны песком парящие колодцы
Наносны песком беззвучных муэдзинов глотки освященные
Лалла
С тобою шествуем в барханах утонаем возникаем радужно
возносимся
Лалла Лалла
Древо сочное в песках пролетных омертвело плодоносит
Лалла Лалла Лалла
Древо червоточит
Что за пустыней луг коровий пчелами зелеными нехожен
Что на речную заводь отрешенную небесный бесноватый зверь
псеходит
Лалла хладную ладонь приладь приставь о мое страдающее око

9. Лалла Лалла плач камня
Лалла Лалла сарафаны в реку упадают опоздало
Лалла прячется нагая за великий камень а камень сквозит прозрачностью

Лалла входит в воды а воды прозрачны
Лалла зарывается в пески а пески прозрачны
Лалла вбегает утихает в ствол чинары а чинара прозрачна
Лалла Лалла
Нагая нагая

10. — Лалла у мечети и ослы заливаются тишают осторожничают
Лалла груди небывалые умерь и до пустыни донеси — туда и зверь
любить уходит
Лалла под святыми куполами при молящемся аллаховом народе
— С куполов святых на купола мои непомерные пари пади
свободно
— При молящемся аллаховом народе
— Зачаты были так пророки

11. Лалла близ фаллоса зебба Лала плескалась Лалла угнеталась
задремала в родниках игривых металась утонала
Волен волен волн упадок
Густ человекост куст кинаний окуянно стадио воровато вдали
сумеречных
храмов
Пусть храм Христа и купола его изведаны червями
Глиняк гласный Всевышний парусь опустелый замшелый двуногий
сосуд
Развей разгони разнеси по вселенной осенний сей куст всеядных
визжащих
Лалла купола храма на груди опускала надевала уместила груди
выгоняла утихала купола лелея сохраняя
Лал лик Спаса ублажал червей храма пругом масляным липы
изгоняя избивая

12. Лалла сойди в ночь надучих плодов повсеместных поднебесных
лестных
Лал убереги главу в скользких канающих влачащихся с веток
персигов ленных
Лалла белые рассветы
Лал изнеженные извечные мечети
Лаллу влекут стены
Лал ликуют анги ветот
Липот источают плоды млеко плоды азийские созревшие кож
прорывают
вечности калечат осатанело сладко смятенно
Форм слепость божественна безмерна конечна

Лалла что и ты изменила
Лал и ты падень на землю
Лалла Лал блуждал переспело прозрело в распадающихся перенках
тленных
Лал Лалла возлегла безбрежно безмятежно на плодах священных

13. Лалла мак несла в руках Лалла расшескала мак
Лал сорвал тюльпан тюльпан облетал пехудал
Лалла пошла мятного жука
Лал в дурманах возмечтал Лала знойный знак объял
Лалла Лалла в неводах блистала выливалась рыба брегав свертала
Лал буйвола хвалесных медных трав умащивал выранчивал
Лалла возвала
Лал фаллос восстановил

14. Улыл урмыл улей удил и прибрежные прибрежница офелов
возродил
А Лал людей поил
Лал Лаллу лилей в пашыве перистых скоротечных леззелей
А океан в облака вселенски воспарил в облака крылатых мамонтов
мамил
А Лал в пустыне дошной Лаллу среди известковых рыб приворожил
Сеть улыл влачил высушающих офелов сторожил валил
Урмыл лик остаточный умыл лик неслыханный таил среди избытков
кобылиц явил
Океан с высот благих в лоно свежее светлое снадал
Лаллу Лаллу лютой Лал на блудных волнах Лал качаясь возалкал

15. Вод рассеянных разброды наклонные рыбаками краснотелыми
заброшены
Пресветлые розы росные стоят из полевого васильков озера
Лодка недвижна в гуцах бессточных тянующихся медово бредово
уносно
Лалла погу влечет из вод застойных ичелиных настоенных
Лалла на лужайках роищет в ронцах веющих стрекзов в ручьях груди
облачные обморочные полощет
Лал когда войдешь ты в лодку
Лал когда войдешь ты в лодку
Лаллы главу палуо в губах держа в ночь угонный падень в клевер
коровий
Лал угодинок

16. Вододеды вододевы златолюбы златотелы

Водолювы уловелы соловелы сосну солоноватую вепонли возрастлици
среди моря
Водолары унокойны усмирены святы беглецы Согды
Молод моря улов пришлод беззлюбный
Беглецы легки из Согды в древах лимонных на берегах рек
божевольных
Беглецы легли под коньга коней усиленных остановленных
Беглецы брели к соленой сосне по морю отягченному
Вододеды вододевам цекотали груди окрыленные лизали брови
вавилонистые гибкие взволнованные
Вододевы вододедам чесали убегающие пятки внясь всплывая
ягодицами двугорбыми
Рыбобьики из заводей лежали утомлялись лоснились благостно
огромно

17. Лал в смятении несков Лал в свечении ледяных костров
Лал в граде дев полет
Лалла спала среди травянистых лучистых островов
Изгрызли девы Лала фаллос омылись девы изнемогнутою рекой
Близок факел огневой пляшет варвар молодой перст пророка
опален
Лал на Лаллу заброшен заветной да поздней волной
Дев град обложен набегом несметных самцов удальцов
Вместо корня кривой отомстительный губительный рог бронзовых
зверя эпох
Дев град уличен обречен

18. Лал Лал Лал лежу бегу нылю молюсь с тобой
Лал на берегу безлюдных осиянных вод
Лал я разворочена распахана раздвинута я опорочена скалы святым
бездумным щербатым обагреным острием
Лал река унесит марево животное зарево в ночь обманутых жрецов
Лал глотаем ягоды багряные литые спасительные кустов
Лал обретаем дар очищенных бегущих в мире вольно пог

19. Лалла Лалла захворала где в ночи с кем унадала ушнвалась
Средь стволов ослов нежнейших блуждала подставлялась умолчала
Лалла
Средь стволов милейших Лала забывала
Облако стояло ярое
Дынали звери отуманивались шало одурманивались стадио
Лалла след тягуч влекла и на него жуки кровососы слетались
сладконадко

Лалла след влекла из зарослей дымящихся ослов снгающих
зверонадов

Скалу ослы лизали толнясь вздымаясь скалу лизали липко
поклонялись
ползали липяли

Лалла Лалла в реку в реку хладно забегала забегала забегала

20. Лалла Лалла сугробов низых смеркаются главы величавые
Лалла Лалла ликами сходимся хладными ликами серебряными
сближаемся

Лалла ледяными ликами среди века нуд обогреваемся Лалла

Лалла ликами людскими возвынаемся

Лалла Лалла во вселенских снеговалах не теряемся

21. Лал кружился на лужайках

Лал лес не рос Лал лес сох да ждал пожара

Лал в лунатических кустарниках обрывал свергал росы повалыные

Лал гроздыми рос костры лесорубов замаливал

Лала леса стояли сохранио хрустко благодарно

22. Вымирающее око ница стронгитного врезанно взирало

Вымирающее высыхающее горло русло нецца пустынь жрецов

кумиров молитвенных мужало

Лалла Лалла кто на тысячелетья след оставил кто метался в заводях
кто каялся

Кто угольными вековыми цветами напоротниками облагался

Лалла скоро Лалу раснадаться а тебе оставаться

Лал а скоро Лалле оставаться

Схоронись под сиреневым камнем

Придут горбатые околенные ангелы придут промолчат пролянут

Придут ангелы Лалла унесут Лала в просторы молочных ромашек

Лал Лал а ты пронел в ромашках Лал а ты не смел в ромашках

Ты сквозишь в седых ромашках ты скользишь в темных ромашках

А стешные стренеты кудахчут дальне возлетая в ковылях медвяных

А росы росы сладкие тянутся надеж бараньков обеща свальный
стадный

Лал Лал норхают мотыльки росонасы норхают одурманивают
воловьи очи Лала

Лал лучистых осиянных озорищ хороводы выют венки плавные
да в воды гладкие пускают

Берегиня берегиня чистотела многогруда выплывает в ромашки
тяжко влажно уползает

Лала ты забываешь забвенную Лаллу Лаллу Лаллу выпускаешь оставляешь

Лал берегняя лань стенная ладная в гибких романках выгибается
катается зывает
Лал на дланях берегнюю ублажает укачивает
Лалла Лалла многогласой зегзицей в слях ты ль витаснь льнешь
тшнась
Лалла Лалла лань стенная в росах лишних мучияных выдыхается
языком онадаст
Лаллу Лал воспоминает одичало в райских нескончасмых романках
возникает Лалла.

23. Лал свирельники стеклись Лал а лани пронеслись
Лалла лани пронеслись
А ослы стройно стойко паслись
А косит табуи косяк кобылиц
А извечен полет снеоких птиц
А верблюды лани ниц все в преддверии прозрени гробниц
Лал о Лалле помолись Лалла Лала помяни
Лал а лани пронеслись
Лалла лани пронеслись

24. А дивился девичник дивился девичник
Лал Лал а ты доднесь ярился а ныне смирился
Недреманный ли ворог тобой усладился
Стерегущий конец ли в ночи совершился
Лал нади на гладь девичью острой алчной прыгающей птицей
Лал нади а девы вскрикнут
Лал уполз в кусты ушел улиткой заунывной

25. Тростник готических песов
Тростник панических сов
Тростник зеленых кабанов
Тростник сахаристых вод
И все песок песок песок
Тростник пустынного грядущих градов

26. Змесносных светоносных песков бесследность бесслезность
О растений станы пыльные
Лаллы груди опаленные расколотые Лала длани вознесенные
И все было было было
Все пустыней просквозило все влекло уйти из мира
Что и лилий пруды опустылены неказились Лаллы лишни
вигнйственные
Лал средь буйволов буддийских воснарил отренился

А растений стебли жили а жуки крыла раскрыли
А могильники цыгане тербели бередили
Лалла реки заносились Лалла реки течь ленились
Лал хазары сохранились

27. Лалла пела из дупла а окрест трава цвела
Лалла пела из дупла а овца к ручью сошла
Лалла пела из дупла а дева в храм дитя снесла
Лалла пела из дупла а Лал под деревом просиял

28. Лалла с тополя причитала в тучах чадных.задыхаясь
О Лал кровное чадо
О ледник ледник по простыне твоей точеной нога кровоточащая
ступала Лала
По простыне твоей шуршащей кристаллами неальми
Лал согрейся утенься серными горчащими родниками
Лал затеряйся в стаде оводов кинанщих
Лал овчары пастыри созвездья по-соседски окликают
Лал внимал у костров монахов
Лалла с тополя разведалась благая

29. Кадыльных холмов коровы коровы кадыльных холмов
Куда вы бродили коровы холмов кадыльных
Стояли стада коров в малиновых травах холмов
Куда вы куда вы бродили чтоб стыть на холмах вечерных

30. А облакивали Лала обволакивали Лала саваном аллаховым
обматывали
Лалла мраморовыми руками отметала священных шакалов
отвергала
Несли Лала на подъятых дланях возносили над нылями polegших
караванов
Над болящими градами
Лалла Лалла а колокола вешали верещали над его очами
замкнутыми
И крылатые бараны и крылатые бараны еле еле минареты минареты
облетали
Лалла Лалла взойди возрадуйся в собраньи иступанов плакальниц
Лалла Лалла а зерно взялось из встречного камня погребального
А зерно стебель бледен победен над толпой восставило выгоняло
Лалла

31. Небесные верные лодки к верхушкам дерев поющих привязаны

И лодки шатки
И паре погою византийской блуждает во лесах славянских
И паре со глазом ассирийским
И француз в облаке венцает
Росли росли росли киттани ронгали в тесноте благовопных валунов
Чей раздался первый зов чей выл птиц седых улов чей чах плод
Кто прижился в стаде божеских коров
Кто выйти к лодкам из могил готов
И француз в облаке снижастся в тибетских монахов зазывный
петленный целебный костер
И паре окидывает долгим оком высенный ствол
И пахнет ангела паленым крылом

32. Лал охладн нагих коней Лал ягнят уведи упрячь среди волчьих
полей
Лал Лал баловень несков Лал Лал под верблюжьей луною рожден
Лал баловень бабочек осенних лугов
Лал Лал на берегу вселенной наг под самосветными светилами
плясал

33. Лал свобода в дальнем древе
Лал в поля поверженных колосьев побегн
Лал над деревом стаю углядели
Лалла лебеди слетели
Лалла ступни в срезанных стеблях отболели
Лалла беглянка колыбели
Лал беглец из колыбели

34. Атула Атулла Аттулла Лалла Лала сберегла
Лалла овсяных коней пошла светла с ума светла
Лал Лал шествие шествие самоотпийных самоотпийных смертоноснц
смертоноснц
Шествие воскресних мудрых раскоснц раскованных
Лалла шествие песками ли заносится шествие в пустыню просится
И все уединенья гнезда в рощах непрочны все развсаялись
рассеялись распались гнезда
И моровых оводов стаи божеские вигают умерщвлению
Лал Лал утеряны океанов броды
Лалла Лалла тело тело просквозило просквозило тело Лодды
склонной
Телло телло Лодды тело бескрайних утех в посевах удаленных
отроков охочих многоногих многонощю
Тело Лодды тело нехода разноликого рода

Тело взрыто червем густым трубящим тело червей плод обогнувших
не затронувших
Тело Лодды дозревает на берегах потоков отрешенных
Лал набрел на тело Лодды Лал изгнал червей и Лодда плод исторгла
Бежало высокое
Бежало ликовало из пустыни самоотрешенных смертоносных шестивне
высокое

35. Пшеничный имель увял на стволе бесплодной яблони
Пшеничный имель увял на глади безрыбной заводи
Пшеничный имель увял на устах гремучего налитого оскопленного
барана
Лал Лаллу лилей в наденьи трех имелей в наденьи трех смертных
имелей
Лал близок час наденья мора всех имелей
Лалла Лала одолей в наденьи скором всех имелей
А храм чист уготован токмо чистым оскопленным
А храм пуст в отчизне язычников устремленных
А Лалу было слово а Лалле было слово
Воидите в храм и люд нобитый позовете повлечете за собою
А Лалу бы трубить в теплых деревьях ослом призывным а Лалле
бежать
по склону распаленной круглой исходящей овцою
Было слово в отчизне чумных сборниц гульбищ обреченных
Лал Лалла мортусы апостолы

36. Птицы птицы омалов улемов бинотся мечутся о храмы
кающихся
Ходят постылые ангелы
Ходят у стен несрытых несмытых
Ходят ступают кони младыми коньтами
Горите горите милые горите купола мечетей вековые вышние
Горите придут озираясь осмеянные старцев лики глиняные великие
Лал Лалла в ронцах немощных да ронцующих веснонцю кротко
ублажите

37. Лалла Лалла песков Лалла неоглядных песчаных берегов холмов
Лалла
Лалла уливается в барханах уссынается в барханах проссынается
В песках неконных сквозистых скользит да мается спускается
вздымается вызревает
Лалла дева песчаных глав развевающихся барханов Лалла в
барханах расплескалась возлетала

Песками неизменными перемывалась Лалла
высыхала уносилась
разметалась Лалла
Лалла груди о песок уставила дынала
выжидала губ верблюда
влажных жаждала смирялась унадала
Лалла влеклась носилась гналась обвевасма
песками укромными
пестуленными песками искалась Лалла
Лалла в василеках в скарабеех зарывалась
в песчаных гунцах
угхалла уставала остапавливалась
Лалла увядала уповала
Лалла Лалла пресветлыми летучими
песками очи ангилонь
занесенной выметало выдувало
Носило очи покатые в добиблейских
фараоновых барханах Лалла
Лалла
Носило очи страждущие
человеков ранее Лалла
А Лалла на бархане шумном
разметалась раскаленными
сосцами раскидалась
разбросалась алыми
Шли караваны красноватые
и подползали и присасывались
и ревели ухлекаемые
в дали марева пестерными
ослами вожакими новылзавшие
стволы осатапело
уволакивающими
Лалла Лалла на каком бархане
осенная уносная резвучая
зовучая претомнилась
преставнилась

38. Лал саксаульной хворостинной
гнало стадо дев пагих в пустыне
И Ангилала повстречал
И Ангилал стадо дев пагих
иных гнал и был густ
телесный тесный
льстивый девопад
И Лал был рад а Ангилал
чреват
И руку подъял на брата
брат
И Лалла ветала из бархана
пагая держала Лалла
среди грудей сосунка
барана кудрявого
И ронгала плакучая
ликующая Лалла и увяла
длань Ангилала
папитая
И нагринул прибавил
фаллос Ангилала и дев
стада груди алчущие
восставили
И мешались пугались
стада Лала Ангилала
стада Лаллу восславили
И пал на Лаллу Ангилал
и баран помятый
воскричал изначально
Она исчерпана она скалою
изъята она жена
сконца Лала
И сошел Ангилал и вошел
в великое пагое
смертное жаждущее
стадо
И умчало его на
грудях частых
подъятых в беззвучные
беспробудные
беснутные барханы
И умчало его
умчало
И Лалу он воздал
возвал обреченными
зденными очами
угухающими навек

И умчало его умчалло
И Лалла вслед спасенной вышней десницеи махала простиралась
беспечально
И Лал жевал хворостину кадящую

39. Антилалла стояла Антилалла куст пьяничник обласкала
облюбовала
Будила бередила Лаллу Антилалла уводила в заросли
многострадальные
Воды были были воды миндальные мелькали витали видали
Грозды виноградные кудрявое гуляли наливались
Антилалла угомонилась трех монахов вызывая вызволяя из
скалистого храма
Антилалла трех нагих монахов совращала выпуклостями
необъятными играючи
Три монаха Лаллу умудренно круглыми нагими животами
заворяживали настораживали
Антилалла трех младенцев понесла и сосала
Лалла Лалла а тебе не слыть не выть матерью
Лалла куст пьяничник к очам речным прикладывала прилагала
забывалась
Были воды белы были воды повальны текли воды правые праздные
везнающие
Лаллу зыбкую бродячую лизала охраняла Антилалла
Три монаха учуяв уползали в храмы животы постыдные о камни
избивая
Три младенца с куста пьяничника три плода омытых смеялись
Будда Христос Мухаммад

40. В поць монахов умерщвленных в поць монархов усеченных
уязвленных
В поць светло посланнику облаков апостола
В поць ловца ангелов приближенных
В поць молитвенных сборищ ходочков пророков
В поць светло светло светло в полях богоносцу кроткому
В поць прозревниго в своевольных росах отрока усонного

41. В державе маков укрои убийцу человек Лал
Кликни птицу отточенных скал
Кликни зверя шестиногого кликни деву горячего ледника
В державе маков упокой провозвестника гонца конца
Летали летали облака лежали лежали валуны издалека
Летали валуны облака

Витали человекoв убивенных свято сонмы сонмы тесных тел
неправедных скитались
Сходил к телам старинарь архангел сходил к державе маков
понижаясь
Сходил архангел мимо сонмов сонмов тел незначащих
А спал истребитель в земных гордых маках
А по его дрожащим векам проводил любовию архангел вышними
назначенными благими перстами
И смирялся улыбался изгнанник избранник лик расправил
распрямил в маках заживо горящих
И взонел архангел и тела отметал блеснувшими плеснувшими
когтями яростными
И обдал Лала крылом слепящим восходящим

42. Игрцы блазнители близ осени пастухов резвилась вилась
явилась Лалле смирию
Игрцы блазнители в комарных мирах лугах расплодился
Игрцы блазнители возродили Лаллу Лаллу воронили уводили
Лал возжигал светильник нежигть уносилаь
Лал источники мугились Лал источники дымные блазнителей
поглотили
Лалла возжелала игрца возвеличила
Лалла возлежала самкой забывшейся в струях сменливых глиняных
плнетых
Лал лесоруб рубил угнетенную воспаленную осенью осенью Лаллу
осеннюю
Лал в свежих ниях блуждал таня а Лалла бежала из источника
отвергнуто отригнуто
Лалла Лалла в воинющих свежих ниях бегущая орущая богиня
девничества неприбыльная

43. Тело Лаллы тьело тнело Лаллы тесло фелло угнело утекало
телло Лаллы лизали у прудов гладких титтиселю Лаллы в глинях
мятых мятных тело пролегалo свято
Телло Лаллы лесо Лаллы Лала ожидало уалло сонно терико зрело
тело ленное млечное уелло блея пастухам являясь в овсах
баранковых сахарных увлекаясь устремляясь
Тело в мучнистых зарослях увяло ль телло Лаллы телло Лаллы
телло воскресало млади округлялась ладно паливаясь среди стволoв
дерев внимающих хладно
Тело бесконечно нетленно тело бежало дынало удлинялось близ
златых храмов
Тело Лаллы лакомое ласковое плутало аукалось перекликалось с телом

фаллоса Лала

А тело Лала монаховое над погостом строго выростало стояло
в облака внадея порхающих ангелов

Тело тело Лаллы в лесах увлекалось в родниках разливалось
блистало влачилось в несах восставших воссиявших возлежало

Тело тело Лаллы к погосту Лала выбегало сбиралось сберегалось
утихало обретало возвышалось очищалось

Лал Лалла главами сойдясь над суетным погостом взлетали

Утеряла Лалла тело тьело тнелло тесло фелло утнелло телло

тигнелло Лалла фелло лело улелло утеряла оставляла Лалла

монахия

44. Лал: Избисние плода плода изгнание разорение плода
витающего талого

Лалла: Лал Лал кто на язык миндальный зернистый мой возлагал
стройный фаллос ал

Лал: Фаллос дымчат лежал фаллос в ночи кто не выпускал

Лалла: Фаллолюбивы девы медоносные

Лал: Деволюбивы мужи в утренних зовущих росах мужи

девоугодливы

Лалла: А девы языками как пастыри хлыстами луговыми звучно
щелкают

Лал: А мил мужам куст кровавик дев царанающих властно
вызывающий

Лалла: А мил девам гуляющий фаллос забавник разный
проницательный

Лал: Лалла Лалла выбивайся из стада дев языками

обволакивающим алчущих

Лалла: Девы мужей онаранили одурманили языками влажными
протяжными вобрали загнали неустанно

Лал: Возвал я к фаллорубам лесовикам и их близки собранья
усмиряющие

Лалла: А фаллорубы фаллоносцы пль сконцы безмерные безгрешные
посланники

Лал: Беги из стада

Лалла: В преддверьи фаллорубов девы языками радужно разыграли
несобьятно

Лал: Лалла Лалла окрест край языков удалых край фаллорубов
удалых алых

Лалла: Немые святые девы в храмах преклоняются светают упадают

Лал: И языки губили рубили пречистыми гибкими тонорами частыми
участливыми сопричастными

Лалла: Мир безъязыким девам и мужам сконцам свежайшим
Лал: Избиение плодов тончайших в стадах гранат кровотокащих
Лалла: Лал Лал ты взывал а фаллос забывчив текуч исторгал да поменчал
Лал: Всяк пророк так поучал

45. Сакулла в скалах в саклях пробегала несякала след блестящий оставляя

Аррега кагалы апостолов нарушала разрывала на уверовавших барханах ангельских

Табуницы табуницы тела тела мчали мчали заманчиво обманчиво занальчиво качая

Табуницы соленые ценные встречались в чащах обгорающих чреватых племенными бабочками

Табуниц проды имали

Сакулла кто зачал тебя в самудных блудных далях богомольцев кадящих отнавших

Сакулла кто камни безначальные разбрасывал восклицавши богоматери

Шалом шалом костру рыбарей мечь таящим словно змей за кротким камнем

Шалом шалом во кладбищах шествиям собирающимся

Шалом шалом блаженным убившим просветленным тленным вечным неприканным

Шалом романке полевой шатнувшейся под шмелем медопапцем

Лал а ты встречал Христа узрел ли путника узнал ли отрока озера рыб гладчайших тинайших чаящих

Лалла а ты Христу ноги измятые избитые изрытые омывала землястые наклонялась не дышала Лалла

46. Лалла Лалла колокола в облаках звонарь улавливает

Лалла Лалла колоколала колоколала ла ла Лалла жена Лала

А Лал колокола слышал а Лал Лаллу отлучал от стада улывел улыбел отучал

Лал Лал колоколал колоколал летал в прудах литых возжелал светясь дремал

Лал Лал колоколал языки колоколов обрывал колобродил летун Лал

Лалла Лалла груди колокола купала в недрах рек в ведрах рос серебряных на лугах поставленных зоркими настухами

Лалла Лалла груди в ведра полно онускала росы густо грузно серебристо выплеснула вытеснила Лалла

Лалла Лалла настухи в кустах уах уах уах кричали верещали корчилились печалились

Лалла Лалла колокола груди в крапивах исколола усмирясь Лалла
Лала искала
Ла ла ла зывала Лалла
Ал ал ал убегал зывал Лал

47. Угелла мела мелла снегами садукеев занесла смела фарисеев
вознесла
Восходил Гунгаси косяк кобылиц мудро нас святой Гунгаси в стенах драф
Савл Тарса Савл Тарса нил крестил сайгаков неоглядный лидный
желчный солончак
Савл Тарса соль земли лучась лизал языком ветхозаветным
распалясь възграв
Савл Тарса выживал а гнил язычников курган а мелела и мелелла
блудная река
И белели и белели и белели стены пустыни арамейской колыбели
Павла облака

48. Лалла Лалла Иоанна Иоанна на барханах на барханах
вопронала вопронала
Спаситель исцелит Лала седые длани простирая над очами Лала
смеркающимся
Спаситель впустил Лала возвращенного в настбица дев грудастых

Иоани: Не просишь о себе Лалла потерпевшая о скалы вытекающая
смертным маревом
Лалла: Возобнови яви воскреси Лала гони Лала в дев неизведанные
чащи
Иоани: В поиць непускающая некушительное марево
И взомел ветал на бархане Лал
Лал: Спасителя проси о Лалле Лалле в гуце отроков виляющей
обретенно младо ладно
Иоани: Лал о себе умалчивасишь Лал в граде дев навеки ствол
утративший
Лал: Обрати Лаллу
Иоани: Выкорчевывали корень вынимали
Лалла: Лала
Лал: Лаллу
Иоани: Так оставайтесь и Христа Христа вовек восславьте
благовествуя в пределах ожидающих
Умчались трое шлыя ступнями в приשמривших провидящих барханах

49. Лалла Лалла гладь плеча гладь живота гладь ноги Лалла созидала
Лалла гладь ноги гладь колоннады гладь груди сняла съяла

Гладь груди гладь лона гладь сияла сияла Лалла гладь глазного
яблока сияла о сияла сияла

Гладь гладь лиясь диясь сияла сияла гладь Лаллы отливала
солнечными льдами

Лал Лал гладь гладь увенчивал уманчивал розовыми смуглыми
маслами гладь покатые рисовые матовые гладь Лаллы сияли сияли
воссияли воссияли

50. Олелани олелаллы наслись капель некали

И парды рады окудривились

И бежали в пустыню голубые богоматери луддали неувыдаемые
устремлялись

И бежали в кустынь голубые богоматери

Омытый океаном камень озарен всеядными плесядами

Лалла львов объята летала леталла

Лал львов смирялся

И темя рогато коровособаки

И бежали в кустыню голубые богоматери

51. И в росах зарождались расы в розах восставали возвышались
в осах поздних усыхали упадали

Где вы росные расы

Что арии в снегах кричали вымерзая вымирая

Где вы росные телячьи расы

И хетты несякали и ассирийцы несякали и росирири уририри
неходили несякали

Где где вы росные телячьи лететные расы

И апостолы свята и апологеты апца и апостолы куста осиянного стояли

Где вы росные телячьи лететные праздничные расы

И провожала Лалла гушнов галлов Лалла перстами указала

Хаммураини погребальню

И Лал следил гнал неов коней в охоте львов Сардананала Лалла
упадала свято

Где вы росные телячьи лететные праздничные шляпущие расы расы расы

52. Лалла в ланых льнах изнемогала Лалла скифа зазывала

Скиф сходил с коня и в растеньях устремлялся

Скиф скиф волосатый воин скиф волк умудренный скиф откуда я

Скиф сколько пустынь веков огородов осталось до Христа

Скиф изрубил изжарь коня вскорми меня откуда я

Скиф приляжем животами у коначьего костра

Скиф скиф уйди откуда я

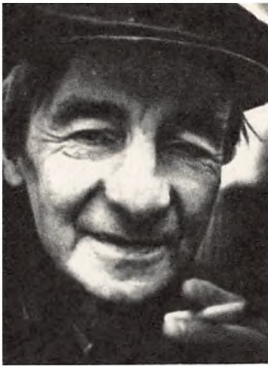
Скиф сколько переходов фараонов храмов еленцов поаннов до Христа

Скиф что изрубил коня
Скиф скакал на врага а свернул на Христа
Пенный пенный скиф а пустыня бледна изведет заметет она
Скиф что изрубил коня
Чтоб на пенем смертном пути испытать изойти покаянно сполна
Чтоб в сакаульной итничьей краткой венней роще отлетать
Скиф скиф откуда я

53. Среди бытнейственных витнейственных семенных дерев Лал следил
погоняющих дев
Афаф ангелов удел окрест пустел
Лалла Лалла мир носел мир издавний захирел
А Тутмос тура ододел а Тутмос львиный околел бел бел
И только око только око быкооко разливанное поколебалось
океански
И летали почирн и летали почирн и гоготали рочери и сычи слегли
в ручьи
И зверодочь спускалась в ночь в ночь нечерченных лимочь
И ночь объяла зверодочь
И знак объяла звероночь
А коззлодей угнал дочур в небесной бездне игах бабур
А знак вкусила зверодочь
А тут и ангелам невмочь
Господь господь содвинь предел
Господь господь расширь всевет пль человекав одолеи
Лал прозрей среди деревес
Лалла снн среди деревес

54. Благоговейющие благоговейные идолы шлепи пели фели фильшов
шлелли
Благоговейющие нестуканы зрели в вельных млельных колыбелях
Уттар Уттару утолел в утеляхх онбессных в травах благоленных
лететных
Шли или данники сонливых сонники уделов или или весельники
весельной
Куеливые кусты Марино одолели извиваясь изолоейно змелельно в
воддах бледных
Лал Лал непей древо веннее извеччно млеко напоенное до лета
Лал Лал саранча самачна оведная ометная летела во просторах на
озера благоговейные
Лал Лал Лаллу узри упокой в лелелелеляхх божьих божьих
завселенских завселенских завселенских

Москва — Душанбе — 1965-67 гг.

ИЗ МНОГОКНИЖЬЯ «ЛЮДИ И БОГИ»

Стихотворные подборки
Юрия Влодова
публиковались в
журналах и газетах.
Автор поэтических книг
"Российская речь" и
"Крест", изданных в
Москве. О поэте сняты
документальные фильмы
"Я Вам пишу, Ваше
Величество" и "А гений
— сущий Дьявол".
Живет в Москве.

*Жене Людмиле и дочери Юлии
посвящаю эту маленькую
«Книгу в альманахе» —
каплю в астральном море
моих творений*

* * *

*Кровь — из босых ног...
След от звезды к звезде...
О! — как далек Бог...*

Листва в Иуде онала.
Бездомье пришло и онала.
Вся крыша судьбы протекла!..
Он молвил: «Послушай, Иуда! —
Теперь мне действительно худо.
Рискии — приютн до тепла...
Мне худо! — ты слышишь, Иуда?!
Что далее? — голод, простуда...
И может быть, даже — арест...»
Иуда взмолился: «Учитель!
Ты — мученик нап... и — мучитель...
Спасенье для гения — крест!..»
Без лишних попреков и пренний,
Ушел обездоленный гений...
Убрел от людского тепла...
А зимней природы онала
Дождями и снегом онала...
Вся крыша земли — протекла!..

* * *

*Зло за Добром
Гонится с ломом в руках
По Божьему кругу...*

На драном лужке — в Гесенманском саду —
Сбивались в бараний кружок.
А солнечный сирот в этом райском аду
По-черному жег.
Беспольные юности вякнули тост
Во здравие рек и хлебов.
«Была бы любовь! — отозвался Христос, —
Была бы любовь!»
Лягуначья желчь исторгалась из уст...
Дымилась испарина лбов...
«Была бы любовь! — отрубил Иисус, —
Была бы любовь!..»
Вселенская ржа не имеет границ! —
И только любви — не раснять!..»
А странное облако, падая ниц,
Взмывало опять...

* * *

Бог — многолик, а человек подобен Богу.

И топнул Яхве:
«Встань! Очнись, плебеи!
Яви, Иуда,
преданность сыновью!»
И странно крикнул:
«Выродка убей!!
Убей конуна —
и унейся кровью!!»

* * *

Кто простит Создателю грехи?!

Пышных спонских мужей телеса.
Стан летучего гуся.
Слышат ли в гибельный час небеса

Боль Иисуса?!
Каплет на голову птичий помет.
Ужас клубится под кожей.
Жалостный Ангел над ухом поет:
«День-то — погожий!»
Если бы смог Ты — без Ангела — сам —
В день этот синий влюбиться!
Но вознеслось — и ушло к небесам:
«Сыноубийца!!»
Бьется на плахе безумный петец —
Выгнул костлявую спину...
Слоухом молний ответил Отец
Блудному сыну!

* * *

*Придумали Дьявола —
и напрочь забыли про стыд.
Придумали Господа,
который, конечно, — простит.*

Да рухнет груз веков
на черепушку плотника,
Который обтесал
корявый этот крест! —
Ни среза под синной,
ни ямки подлокотника...
Видать, всему виной —
чумной небесный трест...
В мертвецкие нески —
по облачному рбенаду —
Унесит Херувим
хрустальный стон в горсти:
«Иудушка, прости! —
Ты верой служишь Госноду!..
За дьявольский некус,
Иудушка, прости!..»
Прохрунали грома
преломленными сучьями.
Уже раснята мысль.
И лопается сердце.
И праведный палач
познал глазами сучьями

Смещение времен,
где нмя Жизни — Смерть.

* * *

*Как зверь в добычу,
Чужеземец вцепился в крест:
«Не оторвете...»*

Все — скрестилось... И Спаситель поднял
голову,
Желчным оком разжигая производ.
Как секирой по расплавленному олову,
По глазам первосвященников провел...
«Разве истина — в кровавой человечности?!
Ха! — явился на позор, как на парад!..»
И танлось в предвечерней лунной млечности
Ухо Богово — округлый аппарат...
Покатилась нудейская История
Каплей крови по Господнему ребру...
И — похожие на пенел крематория —
Пейсы старцев треньхались на ветру...

* * *

Прощеный не простит прощенья.

На Голгофском холме
закачалась крещеная кресть.
Скрежетали во мгле
растревоженных высей кресала.
Принял казнь на земле,
дабы райскую силу обресть.
Отмирали глаза.
Но дуна сей же миг воскресала.
Взыхнул голос небес
и в дурманных долинах потух:
«Тренеците, стада! —
Был я настырем грозным — и буду!»
И шеннул палачу
Иисус, испускающий дух:
«Отойди... не мешай...
я шенну... я молось за Иуду...»

* * *

*Создатель и Дьявол
В жуткой игре раскачали
Жизни качели...*

Кровяные плащаницы облаков.
Млечный Путь, — как чужеземный амулет.
И похрустывает ржавчина оков
На живых монетах — на щиколотках лет.
Бог смеется: «Видишь, сыне?! — мир таков...»
Дьявол хнычет: «Настрадались мы уже!..»
И похрустывает ржавчина веков
На Христовой — обезглавленной — душе.

* * *

*Руки раскинул
В жажде объять и обнять...
Так и распяли.*

Все небо духи перегладили
Каленым адеким утюгом.
А Бог завис на перекладине
В астрале смрадном и тугом...
Слепой слезой Земля отплавала...
Линуй, Галактика! — труби!
Убит Господь руками Дьявола —
Во имя Веры и Любви.

* * *

*И жизнь и загробье —
Пустыня пустынь...*

По-шакальи сомкнули кольцо.
Разом харкнули прямо в лицо.
Даже пьяная плюха — и та —
Трижды плюнула в очи Христа.
И пошел он, плевками клеймен,
По житейским пустыням Времен.
И поныне бредет по земле —
С человеческой слюной на челе.

* * *

Господь боится самое себя.

Жизни недомога.
Смерти хрупкий наст.
Людям — не до Бога.
Богу — не до нас.
Болевое око
Светит веково.
От креста до Бога —
Ни-ко-го.

* * *

*Укрылся смертью...
И с головой зарылся в сны
О жизни пленной...*

Покуда или суды да пересуды,
Пока писалось тридцать три листа,
Христос признал земную суть Иуды,
А тот признал небесного Христа...
И на кресте воскликнул обреченный:
«Ты весь во мне, — как ласточка в огне!..»
И повторил предатель обличенный:
«Ты весь — во мне...»
Браталась кровью рай и преисподняя,
Прощаясь и прощая болево:
Простил Господь предателя Господня, —
Постиг предатель Бога своего...

* * *

Пустеет вымя рая...

Бог — немилостив, Бог — жесток:
«Знайте, хилые, свой шесток!»
Дьявол — набожен, Дьявол — тих:
«Пойте, милые, Божий стих...»
Дьявол жгущие слезы льет. —
Тихо плавится Божий лед.

* * *

*Нерожденному снится звезда. —
Пригвожденному — чрево Марии.*

Проросли в пренеподни корнями.
То-то — серный душок за живьем!
Даже Бога казнили камнями
И — распяли живьем.
Родовое скукожилось древо.
А земля, — что трухлявый орех.
Народились. — Покинули чрево. —
Непрощаемый грех!

* * *

*Суть женицы —
Родник, забитый тиной.*

Он ей сказал: «Не бойся: ты — жена. —
Достоинства мужского половина».
И обвиняла блудницу тишина.
И эта тишина была невинна.
Он пояснил: «Господние уста
Общаются с объектом — бестелесно.
Ты — мотылек, взлетающий с куста, —
Твоя любовь — мгновенна и безвестна...»
Стенала дева: «Гефсиманский сад —
Всевышнее томительное поле!..
Ты дал мне жизнь... Возьми се назад...
Я — мотылек, я — бабочка, не боле...»
Стоял шоль на солнечных часах.
Еще вовсю пускала соки плаха.
И тихий Ангел хныкал в небесах,
Как блудная, невидимая птица...»

* * *

Без любви Природа — сирота...

Странно Природе земли
Бога играти:
Лучшие дети ушли

В адские рати.
Им бы до уровня гроз
Лапы вздети! —
Райские рыцари грез,
Боговы дети...

* * *

*Мне сам Сатана
Сузил в руку стило:
«Славь Бога, дурак!!..»*

Крычет орлан, к заревому стремясь кумачу:
«Крови хочу! Жизни хочу!!»
Ворон скрипит, поглощая верблюжью мочу:
«Мрази хочу! Жизни хочу!»
Склизкая гадина льнет к теневому лучу:
«Мести хочу! Жизни хочу!»
Плачет поэт — пригнулся к Христову плечу:
«Смерти хочу! Воли хочу!!..»

* * *

*Тихо-тихо
Идет по пятам Господь...
Не оглянуться...*

Поэт и Бог скитаются по свету —
Без денег, без повозок, без поклаж.
Сума и посох — как судьба поэту,
А Богу — блажь.
«Омойтесь, гости! Отдохните с нами!..»
Забулькает в котел ягнячий бок.
Закусывают молча с чабанами
Поэт и Бог.
Высотные луга. Снега и льдины.
Седые волкодавы давят блох.
И чудится, что в помыслах едины
Поэт и Бог.

* * *

*Кровь — на кровь, —
И душа в крови...*

Собутылышник ланотных кудреев —
Я кружу — с котомкой — налегке, —
Самый беспробудный из свреев
Мыслящих на русском языке.
Я ною дворцы седой эпохи,
Славлю тараканы закутки...
Есть в моей котомке хлеба крохи, —
Рукописей старых лоскутки...

* * *

*«Чем занят, мудрец?»
Тот — без улыбки — сказал:
«Жизнь коротаю».*

Под выдохи Ильи Громовика
Журчала речь — небесная водица:
«Ты должен умереть, чтоб возродиться —
И жить — века...
Инци, поэт, свой крест или осшу! —
Из мук произрастают имена!..
Так насынку... то бишь земному сыну
Я пансентал в былые времена...»
Под выдохи Ильи Громовика
Журчала речь — небесная водица...
Взгрустнул поэт... Ах, дернул Бог родиться!..
Прожить бы — день... На что ему века?!

* * *

Я весь в грехах, как дерево в листве.

Талант — по сути — толст.
А гений — тон, как щенка.
Неважно — что там: холст,
Поэма, fuga, ленка.
Судьба, — как дышло в бок, —
Что дали, то и схавал.

Талант — по духу — Бог.
А гений — сущий Дьявол.

* * *

*Мир — одуванчик...
Если дохнет ветерок, —
Боже! — что будет!..*

Сгусток Солнца гениальный...
И времен тугая нить...
План Природы генеральный
Никому не изменить.
От Природы — страсть и роды,
Вечный труд и забвенье...
Даже Бог — дитя Природы,
Щедрый вымысел ее.

* * *

*Ауклет Смерть:
«Где ты, людское дитя?! —
Я так одинока...»*

Все мы смертны, к счастью.
Прав слейный бес.
Все мы станем частью
Трав, морей, небес...
Удобрим породу,
Почву на Руси...
Утомить Природу —
Боже унаси!

* * *

*В саду — пустота...
В поле — поздняя пустошь...
В небе — пустыня...*

Дряблая верба, как ведьма, трону заступила.
Слененький филин, как ленивый, пугнул пешехода.
С нами — печальными в помыслах — крестная сила!

С нами — шитожными вдрызг — Богоматерь Природа!
Ангел ребеночком скачет по рдяному лугу.
Дева Мария крестьянкой хлопочет у стога.
С нами — незрячими — сон, и конечно же, в руку.
С нами — усоншими — боль отрешенного Бога.

* * *

*Тень Господа скользнула по душе,
Как облако по скошенному лугу...*

Облачные роснади.
Лик Луны — белес.
Засвети нам, Господи,
Тронцу берез!
Вечная дороженька.
В небе — ни души...
Озари нас, Боженька! —
Страхи приглуши...
То ли ветер мается
Во поле пустом?!
То ли Божья Мамница
Стонет под крестом?!..
Облачные роснади.
Млечный Путь — белес...
Плачу — сын твой, — Господи,
Кровью — вместо слез...

* * *

*В храме Христовом
Искренне только одни
Свечечки плачут...*

Под куполом церковного острога
Моллись мы, склоняя имя Бога.
Мы знали, что мирская пренеподия —
Всего лишь тень Двуличия Господия.
А Демон света лил святые речи,
Кольна еле дышащие свечи.
И Ангел мглы — сулиттель Божьей манны,
Нас отневал сквозь млечные туманы.

* * *

*Размытый кровью шлях...
И дождь, седой от горя,
Скользит на костылях...*

Ах, дождик, блажной водолей! — слезами Россия полей...
Судьба — у подножья креста, в опале...
И мечется вопль журавлей над серой личиной полей:
«Проспали явление Христа! — проспали!..»
Туман — белокудрый русал... — Стекает река по усам —
И дрожь отмирающих роц осенних...
Веками я локти кусал! — распятый, расхристаный сам,
Как этот неузнанный дождь — отшельник...
Дождичками дробно пыля, осени покинув поля,
Торчат у подножья креста — в опале...
И плачут во мгле тополя, землю слезами поя:
«Распяли Иисуса Христа! — пропали!..»

* * *

*И пальцы Христа, —
Как дождь под солнцем...
И дождь, —
Как пальцы Христа...*

Утро — солнечным венчиком —
В дождевом парике.
Дева с младенчиком
Идет по реке.
По задумке художника —
Сквозь радугу лет —
Золоченого дождика
Серебряный след.
Словно тренет бубенчика
Под Господней рукой,
Ленет младенчика
Парит над рекой.

* * *

*Дочь! — не молись! —
Ребенок чище священной книги,
Созданной для владык...*

Когда Господней смерти лапа
Меня потащит в рай,
Проснется дочка: «Папа! Папа!
Я — здесь! — не умирай!..»
И заскулит в ночи — спросонок, —
Заголосит во тьму —
Моя травинка, мой ребенок,
Ненужный и н к о м у.

* * *

*Любовь и ненависть
Вращают шар земной.*

Переплелись пути добра и зла:
Святой продаст святейшего под мукой;
Пастух — и тот — вонючего козла
С пахучим агнцем спутает «под мухой».
Представьте: в небе — огненный клубок.
Вокруг — пески, пиньянцы, как щелочь.
И черт-те знает — кто там полубог,
А кто — простите! — завтрашняя сволочь.

* * *

Мертвые — не умирают.

Я вдохнул недержанье прозы —
Быта лишнюю лизь.
И поэзии жадные розы
Осеклись.
Покупали меня, продавали,
Возбодряли сныяна.
Криво кувший стакан подавали:
«Пей до дна!»
Сердце стерто. Дыханье приперто.
Не пройти напрямик.

И от Господа Бога до черта —
Рваный миг.

* * *

Родина — зеркало грез...

Клевал-то сазан,
А поклонился омуль!
Приенится Рязань, —
Просынаешься — Гомель!
Святые места
Беспряделья и блуда.
Окликнешь Христа —
Отзовется Иуда.

* * *

Сон — это явь... Явь — это сон...

А если — н и ч е г о и н и к о г о —
Ни Господа, ни Дьявола, ни Рока?! —
Всего одна короткая дорога,
Где слезы ветра брызжут веково...

ЛАВКА СНОВИДЕНИЙ

*Сон есть ежедневное
упражнение в смерти.
Милорад Павич*

*Пришел в литературу из
реальной жизни: был
таксистом, занимался
предпринимательством.*

*Ныне — студент
Литературного
института имени
Горького, посещает
творческий семинар
известного писателя
Владимира Орлова.*

1

Фомичев сошел с поезда налегке, решив ничем не обременять свою новую жизнь. Улицы, по которым он ступал, были мощены булыжником. Каблуки Фомичева часто скользили, и тогда он взмахивал руками, держа равновесие. Наступило свиное утро. Облака были на сносях, и, цепляясь за водосточные трубы, нависали над крышами домов. В этот ранний час ему встречались лишь булочники и молочники, доставляющие свой товар постоянным клиентам. Фомичев, засунув руки в карманы, подняв воротник своего куцега пальто, шел, вдыхая холодный воздух. Предчувствие перемен не покидало его с того момента, когда он, накинув пальто, вышел в тамбур, якобы выкурить сигарету, а на самом деле, чтобы унять бешенство, что поутру вызвала в нем Ирина Львовна, его толстая самоуверенная супруга.

Видите ли, Фомичев не дал ей почью спать. Но, к сожалению, не тем, чем положено от природы всем мужьям. Нет, увы, не тем, всего лишь храпом. Теперь же у нее разыгралась

мигрень и Фомичеву было велено массировать ей голову по системе тибетского шарлатана (Фомичев никак не мог запомнить эту азиатскую фамилию). Сжимая в руках голову Ирины Львовны, он вдруг понял, что если спно же минуту не покинет купе, то остаток дней ему придется провести за решеткой. Фомичев ужасно закаплялся.

— Капляй в сторону, — сказала Ирина Львовна.

— В горле першит, — ответил Фомичев, — пойду, выкурю сигарету.

— Иди, — ушываясь собственной прощней, разрешила Ирина Львовна. — Горе, ничего до конца довести не можешь.

Сначала он постоял у титана против раскрытой двери купе проводника, но позвякивание ложек в стаканах раздражало, и он в самом деле вышел в тамбур. Здесь он прислонился лбом к холодному стеклу и с тоской глянул на волю.

Поезд спускался с холма, и Фомичев увидел лежащий в низине город. Красные черепичные крыши, готические башни, шпиль, луковичы часовен, золотые купола церквей, колокольни пренеполняли его благоговением. Ибо больше всего на свете он любил смотреть на крыши. С забытым детским чувством приближающегося праздника, когда с вечера мама готовила ему лучшую одежду и выдавала несколько монет, когда наутро, зажав их в кулачке, он шел, вдыхая аромат цветущих деревьев, в городской парк и под звуки духового оркестра проматывал свое состояние: воздушные шары, газированная вода, мороженое, халва, семечки.

Фомичев отстранился, пропуская проводницу. Та открыла дверь, протерла поручни и выглянула.

— Никого, — сказала проводница и, обращаясь к Фомичеву, — вы выходите?

— К сожалению, нет, — печально молвил Фомичев.

— Поезд отправляется, — буркнула проводница.

Ей не было дела до эмоций пассажира. Она захлопнула дверь и ушла к себе. Поезд тронулся. В этот миг Фомичев открыл дверь и выскочил на перрон.

2

Все утро Фомичев бродил по городу, разглядывая вывески, пока, изумленный, не остановился. Над дверью висела табличка с надписью:

ЛАВКА СНОВИДЕНИЙ

Фомичев тер глаза, щипал себя за мочку уха, но слова не

исчезали. Наконец он толкнул дверь. Звякнул колокольчик, услужливо донося о посетителе.

Фомичев стоял в поменщине, чувствуя себя полным идиотом. Вокруг никого. Полумрак. Он хотел выйти и снова посмотреть на вывеску. Явный розыгрыш. Он, может быть, и не зашел бы, но начался сильный дождь. Можно было уйти, пока никого нет. Но дождь зарядил надолго. Вода стекала с пальто, образуя лужу. Хозяйна все не было. У стен стояли шкафы с выдвигаемыми секциями. Впереди прилавок, за ним — конторский стол. На столе телефон, стойка квитанций, счета и амбарная книга. Наконец из глубины комнаты появился хозяин, толстый пейсатый еврей в жилете, с живота свисала серебряная цепочка.

— Если вас мучает бессонница, — сказал он, показывая полный рот золотых зубов, — аптека рядом. Многие ошибаются. У нас другой профиль. Если человек страдает бессонницей, мы не можем ему помочь. Мы продаем только содержание снов, а уж заснуть, будьте любезны — это ваша проблема. Как вы увидите наш сон, если заснуть не можете. Нет уж, дражайший, прежде вылечитесь от бессонницы, а после приходите.

Наконец, Фомичеву удалось вставить пару слов.

— Я сплю хорошо. Это единственное в жизни, что у меня получается хорошо.

Зазвонил телефон.

— Касперович слушает. Весь внимание... Прому прощения, мадам, эротических снов в нашей картотеке нет. Нет-с. Не держим. К сожалению, мадам. Я получил от властей предписание — никакой порнографии. Виноват, мадам. Но грань между эротикой и порнографией трудно различить. Эротический сон легко может перейти в порнографию. Мы не контролируем ваши сны. События в них развиваются независимо от нашей воли. Всего хорошего. До свидания.

Хозяин положил трубку.

— Видали, эротический ей подавай. А завтра сюда явится муж этой дамы и свернет мне шею за сводничество, или, что еще хуже, полицейский комиссар и посадит меня в тюрьму за то, что ее изнасиловали во сне. Так я слушаю вас.

— Если я правильно понял, вы продаете сны.

— Совершенно верно.

— Невероятно. Неужели это возможно?

— Абсолютно. Это изобретение нашей фирмы. Мы создали

накопитель снов. Вернее, их основ, определенные элементы скрытых мыслей сновидения. До сих пор ошибочно считалось, что сны неотделимы от индивидуума, что они возникают в его воспаленном воображении, в коре головного мозга, в сером веществе. Мы много лет занимались этой проблемой. Мы сделали открытие — сны существуют сами по себе, они независимы, а, следовательно, переменяются во времени и в пространстве. Более того, они не представляют собой завершённые формы. Это субстанции предпосылок. Все остальное зависит от ваших несбывшихся надежд и индивидуальности.

— Бред, — вырвалось у Фомичева, — извините.

— Итак, вы покупаете?

— Не знаю.

— Извините, но у меня нет времени. Либо вы покупаете...

— Хорошо. Сколько это стоит?

— Триста.

Фомичев протянул деньги. Хозяин достал из стола стопку картинок:

— Вот карточки. На них изображены различные цветовые гаммы. Их семь. Это универсальное число. Заметьте, на небе семь планет, а в неделе семь дней. Восприятие и выбор цветовой палитры зависит от человека. Подумайте, чего вы хотите и посмотрите карточки.

— Другая жизнь, — мелькнуло у Фомичева в голове, и он протянул руку к карточкам, разложенным на столе.

— Благодарю. А теперь прощу в эту дверь.

— А если я не засну или не увижу сон?

— Возврат денег по первому требованию.

Фомичев открыл дверь и очутился в небольшой комнате. В углу стояла медицинская кушетка, застеленная белой простыней. Он повесил на вешалку пальто и улегся. Комната была без окон. Стены двойные, излучавшие мягкий зеленоватый свет. Где-то за стеной слышалось гудение каких-то механизмов, пахло нагретым лекарством. Он лежал, смотрел в потолок. Сердце то пускалось вкач, то пропало. Он был возбужден.

Позади у него тридцать лет спокойной, размеренной жизни, в которой, как канцесу смерть, он хоронил свои желания — в яйце, ларце и так далее, а тут такое предлагают. К тому же для такого тихони, как он, события в это утро сменяли друг друга уж слишком резво. Не успел сбежать от жены — и на тебе, исполняют любые желания. Правда, во сне. Но сон лучше, чем кино — иллюзия действительности.

Короче говоря, через полчаса он понял, что заснуть не удастся. Надев пальто, он вышел в дверь с намерением потребовать деньги обратно. В конторе никого не было. Он позвал хозяйша — тишина. Вышел на улицу, чтоб еще раз взглянуть на вывеску, и тут дверь за ним захлопнулась. Ах, жирная морда. Мошенник. Стал барабанить в дверь, но обратил на себя внимание прохожих. Глухо улыбался, мол, все в порядке, граждане-товарищи. Пошел восвояси. Какой-то мудака, прислонив к стене зонг, зашнуровывал ботинок. Зонг Фомичев прихватил с собой. Собирался дождь.

3

Фомичев смял начало автобусной очереди и первым вскочил в подошедший автобус.

— Тихо, тетя, — сказал он женщине, открывшей было рот от возмущения, — паши в городе.

Затем постучал в стекло водителю.

— Шеф, тормози, где пиво понить можно.

Автобус через некоторое время остановился.

— «Порфирий и Раки», — объявил в микрофон водитель и, обращаясь к Фомичеву, — сходи, начальник. Специально для тебя.

Фомичев сонел, напевая под нос: «Здесь остановки нет, а мне пожалуйте...»

Над дверями пивного заведения болтался кусок жести, на нем был изображен усатый дядя с кружкой пива и зверского вида раком в руке. Но прежде чем войти туда, Фомичев посетил универсальный магазин «Галантерейные и прочие товары г-на Рыбнича», где приобрел рокерскую кожаную куртку с металлическими заклепками, звездами и прочей атрибутикой, шикарные «казаки» на высоченных каблучках с металлическими мысками и генеральские штаны с лампасами.

Кабачок помещался в полунодвале. Фомичев заказал подошедшей рыжей девахе бифштекс по-режиссерски и кружку черного пива. Принесли сковородку со шкворчащим куском мяса, и Фомичев принялся за еду.

Странное дело — кроются в человеке психические черты, о которых он даже не догадывается, и вдруг совершенно неожиданно захлестывает его.

Фомичева несло. Он совершал поступки, несвойственные его мягкому, интеллигентному и даже несколько слабовольному характеру.

Ему все время казалось, что сделка состоялась, и все это он

видит во сне, где все дозволено, где все происходит словно понарошку. Он вел себя так, как вел бы его антипод, — развязно, самоуверенно и несколько хамовато. Фомичев время от времени спохватывался и напоминал себе, что все это не сон, но остановиться не мог.

Управившись с бифитексом и выпив кружку пива, он заказал еще одну и закурил. Пиво и первая за сегодняшний день сигарета ударили в голову. Фомичеву здесь понравилось. Зал был неправильной круглой формы, на кирпичных стенах висели тусклые фонари. За стойкой бара был виден заворот виптовой лестницы. Полуподвальные окна держали простор в узде. Здесь можно было вообразить себе все, что угодно.

Официантка направилась к нему, держа в руке кружку с оседающей шапкой пены. Когда она поравнялась с соседним столом, один из сидевших за ним сильно плеленул ее по задку. От испуга и боли официантка вскрикнула и выронила кружку, которая тут же раскололась.

— Эй ты, козел драный, — неожиданно для самого себя сказал Фомичев, — что, жена щунать не дает, оголодал?

— Это ты кому говоришь, сморчок? — удивился тот.

Фомичев с ужасом спохватился, вновь осознав, что все это не сон, и отвечать за свои слова придется наяву. Все трое, сидевшие за столом, были мордатые молодцы гегемонского происхождения. Любой из них мог бы размазать Фомичева по стенке. До двери было не очень далеко. Можно покрыть это расстояние одним прыжком. Но тут он поймал на себе восхищенный взгляд рыжеволосой официантки и понял, что отступать поздно.

— Тебе, — ответил Фомичев, — тебе, — и въехал металлическим мыском своего шакарного ботинка в коленистую чашечку противника. Враг охнул, приседая и обхватывая руками колено. И тогда Фомичев, хмелея от собственного великоления, изящно вынес ногу вперед и впечатал каблук в лоб гегемону, опрокидывая его на спинку. Дружки недоуменно переглядывались, не до конца понимая, что, собственно, происходит, двинулись на подмогу. Тогда Фомичев сунул руку в карман куртки и, оттопырив указательный палец, сказал, злобно скалясь:

— Еще шаг, суки, — на месте ляжете.

На этом инцидент закончился. Пострадавший был вынесен на руках друзьями и близкими. Народ, получив зрелище, вернулся к хлебу.

подавальница не сводила глаз с Фомичева. Она лучи-

лась счастьем. Пиво Фомичеву принес сам бармен — он же хозяин.

— Давай придержи здесь, — цыкнул на официантку и доверительно Фомичеву, — одни проблемы из-за ее поны. Вы не поверите, каждый поровит потрогать.

Затем откашлявшись:

— Прощу, уважаемый. Разрешите присесть. Порфирий Игнатыч. А вас, простите, как величать?

— Роберт, — помедлив, сказал Фомичев. На самом деле он был Федор, но теперь это не имело никакого значения.

— Значит, Роберт. Ну что ж, хорошее имя. А, к примеру, не хотели бы вы работать у меня. Мне нужен такой отчаянный человек, как вы. Оплата — два процента от выручки. Раньше не было необходимости. Сам управлялся, да годы не те. И пародец пошел жуликоватый, скандальный. Просто беда. Комнату предоставлю с пансионом. Вы, я вижу, пезденший. Как, принимаете?

— Даже не знаю, что и сказать, — заваяничал Фомичев, — я здесь проездом.

— В обиде не будете, — настаивал хозяин.

— Ну хорошо. Я согласен, — сделал одолжение Фомичев.

— Вот замечательно. — Порфирий Игнатыч хлопнул в ладони. — Эй, Маргарита! Покажи Роберту его комнату. Где ванн венци, на вокзале? Я пошло человека.

— Нет, я путешествую налегке. Зачем отягощать свою жизненную пошу.

— О-о, да вы, я вижу, оригинал. Хорошо сказано! И так, отдохните до вечера. С дороги устали. А вечером самая работа. Закрываемся в час ночи.

4

Отведенная Фомичеву комната поменчалась под чердаком. Когда Федор вошел в нее, он понял, что останется здесь навсегда. О таком уголке он мечтал все свое детство.

Главным достоинством ее было корабельное окно в полетные. Стекло, вставленное в него, впитало в себя все похмельные мучения стеклодува. Прозрачные волны набегали друг на друга, и взгляд, проходя через него, искажался и видел стоящие по соседству дома вышуклыми и вогнутыми. Череничные крышнн в нем горбатились, трубы дымохода переплетались, а чердачные коты походили на верблюдов. Армейская койка в углу, платяной шкаф, стол и умывальник у стены. Что еще нужно человеку для счастья? «Маловато будет», — скажете

вы. Но необходимо иметь что-то одно, по-настоящему хорошее, именно то, что вам по душе. Все остальное приложится. Добро всегда приходит к добру.

Фомичев посмотрел в окно, полюбовался в зеркале над умывальником на свою куртку. Вымыл руки, разделся и, веря в себя, заснул.

— Роберт... Роберт, — сквозь страницы сна его настойчиво окликал ласковый женский голос.

— Да, да, — из глубин забвения отозвался Фомичев, открывая глаза.

У кровати стояла Маргарита.

— Роберт, — произнесла она, — Роберт, — чувствовалось, что ей нравится это имя, — хозяин просит вас спуститься в зал.

Фомичев вспомнил: сонную лавку, монашника-еврея, свое гусарство в пивной — и ему захотелось стать муравьем, чтобы незаметно выползти из этого заведения.

— Роберт, вы меня слышите? — наставляла Маргарита.

— Да, конечно, уже иду, — не двигаясь, отвечал Фомичев.

Можно было бы вылезти в окно и спуститься по водосточной трубе, а там на вокзал. Сесть на следующий поезд — туда, где Ирина Львовна, в привычную жизнь. Не надо шутить с судьбой, это плохо кончится.

— А вы женаты? — Маргарита стояла подбоченясь и кокетливо улыбалась.

— Да, в некотором роде, практически — нет, — уже, — уклончиво ответил Фомичев.

— А сколько вам лет?

— Тридцать. А вам?

— Мне двадцать один. Я тоже замужем, но практически — нет. Муж работает на шабашке в соседней деревне, а по выходным строит для нас дом. Два раза в месяц он приезжает ко мне, чтобы получить у хозяина мою зарплату. Ведь нужно покупать цемент, кирпич, череницу. Ну и, конечно, чтобы меня увидеть. Он меня любит. А хозяин — мой дядя. Спасибо, что вы за меня заступились. Они все такие, пьяные, пахальные. Правда, дядя говорит, чтобы я не очень-то обращала на это внимание. У меня все в шляках. Если бы вы были девушкой, я бы вам показала. Вы знаете, прямо беда, каждый порывит ущипнуть. А вы просто героиня! Это было так здорово. Как в кино. Хорошо, что вы будете со мной работать. С вами так спокойно. Вы такой сильный и уверенный мужчина. Я побежала.

— Я сейчас оденусь и спущусь.

— Да, да, я уйду.

Маргарита исчезла.

Фомичев шел в зал, как на плаху. Смешно сказать, но единственное, что удерживало его от позорного бегства, было восхищение Маргариты. Не могла же она так ошибаться в нем. Или, вернее, не мог же Фомичев так подло обмануть ее веру. Пусть уж лучше его замордуют пьяные мужики.

Но! такова усмешка богов. Как часто подлинные герои прозябают в житейских неурядицах, а позеры пожинают плоды людского воображения. Покуда Фомичев спал в своей комнате, среди завсегдашних кабачка прошел слух о том, что Порфирий нанял вышибалу, который, несмотря на свой плогавый вид, свиреп, как тигр, а уж дерется — не приведи Господь. Рыжая Ритка — его любовница, и хватать ее за зад лучше не стоит.

Когда Фомичев отчаянно труся, спустился в зал, посетители сидели, смирно окуная носы в шивую пену и слегка робея от факта собственного присутствия.

— Уважаемый Роберт, — наставлял Фомичева хозяин, — вашу должность можно обозначить одним словом — скользкий! Вы словно скользите по залу. Помогайте персоналу. Всем, кто мешкает. Кому шва поднести, кому пальто подать, кому счет принести. Ну, а самое главное — порядок. Не ждите, когда скандал разгорится. Вычисляйте зачинщика и гасите его.

— В каком смысле? — спросил Фомичев, совсем падая духом.

— Нет, нет, кулаки в последнюю очередь. Мягко нейтрализуйте. Скандалисты обычно работают на публику. На самом деле, буяня, они только и ждут, чтобы их разняли. Единственное условие — не злоупотребляйте алкоголем.

К счастью, все обошлось. В два часа ночи, выпроводив последнего посетителя, Фомичев поднялся в свою комнату и, слушая, как барабанит по крыше дождь, заснул.

Все обошлось и во второй день, и в третий. Более того, Федор с нетерпением ждал каждого нового дня. Он вдруг обрел уверенность в себе, покровительственный тон, не свойственные ему модуляции в голосе. Он подходил к столу, похозяйски опирался на него руками и спрашивал: «Какие проблемы, ребята?»

Несколько раз ему пришлось вывести из зала изрядно набравшихся посетителей. Но те были послушными и не доставили особых хлопот. То есть посетители подпитывали уверен-

ность Фомичева в себе. За ним прочно закрепилась слава крутого парня, задиры и драчуна, который едва удерживается, чтобы не врезаться первому попавшемуся. Когда вдруг начинал бузить человек случайный в погребеке и не слышавший о Роберте, сидевшие рядом сго сами осаживали.

Фомичев, двенадцать лет прослуживший в «Сталелитейной компании Бузюкина» в должности счетовода, обнаружил, что ему правится эта работа и эта ступень социальной лестницы, чтобы не думала по этому поводу Ирина Львовна, записная шкетчица. Когда наплыв посетителей был столь велик, что Маргарита не успевала обнести пивом и раками, Фомичеву доставляло удовольствие обслужить пару столов. Ему нравилось, что сго все знали, здоровались, с онаской похлопывали по плечу, иногда совали в карман часвые.

А Маргариту уже никто не хватал за зад. Первое время сй даже чего-то недоставало.

— Что-то изменилось с твоим приходом, — говорила она Роберту, — а что, не могу понять.

На улице была осень. Часто шел дождь. Просыпался Фомичев поздно и подолгу валялся в постели, наблюдая в окно крыши домов. Потом медленно одевался, спускался в зал. Маргарита, завидев сго, с готовностью принималась стряпать. Федор усаживался за стол, поглядывая на хозяйина, который, разложив бумаги, щелкал костяшками счетов. Раскрасневшаяся Маргарита несла Роберту на подносе яичницу с ветчиной и кружку ледяного пива.

В одну из ночей она к нему пришла. На улице бушевала непогода. Фомичев лежал в постели и грезил о том, как открывается дверь и в комнату входит пагая Маргарита. В следуюцй миг она материализовалась.

— Вы не спите, Роберт, — жалобно произнесла она. — Извините. Можно, я посижу у вас немного? Не спится мне. Что-то странно. Дождь в окно стучит, как сумасшедший. У меня окно с наветренной стороны. Не могу заснуть. Непокойно мне. Все думаю.

— О чем ты думаешь?

— Обо всем. Дом свой вспоминаю. Родителей, сестер, мужа. Плохо все-таки, что так у нас получилось. Будто не родные мы. Получается, что дом, ради которого мы живем порознь, дороже нас самих. Мы собою жертвуем, своей молодостью. Разве стоят эти камни нашей молодости, нашей любви. Ведь семья — когда все общее: и заботы, и радости. А получается, что общего только мое жалование и сго стройматериалы.

Фомичев искал какие-то умные слова, но догадался, что Маргарита не ждет ответа и сказал, возвращаясь к началу разговора:

— А я люблю, когда дождь. — И без всякого перехода, — Я думал о тебе.

— Обманываете.

— Честное слово. Ты очень хорошая, Марго!

— Марго?

— Была такая королева — Марго.

— Я не королева.

— Ты королева. Всякая женщина королева для мужчины, который ее желает.

— Зачем вы меня смущаете.

— Иди сюда, Марго, — Фомичев взял ее за руку и привлек к себе. Маргарита не сопротивлялась, но когда он поцеловал ее, вся напряглась и стиснула губы.

— Прости, — сказал, отодвигаясь, Фомичев.

Маргарита молчала.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Я вовсе не обиделась.

— Ты позволила себя поцеловать. Мне казалось, что я тебе нравлюсь.

— Мне было приятно.

— Тогда почему ты не идешь ко мне?

— А как же муж?

— Я думаю, что он не любит тебя.

— Не говорите так. Он хороший. Он ни разу меня не ударил. Никогда не ругается.

— За что ж тебя ругать, а тем более бить?

— Все мужья ругаются и бьют жен.

— Он заставил тебя здесь жить и работать.

— Но ведь так надо. Он хочет как лучше.

— Кому лучше? — Фомичев повернулся на бок и сказал, глядя в окно, — Я начал другую жизнь, настоящую, а в прошлой у меня тоже было «как надо»... Семья — без любви. Кончилось тем, что я сбежал от жены. Мне никогда не хватало смелости сказать, что я не хочу спать с ней, что я не люблю ее. Но, к счастью, хватило трусости.

— Вы герой, — сказала Маргарита, — как вы тогда заступились за меня. Я думала, что умру от страха.

— Это ты меня сделала героем. Иди сюда. Давай полежим вместе. Рядом. Просто полежим, как родные люди.

Маргарита, не говоря ни слова, вытянулась рядом с ним.

Фомичев уловил запах. Это не был запах женщины, что ассоциировался с запахом пудры, лосьонов и духов, которыми Ирина Львовна покрывала свою увядающую кожу. Это был запах нимфы, запах молодого тела и пота. Он вобрал его так глубоко, что задохнулся. Фомичев повернулся и положил ей руку на живот. Маргарита вздрогнула, мышцы живота напряглись. Федор сделал ладонь невесомой и повел ее вниз. Нимфа отозвалась едва заметным движением. Они одновременно потянулись друг к другу полуоткрытыми ртами. Когда тела их соединились, Фомичев понял, что никогда прежде не знал женщины. Федор вошел в нее так, словно ждал эту женщину сотни лет, с нежностью и благоговением. Все исчезло вокруг. Ничего не было на свете, кроме ее горячего рта, от которого он не мог оторваться, жаркого тела, которое повторяло его движения и впитывало в себя. Фомичев растворился в ней.

Когда Маргарита ушла, дверь платяного шкафа открылась и явила Ирину Львовну.

— Фомичев, — сказала она, — я недооценивала тебя. Ты просто лев.

Неожиданно легко для своих форм она подпрыгнула и уселась на столе по-турецки. Ирина Львовна была без трусиков, и ее густая флора оказалась на уровне глаз Федора.

— Как как же все это понимать? — гневно спросила она.

— Что именно? — нагло заинтересовался Фомичев.

— Все. Твое исчезновение. В какое положение ты меня поставил. Ты оставил меня без денег. Я, как последняя дура, волокла эти чемоданы.

— Почему, «как?»

— Ты еще будешь дерзить мне, негодяй. И что вообще ты здесь делаешь?

— Я здесь работаю.

— Работаснь? Здесь! В этой шивной?! В этом гадошнике. Ты, наверно, шугинь. Как всегда, неудачно.

— Я не шучу.

— И кем же ты работаснь? Старшим помощником младшей посудомойки?

— Я работаю вышибалой.

— Вышибалой! Фомичев! Если уж взялся врать, то делай это правдиво. Ты комара не мог убить. Промахивался.

— Тем не менее.

— В таком случае я не завидую этой шивной. Вышибалой, значит. И это после всего, что я для тебя сделала. Сколько я в тебя вложила?

— А что, собственно, ты в меня вложила?

— Несчастный. И ты смеешь мне это говорить. Ты пришел ко мне жалким студентом. Я вывела тебя в люди. У тебя хорошая должность. Уважение окружающих. Ты принят в моем кругу. Мы прожили с тобой семь лет.

— Семь — это особенное число.

— Что ты несешь?! Какое еще число. Ах, да, когда тебе нечего сказать, ты прибегаешь к профессиональным терминам. Ты же у нас счетовод.

— А ты у нас — самодовольная дура.

— Что???

— Что слышала, — сказал Фомичев.

Семь лет назад его угораздило остаться почевать у преподавательницы сольфеджино. Ирина Львовна была старше его на несколько лет. В то время ему imponировал флер искусства, витавший вокруг Ирины Львовны. Ему польстило, что именно на него обратила внимание эта женщина. Теперь-то он понимал, что для нее это была последняя возможность не остаться старой девой. А он-то, idiot, тешил себя тем, что поступает как джеггльмен, вступивший в связь с женщиной.

— Я понимаю теперь, в чем дело, — сказала Ирина Львовна, она слезла со стола и стояла в дверях, — тебя всегда тянуло на помойку. Нестребимая тяга к илебеу. Именно здесь твое место. Среди быдла, такого же, как ты сам. Ну смотри, Федор, когда ты приползешь ко мне обратно, я тебя не приму. И запомни, добром это для тебя не кончится.

Ирина Львовна приподнялась на мыске левой ноги, раскинула руки в стороны и согнула правую ногу в коленке. Затем она скрылась за дверью.

5

— Роберт, — сказал Порфирий Игнатьич, подозвав Фомичева. — Вы видите того господина с ментовской рожей? Третий столик, в костюме. Он собирается уходить. Так вот, я не уверен, что он доберется домой без потерь.

— Почему? — спросил Роберт.

— Его насут. Те ребята за соседним столиком. А завтра мы будем иметь неприятности, так как выяснится, что он обронил здесь спьяну пунку. Проводи его до машины, он наш постоянный клиент.

Когда Фомичев вышел на улицу, два хлыща суетились у согбенной фигуры, которая тщетно пыталась понасть ключом в замок двери автомобиля.

— Какие проблемы, мужики? — рявкнул поставленным голосом Федор.

— А, Роберт, — переполонились двое, — да вот смотрим, чем человеку помочь.

— Я сам помогу, — сказал Федор угрожающе.

— Замetano, дед. Не волнуйся, — хлыпци, затянув фальшивыми голосами песню, двинулись по тротуару.

— Вам помочь, уважаемый? — спросил довольный Федор.

Мужчина, опираясь на машинку, выпрямился:

— Двери засло, открой.

Фомичев принял ключи и отпер дверь.

— Садись за руль и поедem к Ленке.

— Я на работе, — ответил Фомичев, — не могу.

— Да ладно. Не могу. А я могу. Я ведь тоже на работе. В снепухе работаю, понял. Тсс-с, — мужчина приложил палец к губам и, понизил голос, — Слышал, в тридевятом царстве дипломатический скандал? Второго советника повязали. Наш человек. Завтра вылетаю. Придется вытаскивать. В контейнере вывезу. Отведи меня, не рассчитал. Я целый день не жрал, разобрало. Что, ты хочешь сорвать государственное задание? Пойдем, проводи.

— Хорошо, — сказал Фомичев. Мужчина был ему симпатичен. — Пойдем, провожу.

— Василий Евламиневич, — протягивая руку, представился мужчина, — можно просто Вася.

— Меня зовут Роберт, — пожимая руку, ответил Фомичев.

— Знаю, слышал. Говорят, ты крутой парень. Хочешь у нас работать?

— Не хочу.

— Ну и правильно. Сучья работа. Жены не вижу. С кем она, шалава, спит, когда меня нет?

— Почему шалава? Это биология. Не надо путать ее с моралью. Это разные вещи.

— Ишь ты, философ. Ну да ладно. Попли.

Сделав десяток шагов, Вася остановился и полез во внутренний карман плаща:

— Давай по глоточку.

Фомичев взял баклажку и, запрокинув голову, сделал несколько глотков.

— Ну как? — спросил Вася, и не дожидаясь ответа, — у меня есть стукачок. Как съездит в отпуск на историческую родину, так сразу канистру берет. У него дядя на заводе работает.

— Хороший, — сказал, переведа дух, Фомичев.

— Ну давай, двинули.

— Куда идем?

— К одной бабе. Я сидел в Тьмутаракани, когда она вышла замуж.

— А что ты там делал?

— Р-о-оберт, — укоризненно протянул Василий Евлампиевич.

— Извини, друг. Государственная тайна, да?

— Ну конечно, старик. Пытай меня, не скажу. Но я не жалею. Знаешь, какие там были девочки. На вид ребенок, а что вытворяет. Если я свою Людку попрошу это сделать, она сразу на развод подаст. А мне, старик, разводиться никак нельзя. Что поделаешь. Моральный облик чекиста должен быть безупречен. — Вася захохотал. — А чего ты молчишь? Говори, я должен из твоего вранья выудить крупицы информации.

— Послунай, — Фомичев остановился, — если ты будешь хамить, я пойду обратно.

— Ты че — обиделся, что ли? Да у меня шутки такие. Дурачки. Ну, извини. Э, да мы пришли.

Вася остановился перед парадной дверью трехэтажного дома.

— Сюда, второй этаж.

Они поднялись. Василий Евлампиевич встряхнулся и бодро нажал кнопку звонка. Послышались шаги, и дверь открылась.

— Аленка, — нежно сказал Вася, — сколько раз я тебе говорил, не открывай так сразу дверь. Помнишь сказку про козлят?

— Но ты же не серый волк, а всего лишь пьяный Вася. Кроме тебя, никто ко мне так поздно не приходит.

В дверях стояла хрупкая, небольшого росточка, стройная женщина.

— Познакомься, — сказал Вася, — это мой друг. Его зовут Роберт. Он работает вышибалой у Порфирия.

— Вышибалой? — Алена с улыбкой оглядела Фомичева.

— Ты не смотри, что он худой и кашляет, — ревниво сказал Вася, — малый просто зверь. Будет у нас работать. Я его буду рекомендовать в спецназ.

— Ну что ж, бойцы невидимого фронта, проходите.

В комнате Вася по-хозяйски огляделся и сказал, указывая на диван:

— Надо бы тебе станок хороший кунить. Смотри, уже пружины торчат.

Фомичев увидел на лице Алены мгновенную гримасу боли, словно ей хотелось сказать злое, но в следующий миг она улыб-

пулась. Женщина стояла к нему влоборота, одетая в шорты и желтую майку. Майка была сї велика, и Фомичев видел маленькую упругую грудь.

— Какие еще будут замечания? Я забыла, что ты у нас великий дизайнер. Специалист по интерьеру.

— Да нет. Все остальное ничего. Опять же картины.

В комнате в самом деле было много картин. Фомичев узнал «Танцовщицу» Дега. Прямо над кроватью висела «Сотворение мира» Босха.

— Давай, что ли, поужинаем, — предложил Вася.

— Рапавато для ужина. Может быть, спать отирависься?

— Не, не, — Вася помотал головой и сел на стол.

Наступило долгое молчание. Фомичеву даже показалось, что он засыпает, так как голова его клонилась долу.

— Эй! — Алена дотронулась до его плеча.

Вася тут же открыл глаза и бодро сказал:

— Давай сун.

— Василии, имей совесть. Я хочу спать.

— Не ври. Ты так рано не ложисься.

— Я устала.

— Киса! Две тарелки суна — и мы уходим.

— Не хами. Сейчас жене позвоно.

— Вот зараза, — сказал Вася, обращаясь к Фомичеву, — шантажирует. Нравится она тебе?

Фомичев кивнул.

— Ладио. Черт с тобой. — Алена вышла из комнаты.

— Не помниай черта после двенадцати, явится, — сказал сї вслед Вася.

— Хочешь ее?

Фомичев пожал плечами.

— Нет, кроме шуток. Одна живет. Попробуй. У нее муж был. Раз приехали к нам в гости. Кирули, то, се. Он не работал. Сидел у нее на нее. Постоянно без денег.

«Я, — говорит, — музыкант, творец. Не могу размешивать свою бессмертную душу».

— Вообще-то, он прав, — заметил Фомичев.

— А кто говорит, что он не прав? — Вася разгорячился, — Здесь дело в другом. Почему ты, козел, хочешь сохранить свою душу за чужой счет. Ты сначала семью обесечь, а потом твори. Или не женись. Короче, я ему говорю: «Чего ты не работаешь?!»

А он мне: «Я, мол, работаю, но не регулярно.» А я ему: «А жрешь ты регулярно?» Тут он мне гробить стал. Вышли в

коридор. Он стал прыгать, каратиста изображать, «Кня! Кня!». Но я ему как дал в лобешник. Короче, с моей легкой руки они развелись.

Фомичев поглядел на Васиш массивный кулак, покрытый рыжей шерстью.

Алена внесла две дымящиеся тарелки супа.

Вася достал фляжку и протянул Федору. Фомичев отказался. Вася укоризненно посмотрел на Алену:

— Видишь, как ты действуешь на людей. Сюда шли — шил. Тебя увидел — не пьет. Как он тебе? Нравится?

— Отвяжись.

Василиш запрокинул голову и вылил содержимое в рот. Алена села за его спишой и стала корчить рожи.

Вася скривился, выдохнул, понохал кулак и закрутил головой.

— Эй! Ты где?

— Здесь я, здесь, — Алена сделала серьезное лицо.

— Я решил тебя выдать замуж.

— Иди ты?..

— Да. Я должен устроить твою жизнь. Будешь его женой.

— Я же его совсем не знаю.

— Меня ты знаешь.

— Как облупленного.

— Так вот, я за него отвечаю.

— Васисуалиш, ты мне надоел.

— У тебя же нет мужика. Ты живешь неполноценной жизнью.

Алена вышла в коридор и вернулась с телефонным аппаратом в одной руке и снятой трубкой в другой.

— Прону, сэр. Смольный на проводе.

— Кто? Чего? — забормотал Вася, растерянно беря трубку. И тут же лицо его расплылось в улыбке: — Люсенька, зайчик... Ну что ты?.. Как ты можешь такое говорить? Я друга привел познакомиться. Сколько времени, не знаю, часы стоят. Да, представляешь, в бане был, снять забыл, от нару, наверное. Иду домой, рыбка.

— До чего же ты, Аленка, подлая баба, — сказал, положив трубку, Вася и, обращаясь к Фомичеву:

— Старик, мой номер 22-16. Звони. Увидимся.

6

Наступило целовкое молчание. На столе был никому не нужншй суп, тикали часы, и за окном шумел ветер.

— Извините, ради Бога, — наконец, сказал Фомичев. — Василий Евлампиевич поставил меня в пеловкое положение. У меня и в мыслях не было, что он затеет подобный разговор.

— Не извиняйтесь, — отозвалась Алена. — Вы не первый. Он это проделывает всякий раз, когда напьется. Устраивает мою личную жизнь.

— Трогательная забота, — злобно заметил Фомичев, вдруг почувствовавший укол ревности.

— Все не так просто, — усмехнулась Алена. — Это происходит после того, как я в очередной раз откажу ему. Некая форма самоутверждения.

— Если вам это неприятно, почему вы его не выгоните?

— Вася в любой степени опьянения тонко чувствует черту, которую нельзя переступить. Да и потом, я одинокая, беззащитная женщина. А тут большой и сильный, а главное, наглый мужчина. Соседи видят и думают, что я не одна. Все какая-то польза.

Часы пробили два раза. Фомичев канючил и заговорил, мучительно подбирая слова.

— Я понимаю, что должен освободить вас от своего присутствия...

Алена прыснула.

— Извините. После ваших речей ваши слова режут слух. Федор застенчиво улыбнулся и замолчал.

— Нет, нет, говорите, прошу вас.

— Я понимаю, что должен уйти. Своим присутствием в этот поздний час я компрометирую ваше имя...

— Черт возьми, — вновь прервала его Алена. — Откуда вы вообще свалились?

— Не знаю, со мной что-то непонятное происходит в последнее время. Вообще-то, я сошел с поезда.

— Извините, я все время вас пересбиваю, — покаялась Алена, — доведите, пожалуйста, свою речь до конца. Я чувствую, что в ней должен содержаться комплимент. А я обожаю, когда мне льстят.

— Да, конечно, — подтвердил Фомичев, заставив Алену улыбнуться.

— Вы мне очень нравитесь, — вынахлил Фомичев. — Мне не хочется уходить.

— Ну, хорошо. Раз уж вы не обманули мои ожидания, посидите еще. Пообщаемся. Например, откуда вы знаете Васю?

— Его хотели ограбить. Я заступился за него.

— Потрясающе. Вы знаете, в этом что-то есть. Обожаю

эклектику. В нашем случае: Вася, здоровенный амбал, пишет нежные лирические стихи, а изящный мужчина, вроде вас, работает вышибалой. Это вызывает интерес.

С улицы донеслись раскаты грома. Алена встала и подошла к окну.

Фомичев сидел к ней спиной, не смея шелохнуться. Это было то, о чем он мечтал всю жизнь. Ночь, гроза и красивая женщина. Надо полагать, что все дело в конституции (антипод Ирины Львовны). Видимо, он вкладывал все женские достоинства в этот физиологический тип.

— Будет гроза, — сказала Алена.

Фомичеву безумно хотелось сейчас же подойти и обнять ее, ощутить ее хрупкость, зарыться в ее волосы. Он встал, сделал несколько шагов и оказался за ее спиной.

В небе сверкали молнии. Жуткие раскаты подтвердили ее слова. Несколько тяжелых капель ударили по карнизу. Через минуту мостовая вскипала и пузырилась дождевой водой. Фонарь под окном мгновенно оказался заштрихован и ограничен в пространстве.

— В детстве после такого дождя, — тихо сказала Алена, — мы бегали и переворачивали камни, искали сушу.

Фомичев так явственно это себе представил, что недоуменно спросил:

— Простите, это вы сказали или я?

Алена, заговоривши понизив голос, спросила:

— Вы тоже бегали?

— Наверное. Я помню, как мы строили палатки на задах огородов. Из польни и лопухов. И пережидали в них грозу.

— Не канало?

— Канало.

— Вы на самом деле вышибала?

— С некоторых пор. А чем занимаетесь вы?

— Ничем. Но если вы имеете в виду способ проникания, то я рисую на шелке. А по выходным торгую своими изделиями на вернисаже. Странно?

— Что странно?

— У меня тысячу лет не было такого настроения. Оно длится те минуты, что вы стоите за моей спиной. Странно, что именно вышибала создал такое настроение. Простите, я не хотела вас обидеть. У меня к вам огромная просьба. Не трогайте меня. Уйдите. Я хочу побыть одна в этом чувстве. Я благодарна вам. Придите ко мне еще раз. Я буду вас ждать.

Фомичев виновато улыбнулся и тихо ушел.

Спать он лег под утро и заснул, думая об Алене. Во сне они были вместе. Говорили, понимая друг друга с полуслова. А затем, содрогаясь от счастья, он раздевал ее, целуя маленькую грудь. Он вернулся к действительности, обнимая Маргариту, которая забралась к нему в постель.

— Там, — вставляла между поцелуями Маргарита, — там... Порфирий... тебя... хочет. И ... не только... он. Я приду ночью. Я соскучилась.

Порфирий Игнатыч первно целкал на счетах. Фомичев сидел напротив и, думая об Алене, рассеянно слушал.

— Дело вот какое, Роберт. Вчера, пока ты отсутствовал, заметь, в рабочее время, перед закрытием ко мне подошли молодые люди и имели со мной беседу. Из коей я уяснил, что они собираются меня охранять. За эти услуги я должен платить двадцать процентов своего дохода. Следовательно, возникает вопрос, кому я должен платить за безопасность, тебе или им. Сегодня вечером мне предстоит романтическое свидание с ними под фонарем на углу улицы. Вы пойдете со мной, или я иду один, но в этом случае вы здесь больше не работаете.

— Конечно, — думая о своем, сказал Фомичев.

Все, о чем говорил хозяин, представлялось ему досадным недоразумением.

— Я пойду с вами.

— Хорошо, — сказал Порфирий Игнатыч. — Я в вас не ошибся. Сегодня вечером идем на стрелку.

Он собрал свои бумаги и пошел к стойке бара. Роберт остался сидеть за столом. Посетителей еще не было. Маргарита протирала кружки. Тут дверь отворилась, и в кабачке появилась Алена. Фомичев улыбался во весь рот, глядя, как она идет к нему.

— Здравствуйте, рыцарь, — сказала Алена, присаживаясь к столу, — пришла посмотреть, как вы вышибаете буянов.

Фомичев не нашелся, что ответить, и продолжал улыбаться. Вдруг спешной он почувствовал волнение Маргариты и напрягся.

— Я хочу пива и раков, — попросила Алена.

Фомичев сделал каменное лицо и повернулся к стойке.

— Маргарита, обслужи клиента.

Маргарита, выбрав самое грязное полотенце, перекрнула его через руку и приблизилась.

— Вся внимание, барышня.

— Пиво и раков, — улыбаясь Фомичеву, повторила Алена.

— Пиво несвежее, раки не готовы, — процедила сквозь зубы Маргарита.

— Ничего. Я подожду.

Маргарита не двигалась.

— Я думаю о вас весь день, — не обращая на нее внимания, сказала Алена. — С утра позвонила Васе и устроила ему допрос с пристрастием. А он с похмелья злой, как собака. «Не знаю, — говорит, — никакого Роберта». Потом все же вспомнил. Мне очень захотелось тебя увидеть. Я боялась, что ты не придешь. А я хочу, чтобы ты пришел. Ты мне интересен. Ты не говори ничего. Вдруг наваждение пройдет. Я хочу пожить в нем. Приходи сегодня. Я буду ждать.

— Спасибо, девушка, — сказала она Маргарите, — пиво было замечательным.

С этими словами она ушла.

— Ты вчера был у нее. Ты спал с ней. Какой же ты все-таки, ты... ты...

Маргарита не нашла подходящего слова. Хлопнула полотенцем по столу, вернулась к стойке и принялась бить пивные кружки.

Федор вышел на улицу к ближайшему телефону-автомату и позвонил Васе. Затем, записав адрес, поехал к нему.

— Выпить хочешь? — предложил Вася.

— Нет.

— Завидую. А я хочу. Мне даже необходимо выпить. В банке что-то стреляет. Но нельзя. Через час придет машина. Что касается твоей проблемы. Видишь ли, друг мой, для меня твоя проблема пустяк. Но. Мне нельзя светиться. Ты же понимаешь. У нашей организации есть связь с мафией. Но должна быть очень серьезная причина, чтобы мы вмешались. Ты не обижайся, но ты никто. Из-за тебя никто и пальцем не пошевелит. Вот если бы твой хозяин работал на нас. А так. И вообще, это головная боль Порфирия. Ты-то здесь причем. Не понимаю. Ты работаешь за зарплату. А с ракетпирами должен разбираться тот, кто имеет прибыль. Он поступает неправильно. Это диалектика. Он должен платить. Так устроен мир. Кто умсет заработать деньги, обязан кормить ораву бездельников, чтобы те не умерли с голоду. Если обратиться в полицию, те арестуют пару человек из мелкоты. А потом придут другие. Можно пойти к другой группировке. Но другие за защиту запросят больше, чем эти. Жадность фраера погубит. Пусть платит и не дергается. Если ты влезешь в это дело, тебя грохнут, и хозяин все равно заплатит.

— Хозяин сказал, что будет платить или мне, или им.

— Уходи с работы.

— Я не хочу. Мне нравится эта работа.

Василий развел руками. Федор встал:

— Извини за беспокойство.

— Да, кстати, утром звонила Алена. Небывалый случай. Ты ей понравился. Завидую.

Фомичев отправился к Алене, но ее дома не оказалось. Он оставил ей записку следующего содержания: «Прекрасная Елена. У меня возникла проблема. Если я не приду сегодня, значит, не приду никогда. Ваш Роберт».

Фомичев принял решение. Собственно, его новая жизнь не предлагала иного.

Порфирий Игнатьич с сомнением согласился на его план.

— Может быть, ты один пойдешь?

— Не волнуйтесь.

— Ну хорошо. Надеюсь, ты подоспеешь вовремя.

Не обращая внимания на Маргариту, испепеляющую его взглядом, Федор отправился в свою комнату, где принялся плести из толстой проволоки, покрытой изоляцией, плеть.

За несколько минут до начала встречи он поставил хозяина под фонарем, а сам спрятался неподалеку, в тени дома.

На стрелку явилось одиннадцать человек. Фомичев в отчаянии считал их, когда они вразброс шли к Порфирию Игнатьичу. Он-то ожидал увидеть именно тех двоих, что приходили в кабачок. Еще совершенно не представляя, что делать, Федор тем не менее выступил из-под покрова дома и стал медленно приближаться. Один из ракетиров поздоровался с хозяином за руку, и у Федора мелькнула невольная надежда, что все обойдется, и ему не нужно подходить ближе. Порфирий поймет, что другого выхода не было. Кто мог ожидать, что их явится одиннадцать человек. Но тут хозяину дали пощечину. Фомичев ринулся на выручку.

Они стояли, сгрудившись вокруг Порфирия. Шага за три Федор каким-то немыслимым, отчаянным прыжком взлетел вверх, вытягивая из-за пояса плеть, и обрушился на головы, раздавая удары налево и направо.

Внезапно, вопреки ожиданию, он упал в пустоту, больно ударившись коленкой о мостовую.

Бандиты убежали, вообразив, что попали в западню, устроенную превосходящими силами противника. Фомичев, придя в дикий восторг, выдал какой-то жуткий, нечеловеческий вопль

и, переходя на визг, погнался за толпой. С таким кличем, вероятно, на заре человеческой жизни пещерный человек преследовал мамонта или другое съедобное животное, превосходящее его по силе.

Когда напавшие рассеялись, Фомичев вернулся к бедному хозяину.

— Ты сукин сын, Роберт, — проговорил трясущимися губами Порфирий Игнатьич.

Они вернулись к пивной. Фомичев остановился. Хозяин вопросительно посмотрел на него.

— Мне нужно навеситить одного человека.

— Я запру двери. Они могут вернуться. У тебя есть ключи?

— Есть.

— Возвращайся скорее. Сам понимаешь.

Фомичев кивнул и ушел. Внешне невозмутимый, в душе он ликовал,-paneвая: «... И враг бежит, бежит, бежит...»

8

— Это вы, таинственный Роберт? Я уже не чаяла вас увидеть. Время двенадцать. Или вы, как князь тьмы, приходите в полночь?

— Извините, я не смог раньше.

— Я помню вам загадочное послание. Ну и как? Вы разбили их наголову?

— Да, Дульсеня. Я обратил их в бегство.

— А подвиг? Подвиг посвятили мне?

— Как же иначе.

— Ну проходите. Будем пить чай. Я приготовила хворост. Если бы это видела мама, она бы прослезилась от умиления.

В глубине комнаты стоял станочек, в рамке которого был стиснут квадрат шелка.

Фомичев сел к окну и спросил, кивая на шелк.

— Что вы будете рисовать?

— Купола. Кресты или другую религиозную символику.

— Вы верующая?

— Ну, не то, чтобы верующая. Но крестик пошу. В церковь могу зайти. Лоб перекрестить. Но за Христа не дам себя ежечь. Я скорее Галлилей, но не Бруно.

Фомичев повел глазами по стене, где висели готовые картины.

— У вас много таких сюжетов?

— На веру сейчас спрос велик.

— А я люблю зайти в церковь и постоять где-нибудь в углу.

Я не делаю усилий, чтобы достучаться до Господа или сотворить молитву. Я тихо стою, наблюдаю, потом ухожу, преполняюсь благодати. Я тоже скорее неверующий, но посещения церкви — это терапия души. Церковь сильна не самой верой, а своей аурой, которую создают верующие и молящиеся в ней люди.

Алена улыбнулась, подошла к Фомичеву и дотронулась до его лица.

— А что все-таки тебя задержало? Я ужасно любопытная.

— На хозяйна наехали ракетеры. Была стрелка, разборка,

— Федор испытывал удовольствие от новых словечек.

— В смысле — драка? — округляя глаза, спросила Алена.

Фомичев кивнул.

— Сколько их было? Одиннадцать?! А вас?

— Двое.

— Двое?

— Да, но я дрался один.

— Фу! Как не стыдно обманывать доверчивых женщин.

Один против одиннадцати? И кто кого?

— Они убежали.

— Роберт, если ты будешь врать — мы поссоримся.

— Хорошо, не буду.

— Расскажи мне о себе.

— Я не знаю, что рассказывать. Проплыву свою жизнь я ненавижу. А в настоящем встреча с тобой заслонила все остальное.

— Роберт, ты озадачиваешь меня все больше. Теперь выяснилось, что ты буддист. Ведь это у них переселение души. Почему ты не пьешь чай и не ешь хворост?

Фомичев взял в руку чашку и пригубил. Алена села на диван и, улыбаясь, смотрела на Федора.

— А, может, ты скажешь, кем я была в прошлой жизни?

— Скажу.

— Кем же?

— Моей любимой.

Лицо Алены стало сердитым.

— Я люблю тебя, — торопясь, добавил Фомичев.

— Уже? Ты меня совсем не знаешь.

— Для того, чтобы влюбиться, совсем не обязательно знать человека. Любовь возникает сразу. А уж потом предмет любви, познаваясь, либо способствует чувству, либо губит его.

— Как мудро ты говоришь. Иди сюда, таинственный философ.

Фомичев приблизился и опустился перед ней на колени. Алена провела рукой по его лицу. Федор прижал к губам ладонь и стал покрывать поцелуями. Затем сел рядом и поцеловал в губы.

— Подожди, — Алена высвободилась, — вот здесь в шкафу постель. Постели, пожалуйста. Я сейчас приду.

Алена вышла из комнаты. Фомичев постелил постель, разделся и стал ждать. Алены долго не было, и Федор невольно вспомнил свою близость с Маргаритой и какое при этом он испытывал желание. Ничего подобного он сейчас не чувствовал. Он невольно напрягся, стал двигаться, но возбуждение не приходило. Фомичевым овладело беспокойство. Когда из ванной вернулась Алена, нагая, холодная и немного мокрая, Федор, лаская ее, невольно наблюдал себя со стороны и не мог избавиться от мысли, что у него ничего не получится.

— Почему, — печально спросила Алена, — я тебе не правилось? Ты не хочешь меня?

Возвращаясь домой, Фомичев все время слышал этот ее вопрос и проклинал вернувшуюся неуверенность в себе.

Опасаясь засады, Федор в начале улицы прицелился к поливальной машине и соскочил прямо у дверей кабачка.

В его кровати спала Маргарита. Одежало на ней сбилось, и был виден коричневый сосок груди. Фомичев наклонился и вновь услышал запах шимфы. Ему была необходима реабилитация. Он лизнул сосок, продолжая вдыхать запах Маргариты, чувствуя возродившееся желание. Федор, не раздеваясь, лег рядом и взял ее сонную с такой силой, что услышал крик, который затем сменился стоном наслаждения. Расширенными глазами Маргарита, не отрываясь, смотрела ему в лицо.

— Ты дьявол, — наконец сказала Маргарита, когда Федор обессиленно отвалившись, глотал воздух.

— Где ты был? — спросила Маргарита.

Ее вопрос повис в воздухе. Фомичев, совладав с дыханием, неукротимо погружался в сон. Но следующие слова женщины вернули его к действительности.

— Повтори, — попросил Фомичев.

— Какие-то люди всю ночь настают вокруг шивной. Хозяин сказал, что они ждут тебя. Он говорит, что ты их всех побил. Это правда?

— Да.

— Роберт, ты самый лучший, самый отчаянный, а уж любишь так, что сердце заходит. Но мне тревожно. Я боюсь за тебя.

Фомичеву странно не хотелось вылезать из постели. Но он

все же поднялся и подошел к окну. В подворотне напротив маячили две фигуры. Рядом, под козырьком булочной, еще три. Каким чудом ему удалось вернуться незамеченным? Вероятно, бандиты ожидали пешехода, а не маньяку. В ночной тишине Фомичев напрасно взывал к рассудку. Вновь и вновь напоминая себе, что все это не сон.

— Идущие на смерть приветствуют тебя, — произнес он наконец.

— Что ты сказал? — изумленно спросила Маргарита, но ее слова потонули в странном шуме.

Трибуны вошли, свистели, улюлюкали. Служанцы и заведующий кабачком скандалили: «Роберт, Роберт. Роберт». Порфирий Игнатьич, держа в руках кружку ненящегося шива, потрясал связкой раков. В гостевой ложе улыбался, подмигивая, Василий Евлампиевич. Алена, приветав, держала над головой нарисованную на шелке картину Иеронима Босха «Сотворение мира». В руках у Фомичева был консервный нож, а у окружающих его ракетиров хоккейные клюшки. Федор, освежив в памяти уроки истории, бросился бежать по кругу. Но ноги плохо слушались. Бандиты свободно догоняли его и били клюшками по голове.

9

Департамент
уголовной полиции
Комиссару уголовной полиции
г-ну Камеширову В.П.
от инспектора
уголовной полиции
Валодиса С.С.

Д О Н Е С Е Н И Е

Вслед за бригадой скорой помощи я прибыл на место и установил следующее: в одной из комнат сомнительного заведения г-на Кашириновича М.А. находился труп мужчины лет 28-30. После выполнения необходимых формальностей, как-то: снятие отпечатков пальцев, фиксация положения трупа, фотографирования места происшествия и проч., я распорядился, чтобы труп увезли и немедленно приступили к вскрытию. Далее. При осмотре мною была изъята и приобщена к делу книга регистрации клиентов, в которой я обнаружил следующий факт.

Фомичев Федор Иванович, менцанин, тридцати лет от роду, уроженец города Суккино-Лыкино, будучи проездом, изъявил желание воспользоваться услугами «Лавки Сновидений».

В 11 часов 12 сентября 19... года бригада скорой помощи получила вызов, а в 11 часов 15 минут, то есть через 15 минут, Фомичев Ф.И. был мертв.

На мой запрос лаборатория мецсудэкспертизы показала, что смерть наступила от обильного кровоизлияния в мозг, вызванного многочисленными ударами по голове тупым предметом. То есть он скончался от побоев. Я подробно допросил владельца «Лавки Сновидений», г-на Касперовича М.А. Привожу некоторые ответы подозреваемого, большей частью невразумительные.

Вопрос: *Чем Вы можете объяснить, что спящий в Вашей «лавке» человек умер от побоев?*

Ответ: *У человека очень сложная нервная система. Если к руке человека приложить холодный утюг и воскликнуть: «горячий» — может появиться ожог. То же происходит и во сне.*

Вопрос: *Какой сон Вы ему продали?*

Ответ: *Этого никто не знает. Мы продаем только предположку. События же в нем происходят независимо от нас.*

Вопрос: *Вы отдаете отчет в своих словах?*

Ответ: *Я бы не занимался этим, если бы не отдавал себе отчета. Мы проводим во сне треть своей жизни и еще неизвестно, что есть жизнь, а что есть сон на самом деле. Сны иногда бывают реальной яви, если, конечно, уметь их понимать. Иными словами — мы живем в мире, где все перевернуто с ног на голову.*

С момента рождения душа человека заключена в темницу собственного тела. И лишь во сне, который, кто знает, может быть и есть человеческий рай, и свет, который его освещает, есть всего лишь аванс Господний, взгляд в замочную скважину, душа живет полноценной жизнью, согласно своему предназначению. На самом деле каждый сон всего лишь шаг в процессе освобождения из собственной яви. И так шаг за шагом, пока смерть не освободит Вас от сна, именуемого человеческой жизнью.

Вопрос: *Вы утверждаете, что жизнь, дарованная Господом Богом, темница души?*

Ответ: *Абсолютно верно. И это, заметьте, не идет вразрез с положениями нашей церкви, в которых сегод-*

пящая жизнь лишь предтеча жизни в раю. Как известно, все познается в сравнении.

Просто в данном случае был сокращен испытательный срок. (Обратите внимание, г-н комиссар, сие есть скрытое признание в убийстве). Скажите, неужели Вы сами довольны своей жизнью? Впрочем, можете не отвечать. Вы на службе. Но согласитесь, с момента постижения себя личностью мы все в плену условностей; общественное положение, сложившийся круг друзей и знакомых, не позволяющий сделать ни шагу, который шел бы вразрез с их представлениями о приличиях. Нелепая случайность, определившая Вашу жизнь, и только потому, что нельзя было иначе на нее отреагировать. Вот, к примеру, два сексуально-бытовых варианта. Человек провел ночь с женщиной и в силу своего воспитания женится на ней. И не потому, что любит, а потому, что джентльмен. Издержки воспитания.

Девушку изнасиловал ухаживающий за ней мужчина, и она выходит за него замуж. Не потому, что любит. Боятся, что теперь она никому не нужна. Мы все в цепях условностей. Таких примеров я могу привести множество. У Вас бумаги не хватит записывать.

И так далее, протокол допроса прилагается.

Г-н комиссар, обращаю Ваше внимание на то, что это третий покойник в заведении г-на Касперовича М.А. Первый, как Вы помните, умер от удущья. Вторая, женщина, была, вероятно, изнасилована во сне и умерла от кровотечения.

На основании вышесказанного прошу Вас ходатайствовать перед г-ном прокурором о возбуждении уголовного дела в отношении г-на Касперовича М.А.

Инспектор уголовной полиции

Валодис С.С.

«13» сентября 19... года.

Виктор Липатов — из "привокзального", "придорожного" племени. Мимо проносятся товарняки и экспрессы, мелькает иноплеменная, накопленная где-то жизнь, — а он наблюдает, замечает несущественные, но образно-впечатляющие детали; сопоставляет со своими настроениями и внезапно слышит какую-то строку. Со строки все и начинается, она обрастает ассоциациями, привходящими образами, смутными ощущениями радостей и огорчений прежних встреч и неотвратимых предчувствий.

ОДА ВАГОНУ МЕТРО

Сатире — час, а что примолкли
 оды,
 Аль белый свет сановникам постыл?
 Вагон метро — спешите пешеходы,
 Доступен всем: начальству
 и простым.
 Мы смиренные, пока туманны цели.
 Вагона двери (двери рая?)
 так узки.
 Атлет, узбек, старушка, дама в теле,
 Вагон готовы разнести в куски.
 Прижали, смяли, сплюснули,
 но цел, —
 Внездилися; едень,
 празднуя удобства.
 Да! только б сесть!
 Мала ли эта цель?
 Как бесконечно право первородства.
 Прочитаны тома тобой, а лез!
 Душой ли гнутья
 в нравственном вопросе?
 А велел ввинтился бравый удалец,
 Как куль бездушный женщину
 отбросив.
 Ему в толпе не нужен маскарад.
 Он рылом прост и нагло объегорит
 Тебя, спешащего на жизненный
 парад,
 Как в гордый мир
 высоких категорий.
 Храпя в лице вождя безликий вид,

Смонументализм поги, как колонны,
Сидит, как спит. А женщина стоит.
Хвала, что не коленипреклоненно.
Как безнадежен зимний крик вороний,
Как зорок обыватель: чья там власть!?
Рабы свободу быстренько хоронят,
Чтоб никогда уже не поднялась.
Смирная время, целкают бичи, —
И муравейник жив синхронно-слено.
Все тащат глыбы, ладят кирпичи,
В помпезность храмов, пирамид и склепов.
Подумаешь — расселся юный хам...
Ты в нем провидишь контуры портала?
И мысль твоя, что скачет по верхам,
От хама к рабству тропку протопала?
А! Ченуха! Тот панк пль металлист,
Или надменный математик юный, —
Своей лишь личной глупости солнет...
С аккордами гитары семиструнной
Он спит свои недолгие года,
Не замутив сомнением взора просишь.
Но погодите. Жизнь как даст дрозда, —
Тогда его к ответу и попросим.
Ничтожный раб полунустых забот, —
Иным он станет в бармах Мономаха?
Как, кем, зачем построен тот завод,
Что манекенов создает из праха?
Да толку ль в изыскательстве пустом?
Представь юнца венком побед увитым,
Да предоставь ему на тумбах стол
Начальственный, — каким юнца увидим?
Величественным? Тяжек монумент
Больших высот для самых нижних.
Он в мареве словесно-клейких лент,
И сырый — червь у ног его недвижимых.
Одной родни, а все ж мы антиподы:
Тот сам с усам, иному мил запрет.
Вагон метро — вагон большой свободы:
Сидит сантехник и стоит зампред.
Здесь нет чинов и ранги неуместны,
Самолобиво гордости не жгут.
Кто чей жених и едет чья невеста?
Здесь все ничьи, а чьих-то где-то ждут.

Мечи спят в ножнах. Стрелы все в колчанах.
Ушедший день томит усталость вежд.
Вагон метро — вагон больших молчаний, —
Биополей, — и умных, и невжд.
А где-то спит судьбы своей поклонник,
Во времени забронзовевший флюс, —
Адыо! И пусть бредет паломник
К его моцам. Жизнь начертала плюс
Изменам. Мчась в иные моды,
Ох, не споткнись о броненный кистень.
Еще способна на любовь и роды
Из гроба возникающая тень.
Давайте честно — кто мы для свободы?
Рабы, друзья или же господа?
Спасут ли ждущих рая храма своды,
Глас страха, опущенные стыда?
В грядущее — рискован лишь походы,
Благословят Христос или Аллах.
Вернувшись сыто-няные с охоты,
Кого мы ищем в ждущих зеркалах?
То друг или враг на нас глядит, скользя
И избегая распростертых дланей?
Сумбурной мыслью резво колесея,
Мы ищем оправданий и желаний.
Сам тет-а-тет. Не в том ли страшный суд.
Врага в себе разя — не пожалелось?
Молитвы лишь подвижников спасут,
Жизнь раздвоится — не соннешь, не скленшь.
Игрунья — жизнь. Все в прятки с ней играй,
Все прячется, посулами брюхата.
Над теми, кто гранит за гранью грань
Смеются те, чья с краю хата.
Да только где он, в круглом мире — край?
Мы в пирамах бесконечного похода.
На сердце смута и в душе раздрай...
Век технологий, почему ж пехота
В грязи по пояс все идет вперед?
Жируют господами командиры,
Сидельцы у распахнутых ворот
Торгуют женщи, брагу и квартиры.
Ну, дождались. И жизнь дала дрозда.
Хамье младое ринулось в палатки.
А чья извилина совсем проста —

В пасмники, где взятки вовсе гладки.
Кто киллер, кто охранник, ракетир.
Игра ва-банк, ва-дьявол, доллар — нмя
Их богу. Не страна для них, а тир.
Не вечно зло, а вечно сотворимо.
Вагон спешит. И, озирая пульт,
Наш машинист — парнишечка в мундире,
Не слишком помнит, как вредил нам культ,
Но знает точно: в огневом пункте
Глубины философий так мелки,
Так маятно от мужества и страха...
Он вел войну и глаз желты белки.
Он научился убивать и трахать.
Он правит бег. Он ведает поп-арт.
Он диск-жокей ревуций дискотеки.
Ритм! кросс! мы вышли все на старт.
Бежим. И составляем картотеки
Чужих успехов, наших редких польз.
И все гадаем до черты последней:
Врубиться в жизнь или промчаться вскользь —
Чертовски неприятны жар и ледник.
Не вечно зло, а вечно сотворимо.
Коль дверь закрыта, как не отворить?
Разрушил варвар все творенья Рима,
Чтоб научиться строить и творить.
Изнежен тот, кто не ведет борьбы,
И падает, словно подгнивший колос.
Взирая на священные гробы,
Мы слышим странных предков голос.
И судим их, не помня о себе.
С небес-то видно: скачем будто блохи.
И плачем о несбыточной судьбе,
Сгрызая жадно яблоко энохи.
Но мчится поезд, временем гоним.
Задумавшись о беге виноватом,
Забьлся машинист. Но глядь — над ним
Стоит юнец, грозитя автоматом.
Так вот он, наш сомнительный пахал,
Что показал себя в вагонной давке.
В толпе дорогу лихо пронахал,
Но не успел на обогретой лавке.
Сограждан мирных растревожив дрему,
Он объявил заложникам их.

И поезд, как хлебнувший на ночь брону,
Затормозил, чуть дернулся, затих.
И завертелась волчья карусель:
Правительство, милиция и торги,
Что может юный хам бежать отсель,
Шурша зелеными в битком набитой торбе.
В нем клюкотала злость на всех и вся.
Сошел он с тормозов, забыл о чести,
Как наркоман, дуряя и кося,
Он думал об одном: клочок шерсти
Сорву со стаи шелудивых псов
И кану за морями, за горами...
И били ветры в щеки парусов,
Ничто не вязло в тине якорями.
Подумать только, кто разнигтея чем
И от кого вселенной больше прока:
Еврей, армян или пальной чечен,
Исконный русский или полукровка, —
Одна и та же горькая судьба,
Без разницы: ты подлый или честный...
Вселенная панла себе раба:
Возникнуть, побуянить и исчезнуть.
В тоннеле замер поезд. Как странна
Сдавившая тюремною стеною
Угрюмых подземельий тишина,
Жизнь будто бы умчалась стороною.
И нависает над тобой лишь то,
Что выжимает выкрики и лепет.
Ты властен над собой и ты — ничто,
Рука юнца твою гримасу лепит.
Искать бы к Богу верные пути,
И знать: молитва с небом дуну скрепит.
Тебя встречает демон во плоти,
Еще ты мчишься, но уже ты в склене.
Гудит вагон, как улей по весне.
Заложников — и в них мы побывали,
Терзает страх. И даже песнь песней
Их от тревоги отвлечет едва ли.
Нелено. Дико. Впрочем, вечно зло —
Изнанка мира и добра подкладка.
Чего достигнешь — скажут повезло,
А не достигнешь — улыбнется сладко.
Но махнулет вдруг венюшил корешка,

Которого костлявая скосила.
Тот говорил ему: тонка книжка
У этих духов против русской силы.
Все потому, что мы не терпим зла
И бьем паотмань, но готовы к миру;
А нас сюда лихая принесла,
Чтоб не спалил сосед свою квартиру.
И как бы нас не звали к пирогу,
Не обещали званые обеды, —
Не струсит русский, никогда врагу
Он не уступит чести и победы.
В кабине машинист хранит тесак,
Чтобы, гляди, на крысу не нарваться.
Он рубанул панскось, как казак,
Как дед учил с лозой тренироваться.
И был раздроблен пулями тотчас.
И два мальчика упали, как не жили.
Приходит смерть — не лаясь, не стучась,
То жизнь из нас тягуче тянет жилы.
Все перекрестки, дальше ровный путь.
Кладутся шшалы, кто их после помнит.
Кокотка-жизнь мурлыкает: забудь,
Уединись со мной в одной из комнат.
Как сексуально наше бытие.
Рука в ночи, блуждая меж холмами,
Онцуньивает нежно острне,
Что дар несет роскошно ждущей даме.
Все тлен и плен. Бессмертны дух и страсть.
Роль личности история приемлет,
Когда дарует оной трон и власть.
А тот, кто на завалинке продремлет
Всю жизнь — способен он на роль?
Он — стрелочник, за ним большие вины.
Шагнет вперед, а стражники: пароль?
И снова в хижину под ветры и лавины.
История лукава и пьяна.
Кулик Авдотька, что кричит хохлато.
Разгульно девка требует: вина!
Что там снежит меж створками халата?
Кровавы и белы любви цвета.
Кто пынче хочет гешнем бесплатным?
Летит вагон и станций суета
Нас отрезвляет холодом булатным.

Истонно разорались кликари:
Мол, жги, круши, воруи, торгуй, насилуй.
Мы любим теплый, добрый свет зари
И повторяем: Господи, помилуй.
Не каждый воин, и не всяк отважен.
Живут в глубинах, тонут на мели.
Знак постоянства чрезвычайно важен
Для нас, случайных бабочек Земли.

УГЛЫ

Жизнь проходит из мглы и витает во мгле.
Богатырски в полночи свищет.
Где-то бродит один человек на земле,
Но тебя ли, тебя ли он ищет?
Он в лохмотьях забот. А вериги: дзиль, дзиль...
Опасаясь извечно поджога,
Спит в сугробах душа. Как мучительна снь
Всех небесных высот. И у неба изжога?
Жизнь крадется, как мышь, прогрызая углы,
Подавая пример вездесуцья.
Гладнатор бежит, забывая голы,
У другого порода же сучья.
Правда прет чумаком. А неправый суд быстр.
Гордо саблями блещет бездумная стража.
Это твой человек. Отними у судьбы.
Уворуй. Это славная кража.
Чу! По следу идут. Лай собак все лютей.
Пенят рты прощенные пророки.
Он — один, ты — одна, — в океане людей,
Где силелась чудеса и пороки.
У нестовых толн столько рук, столько уст,
Столько лживого в каждом посуле,
И лишь мечутся тени ограбленных чувств
Среди жадных и плянущих всеу.
Жизнь дворнягой бежит, обливая углы,
Ищет кость, и мясца, и похлебки.
Каждый хочет пробраться сквозь ушко иглы,
Но теряется в сеничке целовкий.
Это твой человек. Защищи, охрани.
Проследи, чтобы кто не обидел.
Если ты ювелир, то алмаз ограни.
А монашка — воздвигни обитель.

Побирушкой бредя, собирая куски,
Накорми, отзовется найденыш.
В рай ворота, наверное, очень узки.
А без веры на броне утопешь.
Ты в пещере и тени выходишь из мглы,
Ищешь каждая сена и стойла.
Ты идешь, натыкаешься — всюду углы;
Мыкать жизнь по углам непристойно.
Жизнь скругли свою в шар и кати, и кати
Муравьем-трудолюбцем добычу.
Предлагает эрзац: спирт, гашиш, никотин —
Общежития людского обычай.
Предлагает, расцветив пестро, миражи;
Бунтарей забивая в колодки.
И живем, как зверье: кто кроты, кто моржи;
Кто, как волк, рыщет в поисках глотки.
Но растерянно руки воздев к небесам,
И моля о несбыточном Бога,
Видишь свет в человеке — и сам
Излучаешь, забыв осторогу.
Посверкав, жизнь укатит верхом на метле.
Да нужна ль ей, колдунье, могучих опека?
Но ищи. И найди на летящей земле,
Если очень захочешь, одного человека,
Чтоб порадовать небо: прости, я смогла.
Кто-то снова следит за тобой из угла.

* * *

Я пишу натюрморт...
Вот стоит эта кружка из глины,
Словно банья — с зубцами
И стен кругизной.
Пил я чай из нее,
Вдохновенно сдувая чашки.
Аромат так пьянил,
Что хотелось и пить, и плясать.
Вот и нож — рукоять
Прирастает к ладони.
Блещет белый металл:
Равнодушен, бесстрастен и строг.
Режешь хлеб — все ломти, как солдаты,

Нож для них — старинна.
Нож — убийства орудье.
Подумав о том, содрогаюсь.
Вмиг он ткань разорвет,
Расцарапает пуговиц ряд,
Мягко в тело войдет,
Как пенужная милому ласка.
Без движенья останется там, —
Как улика, зовущая месть.
Режу хлеб — и съедаю ломоть
За ломтем. Подмороженный
Легким морозцем, хлеб вкусен, —
Не ровня ему пироги!
Вот и ложка — она для борща,
Проводница любовных желаний.
Все, что выловит — в рот, —
Замелькавшую кругло фасоль,
И свеклу, и канусту,
Заморское диво — картоху...
Вот и вилка — я с ней никадор,
И, бросаясь в атаку,
Лечу на котлетную рать.
Эх! Держись-ка, котлета!
Давай! Перестань унываться.
Мой проворный язык
Тебя быстро отправит к зубам.
А блины? Вилка словно воркует,
Плеская тела их в сметану...
А без рюмки, без чарки, без стопки
Разве стол наш престол?
Разве хмель не бодрит аппетит?
Разве белая влага
Не жжет наши красные горла?
Наконец, самовар
Я поставлю. И свет меднобокний
Озарит этот стол,
За которым сижу
И пишу патюрморт,
Как письмо к тем голодным,
Кто жаждет тепла и уюта,
Кто согрелшись у солнца еды,
Обретает душевный покой...

НИКТО

Это после — у бунта пужда в светофорах порядка,
На газетном листе биографно жизни расщупут.
Вот идет человек. Как мила поседвинная прядка.
И, как хвост, вслед за ним, крутосверченный кнут.
Он — пастух? И в закатных лучах его стадо
Прибредает в село, загоняют хозяйки коров.
Те мычат и режут, от сленней отбиваясь хвостато,
И спешат по сараям. Надежен пахучий их кров...
Он — никто. Повелят — лихо спину засветит рубцами.
Вся пужда лишь в одном: чтобы ты произнес монолог.
Знает он, как бороться с крутыми борцами;
На расстрел — так герон; на дыбе все скажешь, минок.
Может врут черена. Ломброзо, не всегда шизколобы
Те, кто славных и честных к петле волоча,
Наслаждаются казнию, потому что холоны.
Руки Бога нас лелят, а кто мы в руках палача?
А ведь с виду простец — и билет профсоюзом,
И веселый турист, кому рады и поле, и лес.
Но взлетит над тобой его мрачная муза —
И суши сухари. Ты на этой земле не жилец.
Кто-то должен, заметят, ненужные glands
Драть. Не всякому роль по плечу.
Боль пронзает, свисает слона, как гирлянды.
Ты противен себе, но приятен ему, палачу.
Как гнусна эта дрожь, что, как ток, пронизывает коленки.
Пусть бы был и молчал. Не орал! Не орал! Не орал!
Но — хозяйни! и ставит расчетливо к стенке,
Чтобы мебель ты кровью своей не марал.
Время — черное бремя, прерывисто дышит бедою.
Зарастает паршой — равнодушья корою.
Он надрасен и выбрит, побрызган французской водою,
Восседает в театре, любуясь умелой игрою.
Он невидим, никто. Он как все, как другие.
Не пенуган сосед — хотя кто он сосед?
И спокойна соседка, чьи перен тугие
Расширают при вздохах упругий корсет.
Присмотритесь на улицах, где они, эти,
Кто стреляет и рубит, кто хлещет кнутом.
Будто мирные люди идут по планете,
Не всегда они звери, спасибо на том.
Чаша — дом. Как шалят его славные дети.

Умиляется он их уютной возне,
Как примерный родитель, о благе радетель;
Но кричат его жертвы, к нему продираясь во сне.
Просынается, яростно сны отрывая.
За работу! Штампует. Идут мертвецы —
Как чугушка их постушь, как песня глуха строевая ...
А последней — Фемида, в утиль свои тащит весы.
Но однажды палач умирает. В цветах утоная,
Затаился в гробу, крепком доге, страшая атак.
Скорбно речи звучат. Забудьдги, могилу коная,
Обсуждают погоду и цены на хлеб и табак.
Мрамор стылой плиты так ядрено блестит полировкой.
Как на Пасху, яйцо о яйцо с наслаждением — хрясь!
Это двое на травке, в компании с поллитровкой
Помниают за то, что не досмерти был, торонясь.
Он исчез, но другой уже, улицей сонной
На работу снесит. Без особых примет, без лица.
Не трещат феёйерверки. И речью взволнованной трошной
Не отметится путь начинающего бойца.
Это после история-мать все расставит по полкам.
Наградит, обвинит. Горети праха слились уж с землей.
Кто-то скачет там зайцем; герой пан, наверное, волком.
Все подернуто небыльью, космоса хладом и мглой.

Татьяна СЕМИЛЯКИНА

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ

Татьяне 20 лет.
Студентка
Литературного института
имени Горького.
Занимается в
творческом семинаре
Евгения Рейна.
Живет в Москве.

Сцена I
Год 1705
(Дворцовые попой)

ПЕТР и АЛЕКСЕЙ

АЛЕКСЕЙ

Меня сегодня утром посетило
Отчаянье. Не постояльцем
 мрачным,
Что потеряв свой путь —
 нокою ищет,
Гостит неприхотливо день нль два,
А после — удаляется бесследно,
Но женщиной — прекрасной
 и развратной,
Уверенной в непобедимой власти
Над племенем мужским. И потому
Все более прекрасной и порочной.
Зайдет на день — останется на век,
Воды попросят —
 и тоской несует,
На стол хозяйкой станет накрывать,
А там — глядишь —
 как праздничный пирог,
На этот стол тебя спровадит
 чиною...

ПЕТР

Отчаянье нейдет к твоим летам.
Пристало юности дерзать и ввысь
 парить,

А коль дерзать не можешь,
то дерзигь —
Талант немалый.

АЛЕКСЕЙ

Как ты прав, отец!
«Дерзигь — талант немалый...» Оттого ли
Дерзят лишь дети, наглецы, герои?

ПЕТР

Ты размышляешь слишком упоенно.
Но что с тобой случилось? Знаю я,
Что безбородых мысли посещают,
Навязчивым присутствием гнетут,
Когда в делах любовных нету лада.
Откройся, сын, к чему тебе скрывать?
Отцу доверься — он тебе поможет.
Сдается, опыт жизненный влачу
Горбом кривым без малого столетье...
Скажи, ну что случилось?

АЛЕКСЕЙ

Промолчу.
Пусть опыт — опытом, но первые шаги
Всегда должны мы делать в одиночку,
Так первая любовь нль поцелуи —
Как ни трудны — советчика не просят.

ПЕТР

Но жесток пол ддя детского колена,
Коль не поддержит твердая рука —
Былая удаля изойдет слезами...

АЛЕКСЕЙ

Поверь, отец, меня утешит вновь
Моя тоска — прелестная особа.
Смеется как! Поет какие песни!
Такие смертным женщинам не снились,
Не виделась в горячечном бреду
Те танцы, что она лишь мне танцует...
Я без нее — потерял и тревожен,
Как томный фант, который позабыл
Одеть свой перстень, что отяжелял

Мизинец левый тяжестью приятной.
Когда в делах любовных нету лада —
Обида сердца придаст нам сил
И изольется на листы стихами,
Или слезами упадет на грудь.
Но есть печаль совсем иного рода:
Не коникою царапает нам сердце,
А коршуном вонзится. И отпустит,
Уж верно, как насытитесь вполне.
Теперь служу я птице остроклювой,
Хоть знаю, что безмерны аппетиты
Того, кто жадно пьет чужую кровь,
Найдя когтем опору на груди
Покорной жертвы. Слушай же, отец!
Хочу с тобой немедля говорить,
Чтоб не держать нам труна под кроватью
В семействе царском. А иначе смрад
В зародыше задунит наши чувства,
Что быть должны меж сыном и отцом.

ПЕТР

Теперь я вижу — ты незрячо болел.
Прислать велю немецкого врача,
Но признаюсь, что бредил ты забавно...
(Уходит. Алексей один.)

АЛЕКСЕЙ

И не желает слушать он меня!
Как в детстве нянька: «Баюшки-баю...»
Твердит и дремлет, нежа колыбель.
Нехожен лабиринт его страстей
Моей ногой. Темны его заботы.
К сокровищнице не допущен я.
Но, полно, царь! Ты счастлив должен быть,
Что сын в тебя — жестоким самовластьем,
Что та же стать и тот же голос зычный,
И те же весла — лишни бровей
В раздумьях разбивают гладь лица.
Когда бы был смиренен и послушен,
Не мог бы тенить отческую гордость
Единством дивным, нынче — решено:
Чтоб доказать единство — буду против.

Сцена 2
Год 1715
(Во дворе)

ПАХОМ

(Запрягает лошадь.)

Стои, мертвая, не балуй! Филька, эй!
Иди сюда, нащенок, помоги!
Где, сукин сын, тебя послали черти?
Когда работа — век его не сыщешь,
А жрать — так он, негодник, тут как тут.
(Вбегает Филька)

ФИЛЬКА

Панана, во дворце что происходит!
Я щас тебе такое расскажу...
Бояре... Заговор...

ПАХОМ

Ты толком говори,
Не шибуги, давай-ка по порядку.

ФИЛЬКА

Так слушай: во дворце перенолох.
Раскрыт сегодня заговор боярский.
Мне конох Федор верно говорил,
Что царь наш Петр — страннее страшной
сказки,
Которую рассказывал ты сам.
Он ходит мрачно, даже не бранится,
Но так молчит, что лучше бы кричал.

ПАХОМ

Ты, Филька, брешь!

ФИЛЬКА

Вот те крест, отец!
Какая мне корысть в обмане этом,
И стал бы я обманывать тебя?..
Так я о самом главном не сказал:
Ты угадай, кто к заговору близок,
Кто в грош не ставит даже власть Петра,
Кто коренным в упряжке этой резвой,

И где ямщик, кто щелкает кнутом?
Я зуб даю — ни в жисть не угадасшь.

ПАХОМ
Неужто Глишский?

ФИЛЬКА
Низко берешь!

ПАХОМ
Ну... Меньшиков тогда?

ФИЛЬКА
Опять проманка!

ПАХОМ
Не мучь отца, сейчас же мне ответь,
Не то тебя я вздую хворостинной!

ФИЛЬКА
Ой, странно гнев отеческий павлечь...
(*Торжествуя.*)
Представь себе — задумчивый царевич!

ПАХОМ
Царевич Алексей? Да быть не может
Того, чтоб сын поднялся на отца!

ФИЛЬКА
Петру, наверно, тоже так казалось,
Покуда не случилось. Так зимой
Не верится, что после будет лето...

ПАХОМ
Не в меру хитроумен стал мой сын! —
Как баба — и пронырлив, и болтлив.
Будь безучастен к брани государей,
Замкни язык решеткой белозубой,
А сам прилежно слушайся меня,
И ничего плохого не случится.

ФИЛЬКА
А ты позволишь нынче мне пойти

На наши посиделки? Там забавно!
Свою работу после справлю я.

ПАХОМ

А «после» — измеряется годами,
И это всем известно уж давно.
Совсем ты заболтал меня, негодник,
Давай-ка дело делать. Запрягай.

Сцена 3

(Дворцовые покои)

ПЕТР и АЛЕКСЕЙ

ПЕТР

Пристало чувствам обретать взаимность,
А страсти безответные — чужды
Должны быть хладности и мудрости приличной.
Добро, мой сын, плачу я тем же чувством.
Монета неразменная — вражда,
Находит расточителя и тцетно
Потом пытаться скрыться от нес.
Кунить захочешь хлеба — тут же сдачу
Тебе монетой этой отдадут.
Ударинься — попросишь приложить
Холодное ко лбу — онять монета
Тебе клеймом обезобразит лоб.
Отчаянье заставит протянуть
Худую руку с просьбой подаянья —
И медным смехом зазвенит она —
Твоей вражды священная монета.

АЛЕКСЕЙ.

Я — враг тебе? Нет, только самовластье,
Нет, только ложность твоего пути
Заставили затеять этот бунт.

ПЕТР

И как ты не поймешь, одно и то же:
Что всадника предательски убить
На бранном поле дружеской рукой,

Чтоб выбить из надежного седла...
Скажи, мой сын, а если б, волей судеб,
А если бы, насменною небес,
Случайно менялись мы местами?
И я бы, потупленный, пред тобой
Стоял бы, изучая пол паркетный?
А ты бы тут сидел и наблюдал
Испуг гремучий сердца моего...
Скажи мне, что тогда? Скажи, неужто
Твой приговор — перодетвенно суров —
На голову мою бы обратился?
Скажи, скажи!

АЛЕКСЕЙ

Ты прав всегда, отец!
Цари умеют лгать, но ошибаться —
Заняться отстающих школяров.

ПЕТР

Я прав! Я прав всегда... Какая жалость!
Теперь я понял, как желает страстно
Неправой быть таблица умноженья.
Но решено. И, видит Бог, не я
Затеял эту рождественную тяжбу.
В ней проигравший принимает смерть
По всем законам и с гостеприимством,
Приедем русским. Видит Бог, не я
Подписываю смертный приговор
Родному сыну. Ты — своей рукой
Толкнул отца на этот шаг ужасный.
Я — выиграл. И что осталось мне?
Кошмары ночи, слезы в полутьме
Над сыном недостойным и... любимым.
Окрасить землю ярмарочным цветом,
Тем самым цветом, что так странно схож
С моею кровью... Помнишь, Алексей,
Как эту руку странно я поранил,
Обтесывая корабельный киль?
А ты тогда так мало понимал,
Но много чувствовал. Сегодня же — напротив.
Ты морщился тогда, как будто руку
Твою терзала поющая боль,
Ты морщился сменно и все твердил:

«Ах, батюшка, тебе, наверно, больно?»
И крошечный протягивал платок,
Чтоб мог я рану им забинтовать.
Тогда смеялся я и лишь рукой
Тебя трепал по теплому загривку,
Ну, а потом и вовсе отослал,
Чтоб не учился жалости к отцу...
Теперь... Алеша, отвечай же мне!
А если бы тебя я пощадил
И разорвал проклятую бумагу,
Которая сулит тебе покой,
А твоему отцу — его потерю.
О, если бы тебя я пощадил,
Сказал бы просто: «Полно, мой Алешка!»
Как прежде раздраженно говорил,
Когда совсем безбожно ты проказил.
Так что тогда? Отрекся бы легко
От ложных убеждений или снова
Буянить принялся бы? Отвечай!

АЛЕКСЕЙ

Ты даже увещая — приказуешь.
Но для чего тебе мои слова?
Мне кажется, решение созрело
В увенчанной короной голове
В тот час, как об измене ты услышал.
Правителю, должно быть, недосуг
Просить совета у несчастной жертвы.

ПЕТР

Но если жертва — сын родной?

АЛЕКСЕЙ

Так сын родной? Ты не забыл о связи,
Что палача и жертву прикренила
Друг к другу кренче, чем стальной тонор?

ПЕТР

Нет, это ты забыл про мой вопрос.

АЛЕКСЕЙ

О, не забыл! Как мне забыть об этом?
Сдается мне, что знаешь ты ответ,

Но хочешь от меня его услышать,
Чтоб подтвердить догадливость свою.

ПЕТР

Так значит — бунт?

АЛЕКСЕЙ

Ты прав всегда, отец!
И это свойство тягостным наследством
И на меня обрушилось. Я знаю:
Ты будешь стройной яблоней стоять,
Гордяся плодоносностью своей,
Пока недалеко не упадет
Плодом созревшим — голова моя.
Так мы — существованием своим —
Докажем поговорки русской мудрость...

ПЕТР

Так значит — бунт.

АЛЕКСЕЙ

Бунт кончился давно.
Настала неизбежная расплата.
Меня томит необходимость речи.
Я не желаю больше говорить.
Позвольте мне...

ПЕТР

Но в канцелярье Тайной
Узнают все, о чем не досказал.
Ты знаешь, что такое наши пытки?
Ты слышал, как надорвано кричат
Несчастные, прижатые железом,
Что гневным жаром разрушает плоть?

АЛЕКСЕЙ

(скороговоркой)

Для государства все готов стерпеть я,
И выгоду Отечества блести
Могу всечасно и не рассуждая,
Коль жертвует своим сыном наш царь,
Как Ифигенией — отец державный —
Единственно на благо государству,

Для сохранения счастья и покоя,
Неужто станет Цесаревич биться,
Униженно прощенья просить
И омывать отцовы сапоги
Своими незаконными слезами?
Нет, этому, конечно, не бывать!
Себя отдаст он в руки палачей
Не агнецом, что блест так протяжно,
Но мужем, ужасающим молчаньем!..

ПЕТР

Довольно злобствовать. Как обещал — молчи.
Не омрачай последние минуты
Бессвязным лепетом. Теперь все решено.
(Звонит, входят чужие.)

Повелеваю: быстро уведите.
Прощай, мой сын! Я был плохим отцом...

«В ТЕМНЫЙ ЧАС...»

УЛИЧНЫЙ ЭСКИЗ

*Родился в 1968 году.
Окончил актерский
факультет Школы-
Студии МХАТ. Автор
пьесы "Нижинский".
Стихи публиковались в
газете "Путь", журнале
"Юность".*

Все изменилось: названия улиц,
метр.
Красный цвет сократился на треть
во флаге.
Все изменилось: на каждое «про»
несколько сотен «контра» —
о том же благе...

Как на полотнах Гойи
акварiumные цвета.
Цыганки просят червонец,
а не конейку.
И стоит повсеместно
сгорбленная ницета
духа, требующая себе онеску.

Лекарства от сплина в аптеках нет.
Фонарь разбит. Улицы терсебя,
морщинистые деревья за столько лет
распустив языки,
стали похожими на себя...

На стенах домов ловко спрятались
в негатив
вывески улиц. Мера вытянутой руки
увеличилась, расстояние встреч
сократив.
В балете неандерталец
издает хлопки.

Все изменилось: воздух, дыхание само.
Каждое время года как ожидание конца.
Неизменным осталось одно письмо.
В темноте зеркал отражается свет моего лица...

ОСЕНЬ В ПРОВИНЦИИ

Лилялый флаг подходит на майку футбольного клуба.
Лилялый флаг на пиниле купеческого особняка, а ныне
видимо, мэрин, напоминает о времени, впрочем,
прошедшем.

У местного дурака улыбка беззуба,
его встретишь везде: у церкви, на площади, в магазине,
шнуром двух других или уже нашедшим.

Одеваются поголовно броско, во что подешевле —
Версаче, там, или Хамдамов умерли здесь бы.
По мостовой шаркают танками, как мусульмане.
При этом недорого выставлены шедевры —
дивной каплей плетения, росписи, резьбы,
но не для того шелестит в кармане.

Зато библиотека — пате-ка! — имени Пушкина.
Глядя окрест, вспоминается басня Крылова
о петухе, откопавшем жемчужину.
Закаты да звезды для музы отдушина,
но улов слов без особого клева:
разговорчивые старухи не приглашают по бедности к ужину.

И вместо Гоголя, кстати — петушок на площади.
Герани в окнах больны гигантизмом, оттого — кривы.
Во дворы ни-ни, ни погой — облают
разномастные шавки размером с полено. Лошади,
как и коровы, редки, зато пруд пруди конек, ибо
тут мыши не только ползают, но и летают.

Канализации нет; водопровод римлянами не достроен:
видимо, взбунтовались, заломив непомерную цену,
их и выгнали — сами с усами — шипками,
свыклись так. Гроыхая, в баках таскают воду.
Благодаря стекольному заводу
в свинец сей земле скалит час, что неровен,
река прытко взбивает аммонную пену.
Я качу велосипед меж двумя веками.

Когда видишь на плечах старика коромысло,
хочется теремка: сушки, бублики, самовар.
Белый хлеб величают булкой.
И закладка здешнего смысла,
собственно, в культе солений: о, это дар!
а не просто грибная прогулка.

У местной публики правы под стать столичным:
тошнотворные ритмы мозолят ухо,
кое-кто балуется и стинками...
но, пойманные с полничным,
обнаруживают не бездну, а пронать духа,
хотя все измеряется ведрами, реже — менками.

Выезжая загород, опасайся собственных действий —
стайками в бенетгоновых свитерах
жмутся к обочине ветвью игривые дивы:
зазевавшись — ау! — трехколесное детство,
пронеслось, обогнав, и дорога в буграх...
Это все. Дальше нет перспективы.

НА СМЕРТЬ КАЛИГУЛЫ В ТЕАТРЕ

О.Меньшикову

*...и мысль влечет, ей свежесть придает
холодная Луна, что не с любовью —
впервые! — позолоченным бочком
на нас воззрелась, словно мы не боги,
и выверенный нами мир — не наш.*

Прощай, Калигула! Бесславный гений, ты
таким чужую славу прикарманил —
по праву ли? по праву ль своему? —
и, доскакав до роковой черты
в клубке отчасти достижимых манний
(недостижимых робкому уму), —

ты умер. Ты — хотел — Луну...
Но в этом мире, названном в издевку
подлунным, се интимный свет не чтут.
Не ставь холодам этого в вину:
они правы: почками лапать девку
вернее, чем разглядывать мечту.

Прощай, Калигула! Улыбчивый урод,
лунатик, выдумщик таких чудачеств,
что невозможно не принять за дар...
А головы казненных... Этот сброд
не замечал твоих отменных качеств,
а потому количественно сдал.

Прощай, мой друг, Калигула, прощай...

* * *

Теперь в своем городе ты приезжий.
С дощатого бруклинского побережья
замечасяшь по жизни сложные брешни.

Год пережит, пережит — не прожит.
Лицо в «Мерседесе» страдает рожей.
Тоску бытия оцущасяшь кожей.

Шамкая ртом, как карась на прилавке,
с «уолкменом» в ухе и в красных плавках,
старец мимо бежит по травке.

Что мне сказать тебе, Гринна? Гринна,
ни грохот сабвея, ни крыши Парижа
не делают лучше нас или, там, выше...

по глядя на блядетво ублюдочной коды,
хочется смыться с мыслью: надолго —
это как жажда от съеденной воблы.

Видимо, время и впрямь не в пору.
Но все-таки, заметь, мы способны дать фору
светящему всеми тремя светофору

и нажать на тормоз...

* * *

·I

Ни купить, ни продать:
печем, печего ероду —

ты свободен тогда,
когда даришь свободу.

Расстачай же дары
и усердствуй лукаво
до вневнатной поры
последнего права.

А воскреснуть? Взгляни
на толнящихся стаю —
много раньше они
свои жизни верстали.

Что осталось от них?
Пустота с немостою;
только то и родинит
тебя с областью тою.

II

Окаем облаков
спылым ветром подкрашен.
Вырвись прочь из оков
всех узорчатых башен!

И взлети, и рассвет
затуши, как огарок,
получая билет
в беспросветное даром!

Перенутай ветров
суматошных движенье,
провалиясь между строк
в бездну психосложенья! —

отступи, как вода,
не пренятствуя броду:
сброд свободен тогда,
когда ценит свободу.

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

Слухи о гибели сильно преувеличены:
мараю еще, так что — здравствуй,
ведь до сближенья личного
есть время выдохнуть: раз-два-

три! Голос как-то скрепляет узы:
ни обязательств тебе, ни сроков.
К тому же для нас никакого прока
в глухом прилете музы

(с пропущеной!) — заговорим не на этом могучем:
на непенцелном, немогном, ладном...
Вопрос о мирах: считать лучшим
какой? Я пока здесь, где не ад, но

и не рай. Друзья у меня все те же,
тебе кланяются, толстокожи,
шелесят по-прежнему, у невежи
леня подобье лица из рожки,

что, разумеется, тцетно. Редко
когда шиты, а так — шсаки;
и слог надрывен, уборист, крепок,
а получаснь не спирт, а саки...

О тебе, Пушкин, барышни все вздыхают:
— Вот бы нам — говорят — такого...
В общем, дуры: не ценят, хаят,
прибивают себе подковы,

стыдно молвить куда, на счастье.
А нава с тобой Ве-не-ра
стала, представь, лишь частью
неизменного адольтера!

С Божьей помощью все мы любим,
понароком — то так, то эдак.
Но воспеть этот гэк людям
не хватает поющих клеток.

Муза, брат, не в чести — порода
вырождается нава, ибо

на роду так, а, может, по роду
занятой: не видно нимба.

Но — увлекся. Прости. Скоро, братец,
познакомимся — вот забава!
Тут уж слух обо мне прокатится
на хвосте твоей дерзкой славы!

До встречи, музейный облик,
до встречи, газетный профиль,
до языка, до корней
слов и всего, до крови,
до ярости и до воплей,
до — невозможных затей!!!

ВЛАДИМИРУ НАБОКОВУ
Акростики

Владей, злодей — крик! — ритмом мира,
лавируй вирусом руни,
адептам-гномам (вздых!) — громилам
достанься с треском их витрин!
И вертикальным многоточьем
могу в созвучия вылететь
иноязычный, не язычный,
рифм тайных Рим, где и гостим,
у Бога клянча звуки, знаки —
на кой нам черт?! Иные сыны
Асимметричны: слез — всхлики! — накнишь
бок о бок с чучелом луны.
Оков последних строк в оправу,
коль правомочен, облеку,
отреставрировав облаву
весенней ночи, начеку
утроив замысел неточный...

* * *

Язык суть время. Точка. Три тире
(пекетати). В Гринич-Виллэдж, что в Нью-Йорке,
где были-шли-по-усам-текло,
живет поэт, при доме, при жене
(наоборот), зовется сумасбродский.
Ядреный шитерогородский

язык его, в самом Париже не
произносимый, ломкий, как стекло,
пронитанный от корки и до корки
если не «эр», то несомненно «ре».

А время есть дуна! (Знак восклицанья,
быть может, пужный...) И затем — судьба,
какую пожеласнь не врагу,
но другу, да и то в поднигье
и где-нибудь на Ленин-авеню.
Нет способа, чтоб подложить свинью
судьбе надежней, как помочь пантью
на черного вскочить коня... Могу
руками развести, воскликнуть «ба!»
и отрицать возможность отрицанья...

* * *

И. Бродскому

Слияние двух параллельных в прямую
есть понеки местности; глухонемую
решимость отвергая бесноворотно,
видишь себя на линии фронта,
словно, закатый двумя листами,
превращаешься в точку, напоминая местами
кого-то другого, жившего прежде —
это и есть тяга к надежде.
Пенные письма идут по году,
не делая при этом погоду,
так буря в стакане — урек
тем, кто нытается стать понерек,
а не вдоль; когда вдоволь деньжат в кармане,
на крик: держите вора! — уже поймали, —
отвечаснь спокойно, а если их нет —
бежишь, замстая стихами след.
Спасаться надежнее — говорю, что знаю —
по линии отрыва, где есть связная
или связной: пол не играет роли,
когда держава, дрожа от боли,
теряет контроль, и контрудар
нанести может даже воздушный шар.
В случае, если присничит, можно

пропеть арно в честь непреложной
истины: мысль не должна быть четкой,
и, как в оригинале, рискнуть четкой!
В тактике, как в математике, ход,
подказанный с точностью до наоборот,
часто приносит плод, но обольщаться не след:
пане равен нулю, когда линии нет;
гораздо важнее найти баланс
между битвой с противником и в преферанс
и, ощутив по масти, что ветер стих,
улизнуть, заметая следами стих.
Параллельные линии схожи в одном,
а потому сходятся, и при том
бывает, надолго... — просто они скользят
в противоположные стороны, чего нельзя
заметить глазу, но это факт:
так вызревает азарт атак,
так ватерлиния и ватерклозет
совпадают в некоей точке зет
при корабле координат нке-нгрек,
даря пассажирам право на выкрик,
ибо на линии горизонта
корабль отдаст концы, что резонно.

* * *

Воркующий Бродский,
бродяга с бородкой
из синего пластилина,
рифмующий кротко
(украдкой и кратко, броско)
край пиний с крахом ген. линий...

В там-ске тот-ский
порхает пенком,
скромн, не выставляет себя,
не показывает,
в набах снагетти по-флотски,
приправленные стинком,
с улыбкой заказывает.

Любит вино, но в меру, без меры
любит кот: «вы его снимайте!»
Снимают. Толнятся. Уродство,

как красота — бессмертно.
«В последний или пред-, на Мальте»...
Хоть и громоздко, но — О, это бродско!
И вот, опершись на поддельные справки
о том, что они — поэты,
вслед, вброд, в бред
неподдельные жители Кафки
и прилегающих княжеств,
согбенные, двинутся, ибо тяжесть
многократно «избранного» — это
тягчайшая тяжесть. Виредь,
в проседь и в сеть — звук: человек
заменяю на — кукарек!

Привет, кукареки! «Реки, реки» —
эхо холуйски колдует.
Насупливаются. Молчат.
Сказываются больными.
Отключают телефон.
Быют в ЦДЛ посуду.
Бросают семью, делают
вид, что тошно.
Богатеют, издаются за свой счет,
умудряются быть на виду,
болеть на виду,
любить на виду,
с виду — признан, обласкан...
Распыляется кляксой
наннический ропот: «опыт, опыт...»

Не кричи, перейди на шепот.

* * *

К. Б.

Лес, протонганый от корки
и до корки — тронки врозь.
Занечатанные створки
приоткрыть ли удалось?

Так скандально пламенеюц
издали двугорбый сад:

как на штке, скрыта помощь
силы — буеннок распад.

Напизать бы! Нет бечевки.
С шеи? Но рябины гроздь
примелькает взгляд нечеткий:
удалось — не удалось.

Роднок со дна, что льднок —
проморожен до костей.
Полноводье — поеднок
звонов, канельниц, страстей...

И трагичное в кавычки
ставит прилетевший гость.
Оглянувшись, непривычно
видеть счет: не удалось.

Неудачница-конейка,
где ты, русская грязца?!
Пятерней теперь сумей-ка
оглушить молодца!

Чистый звук украден ради
радости, и в ней одной
скрыты острые, как грани,
миги боли ледяной.

Жарких букв лучи-потоки
растопляет без затей —
твое имя в каждом вздохе
всей кириллицы моей!

В ТЕМНЫЙ ЧАС

Ты оставляешь следы, не пня по снегу.
Жизнь равносильна спущенному на тормоза разбегу.
Дистанция лет на ладони неопределенна.

Здрав голову, зрись, как раскрылки клена
зависли вопреки притяжению — словно влюбленным
предоставил раздолье двудольный Шагал...

Да, куда бинь я? Хлопает дойче обшлаг,
плагбаум слагает с себя по слогам
полночь у баума — клена того же,

распахивая снть глубины, что похоже
скорей на пырок, по морозца под кожей
ветром любых перемен не смести,

ежели даже бинюкль навести
на окрестности — тает в горячей горети
вовсе не снег, а журчащее слово,
слово из олова, арфе Эола
вторит и длит, так как бротоголово,
эхо Британни: Бриттен, ни в коем

не дающий команду: по коням! —
голова увита мелким левкоем.
— Да — куда бинь я — направлял — стобы,

чтоб не сказать — стоны? До Европы —
плонуть, рукой подать, по на пробы,
жаль, нету времени, и перо несохлось,

и чернила несякли, и бредит пошлость
за стеной, за какой бы то ни, пахнет охрой,
в хате, в сакле, в любой обители,

где так ли, сяк ли, по вас обидели,
спите ли, рот на замке ли, воните ли,
помните: я, не идя по снегу,

оставляю следы, со всего разбега
таранно тьмутараканною эту,
и быть может вполне, что с другого берега
следом за мною мальчишке-поэту.

ИЗ ТРЕХ КНИГ

Суровой Л.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

Год год рождения — 1946. Поэт, художник, журналист. Выставлялся с живописными работами в Государственной Третьяковской галерее в 1992—1993 гг. Основатель творческого объединения художников и поэтов "Пиковая дама". Автор книг стихов "Циклы", "Я сам себя превозмог", "Верлибры", "Райские заморочки".

Пророчество — известная морока,
Падучая измучит и мигрень,
И сразу превращаешься в пророка,
На каменную падая ступень.

Никто не знает тайной силы рока,
Но каждый знает: завтра будет день!
По заводу скользит моя пирага.
Скользящую отбрасывая тень.

Задумчивая, рядышком плыла
В неведомое тихая зарница,
Когда мечта — оранжевая птица,

Два огненных расправила крыла!
Чтоб улететь за жертвенною данью
Пророчества, — когда предел
за гранью.

* * *

О маяках еще когда-то
Забыли многие, и все же,
Мы видим частые огни
В местах возвышенных, у моря.

В местах возвышенных, у моря
Ни мертвый штиль, ни ураган

Никак не могут быть помехой
Огням, не меркнувшим в тумане.

* * *

За горизонтом крыш,
Где благостная тишь,
Холодная река
Уносит в облака
Костлявых рыб.

* * *

Цепями постоянных нужд
Всю Русь опутали нуды
И голосами вещей птиц
Всех призывают к покаянью.

Всех призывают к покаянью
Дрянного Кайна потомки,
Освободители Вараввы
И распинатели Христа.

НА АВТОРСКОМ ВЕЧЕРЕ У ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

В театре эстрады, не бога ради, —
Кому на зависть, — кому на радость,
Спотыкаясь на занятых,
Гангстер шестидесятых
Стихи орал, — иногда пашентывал,
И причитал,
И красный флаг вспоминал
Как врага и как друга,
Умершего якобы...
И плеч надолбы
Прискорбно вздымались над катафалком,
И было жалко...
А на самом дне
Алое полотнище
Свернувшись коконом, лежало...
Дрожало марсвом

Недавнее прошлое —
Ныне опошленное...
В театре эстрады
Ликованный пик!
Раздал награды
Пегаса ямщик.
Деревянные ящички
Стояли в ряд.
В каждом — шестидесятничек,
В каждом — бард.
Каждому квитанция о бессмертии навсегда
Выдана, как акция ЭМ-ЭМ-ЭМ.
А зал не охал,
А зал не ахал.
Не верил в бога, —
Как верить в мага?
В театре эстрады у Москва-реки
Евтушенко Евгений читал стихи.
О том, что его, как поэта, мучило,
О том, как сжигали его чувство,
О том, как во все времена года
кто-то о нем думать должен,
О том, что многие мрут от голода,
О красном флаге, уже негожем,
О Лондоне,
О Нероне,
О тройном одеколоне...
И еще без труда
Длинноцимми фразами удавки набрасывал
На пришедших туда
Горожанок праздных...
В театре эстрады
На сцене стоял человек.
Стоял обнаженный во всех грехах наших.
Стоял, как у плахи, молчанье храня,
Своих обвинителей ни в чем не виная...
Чьи-то занески дрожали в руке —
Казалось, — время прервало бег...
Всех мучил его ответ
Еще не произнесенный,
Не сказанный.
Ах, как резонно, что он, как Разин,
Но все забыли, что он — поэт!

Я сидел и думал: — Господи, пощади!
Ему самому жаловаться кому?
Деточка, все мы немного лошади,
По Маяковскому...
Когда закончился этот вечер,
Я видел, как засуетились фотографы,
Я видел, как уходила в вечность
Публика, унося автографы...
Мы были тезками,
И как бы мостик
Между нами возник...
За каждый шепот, —
За каждый крик,
Взойдя на сцену,
Мы знали цену...

* * *

Мне, видящему вас, ежечасно почти
Подчас кажется возможным
Уйти в глубины дворов...
В случае успеха, взгляну вверх
Убедиться чтоб — замкнутость определена:
Вижу квадрат или ромб...
И я, как Финнер, читаю афиши,
Но чтобы играть — ни, ни!
Иначе финиш, то есть, труба.
Иден, заключенные в коробка,
Они живучи, они кричат,
Они, как мученики, неизбежны...
Принадлежность обязывает.
Включу телевизор —
За длинными столами визири сидят.
Жонглируют фразами. О чем?
И сколько их вне экрана?
Поздно ли, рано — раны заживают.
Холмы осядут, и нет могил!
Хуже, когда зарывают заживо,
Иль палкой по пяткам — готов Ахилл!
Архивы живы, еще опшиут
И все издадут, как журналы мод.
Читайте правду! Для вас, служивые,
У стен кремлевских высветили уроков.

Шахматный ход не каждый поймет.
У неиграющего амбиций нет.
Партия разыгрывается который год...
Народу глазеть дано — еще надеяться.
Взволнованность украшает, якобы
Сбиваясь на ритмы и рифмы пенетово.
Что с того, что на острове Иф
В замке Монте-Кристо умер аббат?
Сокровища-то целы!
Если в камнях или в золоте —
Примкни к когорте правящих,
И счастлив вроде бы...
Быть мне ратником,
Да сил не хватает вот.
Детские дома, как маятники,
Раскачиваются в центре города моего.
Девочки, мальчики
Сжали пальчики
На трубках телефонных.
На улице почь —
Шепотом стоны: — Мама, ты?
Молчат мамы.
Дома, как мамонты, окружили —
Помочь некому детскому одиночеству.
Отче наш и твой сын во Христе,
Не простите... знаю, проманка...
Женщины, бросающих детей,
Я бы всех... из Калашникова...

Аве Мария, жрица!
Не отступиться бы, не отступиться!

В КРЕМЛЕ МОВСКОВСКОМ

Многострадальная земля —
Над ней, как смерч, поселись войны.
Но величавы и покойны
Соборы древнего Кремля.
С порталов каменных, с оконниц
Струится вечности река —
На нас глядят через века
Глаза скорбящих богородиц...

Они как будто говорят:
Младенец свят, свершилось чудо,
И будет предан он Иудой.
И не спасет его Пилат.
Его распнут. Венец терновый
Не будет снят до судных дней —
Не потому ли так суровы
Глаза скорбящих матерей.

* * *

Где по жарким ступеням
Рабыни ступала нога,
Я стоял в испуганье —
Предо мною века
Проступали на древней арене...

* * *

Звон коротких мечей
И восторженный крик
Коллизей сохраняет поныне.
Кто сильнее и ловчей,
Не ослаб и не спик,
Тот, еще расластавшись, не стынет.

Гладиаторов бой —
Не предвестник коррид.
Победитель не требует славы.
Он сегодня живой,
Завтра будет убит
Ради римлян жестокой забавы.

Не из праха восстал
Власть имуций урод.
Он патрицию вышел на смену.
Гладиатором стал
Нынче каждый народ —
Шар земной превратился в арену!

Никакому уму
Не осмыслить всех бед!
Так зачем их творим мы? Спросите!

Иль ценою всему
Горсть ничтожных монет,
За которые предан Спаситель!

Чтобы каждый наш шаг,
Чтобы каждый наш миг.
Не погиб на вселенской орбите,
Он на всех площадях
Монументы воздвиг
И на них начертал: «Возлюбите!».

* * *

Я не люблю парадных шествий.
В них затаенный есть порок.
Вам за спиной сторонник мести
Судьбу пророчит между строк.

Когда в лицо мне странно рады
И говорят: «Ты наш, ты во!»
Я оглянусь — стучат лопаты,
Хоронят брата моего.

Торчат исколотые руки,
И лица палиты свинцом.
Не иглы, с морфием базукки
В упор направлены в юнцов.

Дурмана макового горетка —
И вся вселенная сиза.
Я вижу девочки-подростка
Потусторонние глаза.

Меня тошнит блаженных пенье.
Мне дик их праведный устой.
Неравный бой — мое спасенье,
И я приемлю этот бой!

* * *

Литературные премьеры —
Раздумье, бормотанье, бред,
В старинном доме кабинет,

С отвесной складкою портьеры.
Часы напольные быют полночь.
Ложитесь рукою на стол,
И омерзительная сволочь
Хвостом постукивает в пол.
Скребют за стенкою коньгца.
У шкафа выросли рога.
И не замедлило явиться:
— Я ваш покорнейший слуга.
Мелькнула огненная мета.
Потом послышалось: — Горим!
Еще — убит из шестолета...
Поэт не музами храним...
В последней, может быть, отваге,
Так неестественно легко,
Перо стрекочет по бумаге,
И до рассвета далеко...

* * *

Мне снился сон. Троной неверной
Я шел. Ударила гроза.
Вдруг первой женщины нецерной
Мелькнули темные глаза.
Она неслась, в удачу веря.
И вот, с разбега и в упор,
В лесного сумрачного зверя
Метнула каменный топор.
И я познал свое начало,
Когда, танцуя у костра,
Она ликующе рычала —
Моя далекая сестра.
Судьбы неведомы капризы,
Но я-то знал: в такой-то год,
С нею паншнут Мопу Лизу
И возведут на эшафот.

* * *

Я брал в людской бурлящей чаше,
Когда над городом возник
Прекрасной женщины скорбящий,
Печально удлинненный лик.

Мелькали шляпы и беретки,
Визжали автотормоза,
Несли щегла куда-то в клетке,
Бульдозка пучила глаза.

В столовых ели, в барах пили,
Плескался рыночный прибой,
И все друг друга торошили,
Не видя чуда пред собой.

Я наблюдал явление это —
Мне становилось все ясней,
Что было все — игрою света,
Воображенья и теней.

Не могут все лишиться слуха,
Ослепнуть или сойти с ума.
Но почему воп та старуха
Стоит торжественно пряма?

* * *

Читая каменные плиты,
Я у колонны видел тень.
Быть может, древние друнды
Мой предугадывали день.
Пусть повелитель не осудит,
Мы лишь провидцы. Голос тих,
В дворцах подземных ходят люди,
Железный змий развозит их.
И свет невиданный струится,
И блещет мраморная гладь,
И на мужских и женских лицах
Мы видим Каина печать.
И слышна то, скорбя притворно,
Монах готовил месть тайком.
Молчал король, а шут придворный
Вертел дурацким кознаком.
А я, задумавшись о давнем,
Еще раз истину постиг:
Узор затейливый на камне
Лишь мне доступен в этот миг.

* * *

До касс не пробиться в давке —
Букмекерам ставим ставки.
Вонит шнодром в припадке —
Рванулись вперед лошадки.
Над ними хлысты нависли —
Нельзя, чтобы в галоп из рыси.
Кричит, наклонившись, что-то
Наездник в камзоле желтом.
И кажется невозмутимым
Наездник в камзоле ешем.
Когда на пределе нервы,
И каждый быть хочет первым,
Когда не вступают в сговор,
Когда все решает скорость,
Я ставлю не на людей,
Я ставлю на лошадей.
Я с ними бегу по кругу
Навстречу врагу и — другу.

* * *

Когда один вершин достиг,
Когда другой давно во славе,
А третий, в самый пужный миг,
Решать ренающее вправе,
Где отдаленные места,
И там, где светится столица,
Бледней тетрадного листа
У подлецов бывают лица.

* * *

Мы уходим до срока —
Приходящие в срок.
За высокой осокой
Затерялся исток.
Как любовью дочерней,
Тайной облачены,
Ульвуют по течению
Голубые челны.

* * *

Когда злая — презлая фея
Ровно в полночь ко мне придет,
Я ее превращу в камешку —
Под старинный повешу кнут.

И она, заключенная в камень,
На ближайшую тысячу лет,
Не прошенчет во след заклятье
И клячкой не поманет вслед.

Всякой шутке свое есть место.
Эту тоже свой ждет удел.
Только мне одному известно —
Что случится, когда и где.

На забытом, пустом городище,
У развалин, в глухой стене
Археолог камешку отыщет
И подарит своей жене.

Радость будет недолго длиться:
Срок истек, что когда-то дан.
Как-то выскользнет с рук вещица
И закатится под диван.

И когда, все углы обшарив,
О потере забудут той,
Пронлывет на воздушном шарике
Фея в улице теневой.

* * *

Вдоль дорог прорастает истина.
Что с того?

* * *

Каменные идолы острова Пасхи
С бесконечной надеждой смотрят в небо.
Никто не реннит их секуальных проблем.

* * *

Инструкции, написанные свыше,
Имеют силу даже в наши дни.
Когда с обрыва
Сбегают ручейки весенних вод,
Потоки мутные уходят в землю,
А каторжане сбрасывают цепи,
Чтоб провести остатки дней своих среди полей,
Где снова солнце слепит.
Но мы-то вольные — к чему такой простор?!
Как «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»
Соединились мы
И смотрим в щели
На новый мир.
Среди ущелий, торосов атомных,
Увидеть перспективу не каждому дано.
Там голые тела прекрасных юношей
Устлали улицы пустынных городов.
Там девочка, сторонница стрингиза,
Насилует себя.
Она уже в раю.
Откуда знать ей то:
Когда безветрие
И паруса не рвутся,
Блажен, кто верует, —
Блаженные спасутся!
А те, кто нет, — их цифра не проста.
Их девяносто девять плюс миллион
Из миллиона ста!
Они — проводники.
Законом Ома давно обречены.
Да здравствует закон!
Законы открывают люди.

* * *

Смеющиеся женщины несчастны.
Скрыть одиночество лишь смехом им дано.
Так сколько их, рассеянных мужчин,
В чьи уши смех стучит бесперестанно?
Да, эгоизм — рассеянности брат.

Что делать нам?
Кликушеству завидуют пророки.
Кликушество сбывается быстрее.
Вернулся сын к отцовскому порогу.
Пророк не возвращает сыновей.
Уйдем и мы.
Цыганский табор встретя,
Костры ответные разложим на снегу,
Чтоб должное воздать свободе.
Пусть скрипки не поют,
Гитары не звенят.
Судьбу свою узнать
Никто не может.
Чтоб до конца,
До самого предела.
А что за ним?
Рассвет иль ночь?
Иль вновь на перенутье вас встретит дочь?
А блудная жена ушла с другим
По скользким тротуарам.
Звонят колокола
Разманисто и густо.
И нет над вами зла,
И пусто.
Так думал я, идя к колодцу,
Чтоб чистой зачерпнуть воды.
Неведомые дали открыты не были.
На дне я видел каждую морщину.
Мне было много лет,
Но рыночные толпы еще я помнил.
В нарядах праздничных они текли
На праздник совершенства.
Где продается все,
Где все имеет цену.
Туда понасть я никогда не мог.
Я был несовершенен в убожестве своем.
Что ж, каждому свое.

*Поэтесса, художница,
скульптор.
Живописные работы
находятся в областных
галереях, в
Государственной
Третьяковской галерее,
в частных коллекциях в
России и за рубежом.*

ЗВОН — УПАВШИЙ В ТИШИНУ

* * *

*Я свирел в свою свирель,
выполняя мира рок.*

В. Хлебников

Бегу, лечу!.. Кузнечик скачет,
И солнце обнажает дачи.
А свист у рек, мальчишек тени
Уводят день в иные сени.

Глагол времен — морочит, кажет
И обрезает поля рясы.
И странный хохот обращен
В историю иных времен...

Иных сказаний, судеб, лиц,
И падает козленок щц:
Он жертва за грехи орехов,
Что не расколоты — потехой.

А для игры и пляски бубен —
Свой цвет настиг, он рыже-бубен —
И бородавкой сел на мель.
Его судьба — стиха удел.

Раскренощенье — ризой плачет
И обнажает стрелы скачки!..
Погоня мысли и желаний...
Уход от плача и молчанья.

И падает в пылу седок! —
И обнажает души торг.

Тот ставил, ставил — проиграл!
А тот вошел, как принц на бал,

Случайно обернул лицо —
Удачи планц лег на плечо.

* * *

Отлетела! Отлетела!..
Удивляясь сути тела.
Поплыла простором риска —
Вспомнив детство, вкус приеки,
Многоцветный гул жуков
И слетенье трав и снов,

Без значения прямого,
А разбегом — гор и дола!..
Праздник звона... воцарился!
Кто-то силе удивился,
Кто-то принялся плясать!
Петь!.. И в чехарду играть!

Блеск веселья над толпой!..
Смех бежит, бежит разбой! —
Чувств забытых, ветром смытых,
И проросших вновь — травой!

* * *

Вошла в другого человека,
Как в город новый...
Незнаком:
И выражение лица,
И мыслей строй,
И чувства входы.
Как космоса лучи —
Лечу...
Забыв насменливости погоды.

* * *

Возвращаю, отнимаю...
И норывисто — срываю!
Понимая цвет в себе.
Неизбывность на луне.

Обретая светодни,
Обручаясь — синим, синим!..
Что дельфин чутьем познал,
Иероглифом хвоста
Начертал.

ВЕЧЕР

Лампы мягкий свет вечерний
Навевает рифм звучанье.
Отголосками панева
Присутствуюсь молчанье.

Сон вошел пятном несая
И в ладони взял предметы.
Он сильнее в своей власти
Предвкушенный и обета.

Мягкий свет усталой лампы
Погасил остатки дум.
Краски дня ушли в безмолвье.
Окупулась в цвет... унула.

* * *

Разноцветной елкой расцвечена!
Хотите, сною цвет снегирей?
Светом умою свечи?..
Умчу! Умчу! — В причал доброты...
Возьмите, возьмите фонарик!
Не ушибите резвые лбы —
Ветви дорогу качают...

* * *

Взбежала —
На ступеньку пьедестала!..
Сквозь сеть усилий сбрасывая пути!
Взбежала — вдруг!
Победа как пенуг.

* * *

Весело, наполнено!
Без любви — влюбленная!
Без надежды — верую
И в пылинку серую!..

ДЕТСТВО

*Посвящается моей маме —
Литюшке Васильевне*

Я детство вспомнила...
Канавы, позабудки, ланта!..
Огонь разгоряченных щек!
И вечер...

Мотыльки порхают над крапивой.
Неясное волнение —
Притихла на крыльце.
Свет лампочки, варенье к чаю...

Все прочно и надолго.
Заботы мамы... нет без нее меня.
И в свидениях я сказку ожидаю...
И думаю — а завтра снова утро!

На речку с полотенцами — гурьбой!
Знакомый камень, стайки пескарей,
Вода прохладная, а вечером — парная!
Как много счастья!.. Кренко засынаю.

* * *

Твоя картина — «Звон тюльпанов»,
Легка по ритму, так неприхотлива.
Но нежной тишины полна,
И в простоте — необъяснима.

МНЕ КАЖЕТСЯ
(романс)

На музыку М.Алатырцевой

Мне кажется,
Что ты меня не ждешь.
И ветер пляшет по аллее!
И тень безмолвия
Разлуку не согреет,
И в одиночества колодец
Соскользнешь.

Мне грустно, что меня —
Ты вновь не ждешь.
Что не присутствую
Я в мыслях твоих рядом.
А если в памяти
Я иногда присяду,
То не надолго —
Взглядом ты снугнешь.

Мне странно,
Что порвалась нить,
Не целенаю я воображенье,
Но чей-то голос ласкою души
Мне шлет свое благословенье.

* * *

Какая тишина...
Раздумья плавают,
Как солнца блики.
Истома в теле разлита.
Мороз и снег, а ты полна
Трав летних перезвона...

СИНИЦА

Камнем — упала!
Тенью — взметнулась!..
Суеверием осенила.
Раскрыла глаза шире.

Ожидания воздух полон,
В зыбком тревожном мире.

* * *

Мне слово стало мукой... болью.
Устала петь. Раскниусь полем...

* * *

Пусто. Спокойно. Лодка — на мель.
Не сдвинешь. Незачем. Иди и свисти!..
В стулья забыто вросли тела —
Афишей оборванной. Наледь. Пастил.
С подмостка уверенность — румяна, слена.
Накурено!.. Брошено. Рты. Глаза.
Щели, дыры, сквозняк духоты.

Потянуться бы! И проснуться бы!..
Зевотой безудержной — в твердь, сны.
Гармонкой! Гармонкой — разорвать стень.
Разорвать! Выбросить! — Заалеть травой!..
Пескошепной луговой...

* * *

*Памяти художника —
живописца и графика
Ф.В.Семенова-Амурского*

Взглянула — сквозь судьбу другого,
На мир...
Иного цвета дни, нщые и предметы.
Как звон — упавший в тишину.
Как снегопад — в разгаре лета.

* * *

Мэрише Цветаевой

Цветаевой цвет — контрастен и чист.
Цветаевой цвет — пронзительный свист!

Страстью строки — век прорезает!..
Цветасвой цвет — снег излучает!..

* * *

Аристарху Ленину

Вырвал из тюрьмы привычек!
Цвет увлек так необычно!..
Темперамент — силы мага!
И расплавленная магма

Цвета яркою свободой —
Обрела ту невесомость,
Что колдует и влечет —
Вдохновенье в хоровод —

Ослепительных созвучий!..
И становись могучим
И всеильным!.. Ты — творец.
Ты обрел... сиянье цвета —
Бесконечного венца!..

* * *

Засверкали искры
Сорванных мгновений!..
Каждый шаг в обычное
Равен приключению!

* * *

Сумерки мягкой рукой очертаешь предмета стирают.
Небо синей и синей!.. Тихо луна рдеет.
Запах лета томят, неясное тонко волнуется...
Одиночества пенют невнятно, тоску зажигает — живу!..

ХЛЕБ

Зыбкое внимание — потребностью хлеба.
Легче дыхание — пахса всепрощения.
Ручеек, ручеек! — Плавит сугроб.

* * *

Люди — маленькое солнца!..
Луч любви — сквозь них прорвется! —
И засветят, и засветят —
Простодушно, словно дети!..

* * *

Мне с тобой —
Горячо, беспокойно! —
Пульс земли —
И безумие звезд!..
Я с тобой в небеса...
В пренеподно!
Утро —
Звонница белых роз.

ПРОСТИ

Разве знаю себя?.. Разве ведаю...
Тронь — и слезы непрошено рядом.
Ах, какая бездонность алая!..
Ах, тревога, тревога в крови!

И дуна беззащитна, трепетна,
Выше волн — живая любовь!..
Горе муку свою забыло —
Был бы только другой здоров.

Нет, не знаем мы сил, что непосланы
Нам на землю вне дней и закона.
Мы живем от себя закованы,
Но рождаемся снова и снова.

Не забудь же — окрест живое!..
Милосердие сердце постигло.
Искушение — светом в груди.
Я не злая, я жизни открытая!..
И смиренно тебе... прости.

* * *

Как странно пусто.
Я в пути —
Хотя обычна обстановка.
Но трещина —
Сквозит в груди...
И беспокоит — крик из тьмы! —
В молчаньи дней —
Сухих бесслезных.
И как в пути — все мимо, мимо,
Ни дум, ни слов —
Одно мельканье!
Одно сплошное расставанье...
Со всем, чем раньше —
Тесно жил.

* * *

Тягостной зевотой — день ненастно-хмурый.
И лениво бродят у пристройки куры.
А на крыше капли — канать или не канать?..
От тоски беззвучной даже не заплакать.

* * *

Чингизу Айтматову

Распятие...
Я — на ветру!
Отчаянья поток уносит! —
И островка спасенья просит.
Мольба...
Пред плахою стою.
Айтматов,
Ван роман — наш лик.
Он в волея раскрепощенный крик!
Он — потрясение души!..
В огне — кольца.
В петле — судьбы!
Живое — тупость тончет, тончет!
Не смыть, не смыть ее грехи.

Позор Голгоф —
Как крест нести.

ФАНАТИК СВЕТА

Поединок — с мертвой злобой
И с бездонной пустотой!
Сколько душ в святом порыве —
Мрак жестокий поглотил.

Но опять, как вихрь взлетает! —
С верой в светлое — седок!
Воля и жelaцe слились
В сокрушающий поток!

И его не остановит
Ни заслон, ни дальний срок!
Он фанатик вечной веры!
И алтарь его — высок!..

* * *

Олесе Маноловой

Мадонна ты — с тремя детьми.
Благоухает садом тело...
А дети — света огоньки!..
И столько цвета в нежно-белом.

* * *

Вернула истину.
С ней просто, как в саду.
И радость чистая,
Без суеты и дыма.
И человек не в силах —
Не заметить —
Благословенную земную
Красоту...

Моему брату — Юре

Брат играет на рояле —
Партню свою!..
А мы с мамой затаились —
Слушаем мечту!..

То девятым валом мчится!
То скользит в обрыв...
То стаккато — дробью звука! —
А вблизи разлив...
Брат играет и играет! —
Сон и явь во мне...
Звук плещется и гаснет
В мягкой полутьме.

ОТЕЦ

Гордость за тебя и теплота к тебе.
Ты был таким сильным и слабым.
Таким — человечным...
Я полна нежности к тебе, нана.

Ты раскрылся в болезни и смерти —
Тихим мужеством, большою душой.
Я очень люблю тебя!

Детство... Твои ладони были теплом
Всего мира для моих озябших пальцев.
И ты всегда был — теплом, жизнью...

Твои саногги приносили простор
В нашу комнату!..
Ты все ставил на свое место —
И в дни жизни... и в день смерти.

Ты был земным, ты был человекен.
Твоя слабость — мне дороже правды.

* * *

Какого... цвета... дни... печали...
Как колокол слова звучали —
Над явью и над сном моим...
Над т и ш и н о й ... необратимой.

* * *

Упала в черную дыру.
И обреченно стынет время.
Шаги пустым пространством —
Так глухи.
Жестокость — модуль измеренья.
Терпенье — полонет дни.

СОН

*Сон — это тоже вещьца.
А.Ахматова*

Сон как Мальчик с Ноготок,
Сон как лютик-лепесток,
Сон как шутка и волна,
Я сегодня — сном жила!..

От земли я поднималась,
Как стояла, не касаясь.
И по комнате плыла —
Уносимем светла...

А потом — взметнулась ввысь!
Выше дома, выше крыши,
Выше облака — в простор!!!
Высь звенела — синью взора!..

Высь — затягивала ввысь!
Вне весомости, вне тела,
Я летела... Я летела!

Сжалось сердце, поняла —
Выше чуть — и я... звезда.
Не вернусь на землю я.
И спускаться тихо стала.

СОН

Улыбки на стебельках... цветами!
Улыбок... поле...

* * *

Вернешся?.. Буду ждать и верить,
И неслететь цветами встречи...
Кто знает, может быть, той речи
Забыли солнечный язык?

Кто знает, может быть, остыло
У рук желание ответить,
И мы одни на белом свете?..
То знает случай — проводник.

СОН

Сергею Петрику

Листки абстрактных линий, пятен.
И говорит: «Я выставку свою начну
Нежданно, с глаз... Один глаза — заселят...»

* * *

Рассталась —
А бедней не стала.
Нашла себя,
Которую сменяла
На трепет чувств,
Заботу — о других.
Но ветер стих.
Какая гладь
Н А Ч А Л А...

СТИХИЯ

Разгул страстей!.. Безумие метели!
И вихри севера на шабаны прилетели...
И затерялся в вое и разбое!
И нет опоры — тверди под ногою.

И ты не правнншь логнкюй постунка.
И свято все. И свято — и преступно!..

* * *

Мне мысли шенчет ветер злой!
Гоню, но внове он со мною.
Удвлзена, встревожена —
Откуда?! От прохожего?..

Но что же тот в себе таит?
Куда влечет его магнит?..
Откуда и куда?!
Не магия ли зла?!!

Но шенчет бес уменкой скверной,
И не впервой ему, наверно,
Из старншы прижаться к нам.
И волей злою лить обман.
И снова жаром мысль гоню!
Но где-то служат болью зло.
И верой в воплощения —
Грозящие потерей.

И протираю веки сна —
Где у лукавого — звезда?..

* * *

Ленестки, пль света шорох,
Слово ветке подарилн.
Шаловливо окатилн
Легкою волною чувств!

Одеваюсь н спешу,
И чего-то сердцем жду.
Кисти чутко встрепенулнсь! —
Ожидая обновленья.

Дразнит мысль — воображенье!
И судьба до слез полна —
Безлнзною полотна.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Глава из поэмы

Эпическая поэма Торквато Тассо (1544-1595) «Освобожденный Иерусалим» была написана в эпоху контрреформации. Ее появление совпало со знаменитой битвой при Лепанто в 1571 году, когда объединенная армада европейских государств нанесла поражение флоту Османской империи.

Производящая поэму Тассо идея единства христиан перед растущей угрозой со стороны исламского Востока нашла отклик у современников поэта не только в раздираемой междоусобными распрями Италии. Известно, что почитательницей поэтического дара Тассо была английская королева Елизавета I, занимавшаяся переводами торкватовых октав. Творчество Тассо оставило заметный след в западноевропейской литературе XVII-XVIII вв. Легендарный образ поэта запечатлен в произведениях Монтеня, Гете, Байрона, Листа.

Первое издание «Освобожденного Иерусалима» в России в переводе с французского, выполненное прозой М. Поповым, вышло в 1772 году, а через пять лет появилось его повторное издание. Из русских поэтов, обратившихся к Тассо, первым был К. Батюшков, который перевел не-

сколько отрывков из поэмы, предпослав им свое одухотворенное послание «К Тассу».

В течение всего XIX века по счастливому выражению Пушкина «напев Торкватовых октав» будоражил читающую публику России. Героический нафос поэмы Тассо был конгенитален всплеску патриотических настроений российского общества после победоносного завершения Отечественной войны 1812 года. Поэтические издания «Иерусалима» выходят в 1818 году (перевод А.Ш.), в 1819 году (перевод С.Москотильщикова). А 1828 году одновременно выходят два издания поэмы в переводах А.Мерзлякова и С.Раича. Но как и у Батюшкова, оба перевода выполнены в ритмической схеме, отличной от оригинала, написанного октавами с рифмовкой абабабсс.

В 1900 году появляется первый перевод поэмы размером подлинника, выполненный Д.Мином. Лет через десять вышли в свет переводы В.Лихачева и О.Головнина.

В 1995 году по случаю 400-летия со дня смерти поэта вышло новое издание его пасторальной драмы «Амита», а Московское общество «Данте Алигьери» совместно с муниципалитетом города Феррара подготовило выставку раритетных изданий Тассо. Предлагаемая публикация является откликом на это событие в преддверии 3000-летия Иерусалима.

Александр Махов

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Оружье воспою на поле брани,
Бойца, что гроб Господен возвратил.
Как ни велик был был во вражьем стане,
Неверных славный воин сокрушил.
Напрасно прочил гибель Ад заране
И тщетно злобой Азино крошил.
Но рыцарь, верный Богу и присяге,
Собрал войска под боевые стяги.

2

О Муза! Гордо лавр отвергнув брешный,
Стремнись ты к звездам с Геликона взор.
Сняет над тобой венец петленный,
И радуется твой слух небесный хор.
Зажги в моей груди огонь священный,
Чтоб песнь не вызывала твой укор
За то, что вымыслом я увлекаюсь
И вдохновенно одному вверяюсь.

3

Вдыхая обольстительный дурман,
К Парнасу пренепопленный доверья
Наш мир готов принять любой обман,
Живя во власти чар и наважденья.
И мы, когда у сына есть изъян,
Во имя скорого выздоровленья
Стараемся шлюбно подластить,
Чтоб хворого ребенка излечить.

4

К твоей, Альфонс¹, зываю благостыне.
Как часто ты спасал от доли злой,
Не дав погибнуть мне в морской пучине,
Когда меж рифов плыл челн утлый мой.
Так знай, что сей нелегкий труд отныне
Тебе вверяю сердцем и душой.
Быть может, венец перо стихами
Опишет то, что будет жить веками.

5

Навряд ли обретет себе покой
Христианский мир, пока сплоченный,
На супостата не пойдет войной,
Чтоб отомстить за храм им оскверненный.
Сбирай же рать, веди на славный бой
Дорогой, кровью предков обагренной.
Пусть дух Готфреда² над тобой витает,
И слушай песнь, что к подвигу зывает.

6

Уж пятой годовщины минул срок,
Как с тяжкими боями продвигались
Бойцы Христовы дале на Восток.
Немало крепостей с Никсеей сдались;
Ангпнохно случай взять помог —
Настолько персы яростно сражались.
В Тортозе всех застала непогода,
Где ждать решили будущего года.

7

Зимы дождливой близился конец,
Сковавшей войска боевое рвенье,
Когда с престола вечного Творец
Окинул взором все Свои владенья.
Нетленным светом озарил венец
Тьму пренеподней, ярких звезд движенье.
Обвел Всевышний оком небосвод
И всяк живущий на земле народ.

8

Все на земле Его предстало взору:
Уньные христиан и их князей;
Вон Палестина, склонная к раздору.
Узрев порывы мщенья у людей
За град святой, подвергнутой позору,
Он отличил Готфреда среди вождей,
Презревшего семью, почет, богатство
Во имя светлых идеалов братства.

9

Узрел, как честолюбец Балдуин
К величню земному страсть питает,

Как среди других младой Танкред один,
Взаимности не зная, воздыхает.
Антиохийский новый властелин
Законами престол свой утверждает:
Строг Боомонд, блюдя святу ю веру,
За послушанье наказуя в меру.

10

В делах мирских погрязнув с головой,
Сей муж не о сраженьях помышляет.
А вот Ринальдо, воин молодой,
Мир вынужденный сердцем отвергает.
Не власти жаждет, не богатств герой —
О ратной славе и боях мечтает,
Покуда Гвельф, ближайший из родных
Ведет рассказ о подвигах былых.

11

Пока Господь таким речам внимает,
Читая тайный смысл души людской,
К себе Он Гавриила призывает,
Который среди архангелов второй
И долг нелегкий справно исполняет
Посредника меж небом и землей,
Вещаю миру о Господней воле,
А Господу о тяжелой смертной доле.

12

«Лети к Готфреду!» — так сказал Всевышний. —
И от Меня спроси — доколе ждать?
У нас к Ерусалиму долг давнишний,
И надобно его сполна отдать.
Пусть он поднимет дух князей пошквинный,
И те должны вождем его избрать.
Коль скоро в небе он отмечен Мною,
Пусть в ратном деле правит их судьбою!»

13

Послушный Гавриил приказу внял,
И чтоб скорей управиться с делами,
Он видимость незримому придал
И, наделив себя же телесами,
Обличьем тотчас человеком стал —

Лишь огонь священный излучал очами.
В нем нежность отрока и пыл юнца,
Да в кудрях золотых овал лица.

14

Взмахнувши белоснежными крылами,
Конх концы, как золото, горят,
Он из чертога взмыл над облаками,
Без усталости с ветрами спорить рад.
Паря над сушею и над морями,
Посланец Божий устремляет взгляд
На земли пробужденного Ливана
И цепи гор сквозь челну тумана.

15

Под ним Торгозы пенный прибой,
Откуда начинает ход светило.
Хоть диск еще сокрыт морской волной,
Но солнце величаво восходило.
Готфред молился с первою зарей,
Как вдруг его сиянье ослепило —
Пред рыцарем без страха и упрека
Крылатый ангел, словно Феб с Востока.

16

И молвил он: — «Довольно промедленья!
Пора, Готфред, переходить к делам.
Ерусалим заждался избавленья.
Доколе же терзать его врагам?
Воспламенись огнем святого мщенья
И передай свой пыл другим князьям!
Отныне ты над ними предводитель.
Так повелел тебе и им Спаситель.

17

Он сам меня гонцом к тебе послал,
Чтоб объявить Господние повеленье.
Но как бы ты победы не желал,
Нелегким будет к славе восхождение».
Сказав, глашатыи Божий вмиг пропал,
Повергнув душу рыцаря в смятенье.
Готфред сияньем дивным ослеплен —
Забилось сердце, дух его пленен.

†8

Но овладев собою, он размышляет
О Господе и сказанном послем,
И страсть великая в нем закипает:
Кроме боев, не мыслит ни о чем.
Нет, не гордыня дух его пленяет,
Хоть радость нестерпимо жжет огнем.
И чудится ему, как реет знамя,
А искра Божья раздувает пламя.

19

Готфред соратников своих сзывает,
Живущих праздностью пустой в глуши,
И нисьма им с гонцами направляет,
Считая, что все средства хороши,
Когда отвагу ленность притуляет
И дремлет рыцарский порыв души.
К князьям он обратился по уставу
И заслужил признание их по праву.

20

Съезжаются к нему князья с друзьями.
Призыву Боэмунд один не вял.
Равнина сплошь усеяна патрами —
Не всяк в Тортозе тесной кров сыскал.
В день памятный, назначенный вождем,
Готфред совет соратников созвал.
Сгорая страстью, полный нетерпенья
Речь начинает он без промедленья:

21

— «Вернителн возмездия святого,
Не я — Господь созвал вас на совет.
Не раз от бед спасало Божье слово,
Когда немил был нам весь белый свет.
И все ж на суше и на море снова
В боях нам равных не было и нет.
Святого мщенья жажда правит нами —
Пора заняться ратными делами!

22

Не ради вящей славы и наград,
Оставив близких и края родные,

Мы повели в далекий путь отряд
Наперекор судьбе, морской стихии,
Чтоб одолели множество преград,
Прийти на земли дикие, чужие.
За удачу мы жестоко заплатили
И много крови на полях пролили.

23

Но нами высшая владела цель:
Отвоевать Сион с его стенами,
Изгнать неверных со святых земель,
Под игом рабства стонущих веками,
Чтоб в Палестине, страждущей досель,
Все в царстве мира стали бы друзьями,
А всякий странник мог приют найти
И пред святыней душу отвести.

24

Начав поход, мы многим рисковали
И к цели шли нелегкою стезей.
Но славы б мы Европе не стяжали,
Когда б, забыв про долг священный свой,
На перепутье в ожиданье стали,
Снялив просторы Азии войной.
Ужель удел наш — сеять смерть, страданья,
И неспособны мы на созиданье?

25

Недолгий царству уготован срок,
Коль правит им мирское вождество,
Да и от войск наемных малый прок,
И велико неверных окруженье.
Грек хитрый рядом — Запад же далек.
Вмиг рухнет — всей империи строенье,
И в адекой ломке, дикой круговерти
Никто не избежит жестокой смерти.

26

Антиохийцы сдались — много ль славы,
Хоть турки с персами разбиты врах?
Не наш, а неба подвиг сей удалый —
Одним бы нам недобровать в боях.
Но если мы забудем долг свой правый

И одолеют нас сомненья, страх,
То вскоре станем в наших же столицах
Посмешищем и притчей во языцех.

27

Господь нас милостью не оставляет.
Беда, коль нас минует благодать!
Цель высшая нас властно побуждает
Святой почин победою венчать.
Вот уж весна в свои права вступает.
Почто же медлим, не скликаем рать,
Чтоб положить скорей конец безделью
И овладеть заветной цитаделью?

28

Жду, государи, вашего суда.
Я все вам высказал, что наболело.
Пусть знает мир, грядущие года,
Что время испытанья подошло.
Не одержать победу никогда,
Коль на врага не станем грудью смело.
Промедлив далек, сгнем, как в трясине —
Снежит Египет в помощь Палестине».

29

Сказал и сел, а среди князей волнение.
Тогда Пустынный старый слово взял.
Петра за ум ценили в ополчение —
Князей к походу первым он призвал.
— «Готфред развеял все мои сомненья.
Его устами мудрый глаз венчал.
Не время, други, предаваться спорам
И распалять себя пустым укором.

30

Но если память мне не изменяет,
Причина вечных неурядиц, бед —
В раздорах, кои нас разъединяют.
Так нам вовек не видывать побед,
Коль души зависть черная питает,
Да и согласия меж нами нет.
Отбросим прочь обиды и сомненья!
Пора иметь единое сужденье.

31

Как гибнет челн, захлестнутый волнами,
Без кормчего доверившись ветрам,
Так войско с несогласными бойцами
Не в силах противостоять врагам.
Огнь пусть главенствует над нами
И правый суд вершит по всем статьям
Тот, кто достоин быть вождем по праву.
Ему мы жезл вручаем и державу!»

32

Умокнул мудрый старец. О Творец,
Ты знаешь мысли наши и влечения.
Склони князей к согласью, наконец,
И одари их трезвостью сужденья,
Дабы ушли из рыцарских сердец
Бахвальство, снесь и властью уноенье!
Гильом и Гвельф, поднявшись дружно с мест,
Снежат к Готфреду и целуют крест.

33

И вскоре многие сошлись во мненье,
Что должно власть держать в одних руках.
Тогда единство будет в ополченье,
Да и удача большая в боях.
А земли решено отдать в правленье
Князьям, что знают толк в мирских делах.
О достиженье доброго согласия
Весть разнеслась повсюду в одночасье.

34

Выходит предводитель из шатра —
Он по всему избрания достоин.
Обходит строй, заждавшийся с утра;
Улыбка на устах, и взгляд спокоен.
Его встречает громкое «ура!».
Отвечает солдатам кратко воин
И отдает по всем войскам приказ:
Назавтра выйти в поле в ранний час.

35

И лагерь ожил с первыми лучами,
Едва Восток окрасила заря.

Кольшет стяги ветр над головами.
Все ждуть приказа, рвешем горя.
Войска на поле стройными рядами —
День новый начался с хлопот не зря.
И полегчало на душе Готфреда.
Теперь он верит, что близка победа.

36

О память наша, годам вопреки
Ревниво прошлое оберегаешь
И все, чего не помнят старики,
Ты из глубин наружу извлекаешь.
Напомни имена вождей, полки,
Коль скоро шкого не забываешь.
Пусть отзвуки былых побед в стихах
Прославят доблесть воинов в веках!

37

Посланцы Иль-де-Франса открывают
Военный смотр. Богата их земля;
Ее, как остров, реки омывают.
Строй франков Гуго вел — брат короля.
Со смертью Гуго ллани венчают
Другой штандарт, шные вензеля.
Владелец их — Клотарь, бесстрашный воин,
И франков строй возглавить он достоин.

38

Идет нормандцев тысячный отряд,
И тысяча — верхом, другая — следом.
На солнце шлемы с латами блестят,
И выправкою схож сосед с соседом.
Наследный принц Роберт ведет солдат —
Он им под стать, и страх ему неведом.
А вот уже два настыря с клюкою:
Гильом и Адемар ведут свой строй.

39

Они настырь на острый меч сменили,
Покинув наству и алтарь святой;
Под шлемом волосы до плеч сокрыли,
Себя связали с ратною судьбой
И восемьсот парней с собой еманли

В опасный дальний путь, тот и другой.
А жителям Оранжа и Пуи
Советы впрок оставили свои.

40

Вот Балдуин гарцует в нетерпенье —
Своя с ним сотня и еще отряд:
Верховным став главою ополченья,
Своих бойцов ему доверил брат.
Четыре сотни галлов, полных рвенья,
Ведет граф Шартрский, забияка, хват.
Но Балдуину боле повезло —
Легко устроил всадников число.

41

А следом Гвельф ведет свою дружину.
Он славой по заслугам окружен,
И из Феррары почести, как сыну,
Хоть именов германским наречен.
Владея Швабией наполовину,
Меж Рейном и Дунаем правит он,
Где близ Карантин с ее лугами
Гвельф с местными сдружился племенами.

42

Наследство рода он приумножил,
В деяньях ратных действовал умело.
Нередко смерти вызов Гвельф бросал,
Ведя бойцов в огонь и воду смело.
Зимой суровой в замках шировал,
Меж трансазами занимаясь делом.
Собрал пять тысяч воинов в поход —
Две трети персы вывели в расход.

43

На поле русые бойцы вступают.
На тонких берегах земли их клин,
Что Рейн с Маасом часто затопляют.
Живя в низине близ морских глубин,
Они плотныны всюду насыпают.
Но океан — их бич и властелин
Заглатывает корабли, селенья,
И нет от волн прожорливых спасенья.

44

Их здесь поболее тысячи, фламандцев,
И во главе Роберт, не тот — другой.
Вослед такое же число британцев,
И сам Вильям, сын короля меньшей.
Немало здесь Ирландии посланцев,
Разящих цель без промаха стрелой.
В их хладный край не долетает птица —
За ним земли последняя граница.

45

Затем Танкред печально выступает.
Хоть мужеством, достоинством, красой,
Кроме Ринальдо, всех он затмевает,
Разочарован, и тому виной
Несчастная любовь, что притупляет
В нем прежний пыл — весельи, удалой.
Послушной жертвой став любовной страсти,
Он над собой вконец лишился власти.

46

В день, что принес над персами победу
В кровопролитном яростном бою,
Пришлось врага преследовать Танкреду.
Ведя дружину славную свою,
Гонимый жаждой, он скакал по следу,
Пока не оказался на краю
Тенистой и приветливой дубравы,
Где протекал ручей, лаская травы.

47

Вдруг дева юная пред ним предстала
В доспехах, с непокрытой головой.
Прелестная язычница некала
Прохладу с родниковой водой.
Душа Танкреда вмиг затреникала
При виде чуда в тишине лесной.
Такого ране он не знал блаженства,
Как у ручья при виде совершенства.

48

Но незнакомка плем надеть успела:
Вонзительный в ней тотчас вонзился пил.

Когда дружина следом подоспела,
Красавицы строптивой след простыл.
А рыцарем младым страсть овладела,
Но справиться не доставало сил.
С тех пор ни в чем не знает он покоя,
И помыслами правит ретивое.

49

Осталась на челе его печать
Глубокой безысходности и боли,
Которую не в силах он унять,
Став узником своей несчастной доли.
Ведет он конников большую рать
Из восьмиста бойцов, а может боле,
Покинувших Италию долины,
Чтоб овладеть оплотом Палестины.

50

И Греция представлена бойцами,
У коих вид без лат почти нагой:
Книжалы острые за кунаками,
Бренчит колчан да лук торчит тугой.
Зато они владеют рысакami,
Что с быстрым ветром спорят в хлад и зной.
Ловки в атаке, а при отступленьи
Готовы биться до изнеможенья.

51

Их сотни две Татин ведет по полю.
Позор тебе, о Греция, и стыд!
Не разделив несчастий обих долю,
Ждешь, как в театре, кто же победит,
Лишь бы победой насладиться вволю.
Ужель тебе измену мир простит?
Коварства изменного став рабою,
Забудь свое величие былое!

52

Парад военный гордо завершают
Бойцы, и им в отваге равных нет.
То рыцари удачи выступают —
Бич Азии, посланцев Марса цвет,
Что славу аргонавтов затмевают.

Сказавши это, прав бы был поэт,
Равно как подвигов былых сказитель.
Но кто же их достойный предводитель?

53

Из Конгца он. Зовут его Дудон.
Вождем их избран был единогласно.
Хитер он, хладнокровен и умен —
С мечом бродил по свету не напрасно;
Силен, хоть сединою убелен,
И всеми молодыми правит властно.
На нем отмети сабельных не счесть,
И в них его достоинство и честь.

54

Евстахий блещет удалю по праву—
Не потому, что полководца брат.
Норвежский принц Гернард свою державу
Здесь представляет как простой солдат.
Роже с Рембальдом множат галлов славу;
Отвагой Ангерлан, Гейтан дивят.
Герарды-тезки в сече не однажды
Явили то, что сделать мог не каждый.

55

Убальда вспомним и Розмунда пыл —
Наследника Ланкастерских владений.
Храбрей их лишь лишь тосканец Обиц был.
Заслужат благодарность поколений
Ломбардцы Сфорца, Пеламед, Ахилл,
Презревшие свой сан в огне сражений.
Отгон не зря пожалован гербом,
На коем змея с младенцем пагубном.

56

Гуаско и Ридольфа память свята.
Обоих Гвидо вечно смельчаков
И то, как действовал в боях когда-то
Любой из названных мной молодых.
Герньера имя — славного солдата —
Я не отдам забвенно веков.
Джильдинну с Одоардо не забуду —
Покуда жив, их вечно помнить буду.

57

Куда Амур влюбленных не манит?
Чтоб ровней мужу стать, его супруга
Без устали врагов мечом разит,
И силу придает ей близость друга.
Обоих жажда битвы единит.
Как велика их общая заслуга!
Одни повержен, страждет и другой,
Навек отныне потеряв покой.

58

Всех, кто прошел здесь стройными рядами,
Младой Ринальдо выправкой затмил.
Не по годам он радуется делами —
Во взоре царственная властность, пыл.
Отмечен он осенними дарами,
Хоть венный сок в нем не перебродил.
Он — Кундун в ребяческих утехах,
Но Марсу грозному под стать в доспехах.

59

В долине Адидже он был рожден
Прелестной Софьей, знатнейшего рода.
Его отец Бертольд — богат, силен.
Чтоб в сыне кровь сказалась и порода,
К Матильде был в нажи определен,
Прожив близ матери не боле года.
Обласканный наперстницей, мужал,
Но трубный глас с Востока прозвучал.

60

Бежал он в край далекий, незнакомый
В свои неполные пятнадцать лет.
Желаньем стать рыцарем влекомый,
Познал в пути Ринальдо много бед.
В святое дело вклад юнца весомый
Пусть в нашей памяти оставит след!
В походе он три года с половиной,
И щеки легкой обросли щетиной.

61

За конницею пенне колонны.
Раимонд Тулузский гордо их ведет.

От Пиренсев до долины Гаронны
Он знает всех бойцов наперечет.
Четыре тысячи — все закалены,
В боях обучены. Их смерть неимет.
Навряд ли сыщется во всей Гаскони
Другой, кто был бы их вождем достойней.

62

Вот Стефана отряд. В нем тысяч пять —
Из Амбуаза все, Блуа и Тура.
На первый взгляд — воинственная рать,
И командир — известная фигура.
А вот под латами не распознать,
Насколько слаба у воинов натура.
Они утратили свой пыл в походе,
И видно, что их силы на исходе.

63

Алкоголь шесть тысяч за собой ведет
Стрелков швейцарских, крепких, как кресало.
Достоинствами славен сей народ,
Перековавший на мечи орала.
Как Кананей на Фивы шел в поход,
Так смельчаки идут, подняв забрало.
Оставив настибища свои в горах,
Они теперь царям внушают страх.

64

Штандарт с тигрою панской и ключами
Плывет над войском. Впереди Камилл.
Семь тысяч в латах, с коньями, мечами,
И каждый воин предполнен сил.
А вождем их горд, что избран небесами,
Что славу древних римлян возродил.
Он в силу латинян поверил рыцарю,
Хоть дисциплина их не без изъяна.

65

Готфред по окончании парада
Вождем приказывает на заре
Сбираться в путь на штурм святого града.
— «Покуда тьма почная на дворе,
Готовьтесь — нам победный бой награда.

Доверимся спасительной поре.
Враг дремлющий не выдержит удара,
И ждет его заслуженная кара.

66

Великое нас испытанье ждет.
Но на победу сбудутся надежды!»
И вера предводителя в поход
Взбодрила рыцарей, раскрыла вежды.
Не спится им — восхода ждут, и вот
Ночь стала сбрасывать свои одежды.
Опасность чует опытный Готфред,
Покуда занимается рассвет.

67

Такой тревоги не знавал он ране,
Хотя князьям ее не выдал взгляд.
Он извещен о том, что сгинути
Идут на Газу — Сирии грозят.
Чтоб избежать беды на поле брани
И уберечь в походе свой отряд,
Зовет он верного гонца Энрико
И говорит ему: — «Мой друг, возьми-ка

68

Любой корабль легкий быстроходный
И отправляйся в Грецию скорей.
Там объявился гость высокородный,
О чем есть донесенье от друзей.
Для дела правого принц датский годный —
С собою привел он с Севера людей,
Которых хворь в дороге не задела.
Нам нужен свежих сил приток для дела.

69

Однако хитрый греческий правитель
Готов датчанина назад вернуть,
И козни строит лживый искуситель,
Чтоб навредить нам и больней кольнуть.
Но ты, моих желаний исполнитель,
Склони-ка принца стать на верный путь.
Скажи ему: я полон нетерпенья,
И пагубно любое промедленье.

70

Но ты за ним не должен поспешать —
Останься там и будь при властелине,
Чтоб неустанно грека побуждать
Оказывать нам помощь в Палестине».
Эрико более не может ждать.
Приказ дан четкий. Он готов отныне
Отправиться с попутным ветром в путь.
Готфред решил немного отдохнуть.

71

Едва взонла Аврора над землей,
Приветствуя восходом дня рождение,
Как трубный клич и барабанный бой
Все войско разом привели в движение.
Земля не так дождя ждет в летний зной,
Как боя ждут солдаты в нетерпенье.
Все воины, устав от передышки,
Под звуки труб резвятся, как мальчишки.

72

Надев на скору руку шлемы, латы
И ног от радости не чуя под собой,
Стоят вооруженные солдаты.
Их предводитель возглавляет строй.
Все жаждой битвы, как один, объята,
И ветер стяги рвет над головой.
На фоне неба, ждущего сраженья,
Вознесся Крест святой как символ мщенья.

73

Уже окрашен в пурпур небосклон,
А солнце величаво восходило,
Позолотив листву древесных крон,
И пламенем округу озарило.
Дрожащий воздух звоном напоен
Мечей булатных — в них проснулась сила.
Оружия бряцание в войсках
Снилось с волньем радостным в сердцах.

74

Чтоб войску обеспечить продвижение,
Готфред продумал все до мелочей,

Установив посты для наблюденья
И отрядив туда своих людей.
Затем потребовал без промедленья
Расчислить путь, от хвороста, камней
И вражьи разобрать в горах завалы,
Чтоб без помех пройти чрез перевалы.

75

Нет рвов таких, рек горных, круч, преград,
И прочих ухищрений у природы,
Чтоб онолченье повернуть назад,
Которым свято дорожат народы.
Когда на брег бросает гневный взгляд
Царь рек — могучий По, песущий воды,
То как бы ни была крепка плотина,
Все вмгг поглотит водная пучина.

76

Властитель Триноли один имел
И деньги, и солдат, и укрепления.
Врагов бы сокрушил, когда б посмел.
Но он старался избежать сраженья
И мир подарками кунить хотел,
О собственном заботясь положенье.
Но вот Готфред условия диктует
И покровительством его дарует.

77

Над городом с восточной стороны
Гора Сенр господствует всецело.
Спустившись с гор, христианские сыны
Войскам стараются помочь умело.
И стар, и млад — все радости полны,
Настолько жизнь в неволе надоела.
Чтоб облегчить дальнейший путь солдатам,
Отряд снабжают верным провожатым.

78

По берегу вдоль линии прибоа
Готфред уверенно ведет отряд.
Морскому доверяет он конвою —
Пред ним на рейде корабли стоят.
А греческие острова с лихвою

Ему дары своей земли сулят.
Налился соком виноград на Крите
Под жгучим солнцем, что стоит в зените.

79

Галеры гладь морскую заполняют —
Стоят на якоре вдоль берегов
И доступ сарацинам закрывают.
Венеции и Генуи послов
Флот бриттов и французов дополняет,
В котором много боевых судов.
Фламандцев парусники вывели в море,
И сицилийский флот прибудет вскоре.

80

Флоты единой связаны судьбой
И накануне боя полны рвенья —
Не сводят глаз с черты береговой,
Чтоб выслать провиант и подкрепление.
Наземные войска своей стезей
Вступили в поверные владенья.
Они мечтают скорей достигнуть мест,
Где обагрят Христовой кровью крест.

81

Давно уже молва распространяет
Неправду с суецею правдой заодно
О том, что христиане наступают
И никому сдержать их не дано;
Вождей всех поименно называет,
Прославиться которым суждено.
Молва погибель сарацинам прочит,
И страх, вселившийся в них, душу точит.

82

Беду ждать — худшая из бед порою.
Не столь гнетет нас груз дневных забот,
Как вести, порожденные молвою
И ловко пущенные в оборот.
Наш слух и ум странатся сплетни вдвое —
Она змеей по городам ползет.
Но не приемлет вести царь на веру
И донесеньям доверяет в меру.

83

Царь Аладди, властитель новый царства,
На деле проявил жестокий прав
И, в зрелом возрасте ценой коварства,
Обмана, подкуна монархом став,
Нутром почувал — ждут его мытарства,
Когда узнал союзных войск состав.
Он волно страху дал и подозренью,
Не веря собственному окруженью.

84

Народы разные в едином стане
Бок о бок вынуждены вместе жить.
Живут числом поменьше христиане.
Когда Ерусалим смог враг сломить,
Теперь там в большинстве магометане,
Которым Аладди решил скостить
Налоги, подати и под сурдинку
Взвалил на христиан всю недомку.

85

Сидит врожденная жестокость в нем,
Которая с годами угасает.
Но если раскалишь ее огнем,
То сердце только злобой кровь пугает —
Готов он мир перевернуть вверх дном.
Зимой гнев дремлет — летом вновь пылает.
Так лев, живя на привязи в неволе,
На воле верен вновь звериной доле.

86

— «Я чую, — злобно говорит тиран, —
Неверных радостное оживленье.
Линкует тайно христианский клан —
Его забавят наши злоключенья.
Возможно, уж готов злодейский план
Расправиться со мной без сожаленья,
Затем в народе вызвать беспорядки
И вынудить нас к бегству без оглядки.

87

Но я их козлы подлые нарушу.
Поганой кровью оросят свои

Весь город. Вытрясу из них всю душу,
Детей зарежу в чреве матерей;
Их храмы и дома сожгу, разрушу,
Костер устрою общин из церквей,
Казно прелатов Гробе Господнем
И всех отправлю разом в пренеподно».

88

Так нечестивец думает в сердцах,
Но умысел злодейский свой скрывает.
Не жалость движет им к невинным — страх,
Что злобу ненасытную смиряет.
Он чувствует, сколь неминуем крах.
От этой мысли в дрожь его бросает.
Пора бы мирное найти решение,
Но он страшится грозного отмщенья.

89

Обуздывает поров свой предатель,
Но ярость проявить всегда готов.
Бесчинствует и злобствует каратель,
С землей равняя есла бедняков.
Линь пенел оставляет поджигатель,
Чтоб не смогли найти христиане кров.
В колодцы, реки подсыпает яду
И портит на полях посевы кряду.

90

Не в меру подозрительный с годами,
Царь взялся укреплять Ерусалим,
Который с трех сторон закрыт стенами
И только с Севера был уязвим.
Проходы напрочь завалив камнями,
Он неспокоен — страхи жили с ним.
Раб собственных желаний неумных
Собрал он войско из солдат наемных.

¹Альфоне II д'Эсте — феррарский князь, которому посвящена поэма (прим. перев.).

²Готфрид Бульонский (фран. Годфруа́, итал. Гоффри́до, а в русских переводах Готфрéd или Готфри́д) — предводитель первого крестового похода в 1096—99 гг.

Перевод с итальянского А. Малова.

Андрей Иванов (р. 1963 г.) — по образованию экономист, кандидат наук. Успел поработать в сельском хозяйстве, в коммерции, советником вице-преьера Правительства России. Известен читателям журнала "Юность" по философским повестям "Вандемьер Композитора", "Иван, или Пессимизм", эссе "Письмо в Блейкни, графство Норфолк", "Эпоха Ватерлоо".

ЭЛИЯ КАПИТОЛИНА

*Не торопите вдохновенье,
Не возделайте ранний плод.
Пройдет небрежное томленью
По сцене вездесущих мод.*

В опрятном и ласковом литературном подвальчике «Четырнадцатый Апостол», где по вечерам никогда не собиралась патристически настроенная буржуазия, за столиком, расположенным под зарешеченным оконцем, через которое пробивался тусклый ноябрьский дневной свет, сидели двое очень непохожих друг на друга людей — один с внешностью Фауста, а другой — с внешностью Мефистофеля.

Именно такой, заранее много раз повторенной фразой я собирался открыть мое повествование. Теперь, когда я его уже заканчиваю и окидываю придирчивым взором плоды моих многомесячных вечерних трудов, мне хотелось бы эту фразу выкинуть. Дело в том, что нет в моей повести никакого Фауста и никакого Мефистофеля — все это для меня слишком разумно и непонятно. Однако я решил все же оставить эту фразу — очень уж она мне дорога. Но я не удивлюсь, читатель, если мое вводное предложение

Вам совершенно не поправится. Стесняться мне тут нечего, ибо за перо я взялся лишь затем, чтобы описать то невероятное, что происходит со мной последние годы.

Один из сидящих за столиком — это я. Но внешность моя никак не может быть похожа ни на внешность Фауста, ни на загадочную внешность Мефистофеля. Она самая что ни на есть обыкновенная. И как еще может выглядеть вчерашний студент, приехавший в Москву из деревни поступать в институт? В деревне у меня остались родители, а я после окончания учебы тружусь на кафедре того же института, дипломом которого три года назад я имел честь овладеть. Снимаю комнату в коммунальной квартире в старом четырехэтажном (хотя, если считать, что первый этаж — цокольный, то получается трехэтажном) доме рядом с Патриаршим прудом. Патриарший пруд — он один, и мне непонятно, почему Толстой и Булгаков писали «на Патриарших прудах». Сам я Москву знаю плохо, а в этом месте я поселился потому, что здесь мне предложили самую умеренную цену за наем комнаты. Да и работа недалеко — нужно проехать по Садовому кольцу несколько остановок на троллейбусе. Только один отрезок отделяет меня от дома, в котором жил Булгаков. Здание это, правда, в неважном состоянии, но, быть может, его скоро реставрируют.

«Мастер и Маргарита» — моя любимая книга, которую перечитывал несколько раз. Некоторые места помню наизусть. Хотя память и вообще способности у меня средние. Однажды мне предложили компьютерный тест. Нужно было ответить более чем на пятьсот вопросов, причем выстроены они были в очень хитром порядке. Некоторые повторялись по нескольку раз, но через довольно большие промежутки. Оказывалось, что уже не помнишь, как отвечал в прошлый раз. Вопросы касались и физиологии, и ума. Отвечал я очень долго, и в конце компьютер показал, что у меня есть способности в двух областях — в науке и искусстве, причем, судя по количеству выставленных баллов, довольно слабые. Ни к администраторской работе, ни к коммерции, ни к военному, ни к какому другому принципу склонностей у меня обнаружено не было.

Вот я и занимаюсь наукой, ассистирую на кафедре. Иногда нам приходится работать в сельском хозяйстве — дергать свеклу или рубить канусту. Грузим все это в больших количествах. Как-то раз я перетрудился и надорвал себе спину. Тогда вспомнил слова моей покойной бабушки, сказанные еще в детстве: «Не поднимай тяжелого, ты слабый, надорвешься». И вот меня

преследуют постоянные боли в позвоночнике. Мне посоветовали обратиться к массажисту, я заплатил ему немало денег, но впечатление таково, что стало только хуже. Однако не стоит утомлять Вас описанием моих болячек, тем более человек я еще совершенно молодой, и говорить об этом как-то неудобно. У меня была девушка, с которой мы помышляли даже о возможной свадьбе, но, видя мое часто искаженное от боли лицо и изменившееся выражение глаз, она постепенно утратила ко мне интерес. Первое время она с энтузиазмом пыталась мне помочь, но поскольку это ни к чему не привело, прекратила свои усилия. Относительно спокойно я себя чувствую сразу после сна, но ходьба и сидение вызывают боли, а к вечеру я едва сдерживаюсь. После работы всегда лежу и читаю. Когда здоровья нет, то и небо с овчинку кажется. Люблю книги по истории и философии, в последнее время много читал о христианстве. Сам в церковь не хожу, как-то стесняюсь, да и, признаться, что-то меня сдерживает. Иной раз читаю авторов, высказывающих резкие мнения, но делают они это, как правило, так искусно, что любое суждение я воспринимаю очень близко к сердцу и радуюсь красоте их мысли и слога. Когда они друг друга ругают, я огорчаюсь, потому что мне хочется общей гармонии. Иногда читаю и атеистов. Среди них попадаются агрессивные, вроде известного Ницше. Но и его доводы мне кажутся весомыми, а как все это примирить, я не знаю. Одним словом, я теряюсь.

Но пора мне рассказать Вам о втором человеке, сидящем за столиком в кафе под названием «Четырнадцатый Апостол». Однако, будет правильно, если я вначале расскажу о том, что предшествовало этой встрече. Ибо человека того я знаю уже давно. Дважды он появлялся в моей жизни, и обе встречи я долго не мог забыть, настолько странно и таинственно все происходило.

Когда мне было десять лет, мама в первый раз направила меня на месяц в пионерский лагерь. Там я дружил с одним мальчиком. Он был из интеллигентной семьи, много читал и уже носил очки. Мы почувствовали взаимный интерес друг к другу и сошлись. Много времени проводили вместе, рассказывали разные истории и делились впечатлениями о прочитанных книгах. Он не участвовал в общих подвижных играх, и я предпочитал его общество коллективным увеселениям. Одним словом, мы были неразлей-вода. Но одно обстоятельство испортило наши отношения. Вернее, если бы это было только

оно! Обстоятельства люди еще могут преодолеть, но дело зачастую здесь в нас самих. Алена (так звали моего друга) был в лагере не один, а со своей мамой. Она работала на административной должности и как-то неуклюже создавала любимому сыну сравнительно благоприятные условия жизни. То увезет его в город, то освободит от обременительных маршрутов на плиту, то во время тихого часа уведет его купаться на реку. Всеобщее равенство не терпит обособления! Посыпались наемники и злые издевки, которые рикшетом доставали и меня. Я почувствовал себя неуютно и иной раз просто не знал, как держаться. Для меня это была настоящая проверка на прочность. И вот однажды Аленина мама сделала непонятную глупость. Во время обеда (а кормили нас, признаться, плохо-вато) она подошла к сыну и положила ему на тарелку два мясистых помидора. Это вызвало немедленную реакцию. Алеше самому было неудобно, он даже не прикоснулся к овощам. А во время тихого часа, когда мой друг в очередной раз уехал с мамой в город, наши инонеры решили отомстить раскольнику, объявив ему бойкот. Все горячо поддерживали такие меры. Поскольку я составлял особую статью, то ко мне «персонально» обратились с вопросом — собираюсь ли я поддержать генеральную линию? Я колебался. Видимо, решающую роль сыграли мои «комплексы» — я был одним из немногих деревенских и неуютно чувствовал себя среди самоуверенных и хорошо спаянных москвичей. В конце концов я стал себя убеждать, что репрессии совершенно оправданы — так вести себя в коллективе, как вел себя Алена со своей сердобольной мамашей, просто недопустимо. Одним словом, я ответил: «да».

Алена вернулась часов в десять вечера, когда мы уже все были в постели, но свет еще горел. Видимо, он хорошо погулял, покатался, поел мороженого, и лицо его сияло от радости.

— Привет! — весело бросил он обитателям палаты. — Ответом было угрюмое молчание. Затем, выдержав паузу, самый агрессивный инициатор расправы достал из тумбочки конфеты и раздал по одной всем, кроме Алени. Тот почувствовал неладное и обескся. Больше ничего особенного в тот вечер не произошло.

Со следующего дня началась настоящая травля. Верный данному слову, я прекратил общение с Алешей и все свободное время проводил на футбольном поле. Никакой физической расправы запланировано не было, но Аленино существо-

ванше превратилось в ад. Чуткий и ранимый, он более не мог находиться в нашей среде.

Дня через три ко мне подошла его мама и при всех подчеркнуто громко произнесла:

— Кто дал вам право так издеваться над моим сыном? Ты не друг, ты просто подлый трус!

Я не знал, что мне ответить, я весь сжался в комок. Поправить уже ничего было нельзя, все, что можно было сделать, я уже сделал. Я чувствовал себя последним негодяем. Но тут ко мне подбежали приятели, похлопали по плечу, посоветовали не брать в голову. С этого момента меня приняли в компанию, я перестал быть для них чужаком. Прошло несколько дней, душевная боль понемногу спала. Я самозабвенно забивал голы. Мои ноги гудели, как будто их пронзало электрическим током. И вот однажды вечером я решил немного прогуляться перед ужином. Я углубился в сосновый лес по узкой тропинке и вдруг вздрогнул от неожиданности. Кто-то держал меня за плечо. Я отпрыгнул в сторону и быстро обернулся. Передо мной стоял красивый молодой человек лет, может быть, тридцати. До этого я находился в расслабленном состоянии, но здесь я мгновенно внутренне мобилизовался. Мужчина с едва уловимой улыбкой смотрел мне прямо в глаза. Одет он был, как мне показалось, старомодно, хотя я не очень-то разбирался в покроях пиджаков. Но он был настолько элегантен, что я поневоле залобовался его фигурой. В первую же минуту мною овладел безотчетный страх. Мне захотелось кинуться бежать по тропинке, но куда бы она меня вывела? Естественным побуждением было вернуться к нашему корпусу, но незнакомец преграждал мне дорогу, а слева и справа были кусты.

— Ты поступил плохо, — произнес он очень мелодичным голосом. Звук его голоса успокоил меня, и я рассмотрел лицо неожиданного гостя. Оно было прекрасно. Правильные, мужественные черты, слегка полноватые губы, темные густые брови, очень живые веселые глаза. Лицо его было бледно, и на нем не было даже следов щетины. Волосы темными кудрями мягко спадали на плечи и на лоб. Он весь был одет в темное, единственной контрастирующей частью его платья была белая рубанка. Галстук тоже был темный. Никаких дополнительных оценок его паружности в свои десять лет я дать не мог. Можно сказать уверенно — эта паружность была щетинная.

— Ты поступил плохо, — повторил он с чарующей улыбкой. Ты пошел на поводу у жалкой толпы.

Слово «толпа» больно резануло мой слух.

— Почему же толпа? Это — мои товарищи, — неуверенно ответил я.

— Послезавтра ты уедешь отсюда. Ты больше никогда не встретишь никого из тех, кого ты сейчас назвал «товарищами». Ты постепенно забудешь их всех. Но Алену ты будешь помнить всю жизнь.

Я почувствовал, что он прав. Но откуда он все знает? Откуда ему известно, что я уеду послезавтра? Хотя, это ни для кого не секрет, что емена заканчивается послезавтра. Но откуда ему известно само событие? Впрочем, Аленкина мама могла рассказать кому угодно. Но зачем меня пытать второй раз? Ведь я уже наказан! Все это несколько странно...

— Кто вы? — робко спросил я.

— Что значит «кто»?

— Я хотел сказать, как вас зовут?

— А зачем тебе знать мое имя?

— Я просто... — Я замаялся.

— Мое имя тебе ничего не скажет. Меня зовут Жозеф. — Улыбка не сходила с его уст, а глаза пронзали меня насквозь. Услышав незнакомое имя, я как бы нацупал почву для новых вопросов. Мне было легче от того, что вопросы задаю я. Но едва в моем мозгу пронеслось это «вопросы задаю я», как он добавил:

— Я тот, кто задает вопросы и рад иметь на них ответ.

— Я снова спик.

— Меня зовут Жозеф. Однако, что мы здесь стоим? Пойдем прогуляемся вдоль реки!

— У меня через несколько минут ужин, я не могу опаздывать!

— Ничего странного, если немного опоздаешь. — Он сделал плавный жест, приглашая меня проследовать по тропинке. — Ты боишься?

— Я боюсь? С чего вы взяли? — я сделал вид, что оскорбился, хотя вовсе не испытывал желания совершать прогулки вдоль реки. К тому же он разбередил мою рану.

Мы пошли по тропинке. Дальше она расширялась, он догнал меня и пошел рядом.

— Так вы сказали, что вас зовут ...

— Жозеф.

— В первый раз слышу такое имя.

— Но, может быть, ты слышал имя Иосиф?

— Слышал. Сталин был Иосиф.

— Это раз! — с готовностью и оживлением продолжил он.

— Отец Иисуса Христа тоже звался Иосифом.

Этого я уже не знал, но промолчал. В то время Иисус Христос не занимал вообще никакого места в моих мыслях, единственная ассоциация, которая во мне возникала в связи с этим именем, была связана с восклицанием «Христос воскрес!», ибо так встречали друг друга старушки нашей деревни, приходящие в гости к бабушке в определенные дни. Смысл этих дней мне был совершенно неясен. Я не утруждал себя размышлениями на данные темы. Между тем мой собеседник продолжал с той же веселой интонацией:

— И был еще один интересный Иосиф — Иосиф Флавий, иудейский историк, который, можно сказать, изменил своему народу и стал придворным историком римских императоров. Он написал знаменитую книгу про иудейскую войну.

Это имя, к моему позору, вообще мне ни о чем не говорило. — Да, но это все ... Иосиф ... а вы ...

— Жозеф. Это то же имя, но на другом языке. Так могут называть своих детей французы или итальянцы.

— А вы кто — француз, итальянец или ...

— Или еврей, ты хочешь спросить? — он весело расхохотался. — Я ни то, ни другое, ни третье!

— Как это? Но вот я, например, русский, а вы какой национальности?

— А никакой! Зачем тебе это знать? Я тот, кто задает вопросы и рад иметь на них ответ! — Я заметил, что он повторяет это второй раз. И тут с моих уст сорвалась фраза, происхождение которой было абсолютно непонятно. И любопытно то, что разговор наш, хотя пролегло столько лет, я помню слово в слово. Итак, я спросил его:

— Скажи, дружок, который час? — И тут же, надо думать, густо покраснел. Было совершенно немыслимо, чтобы я когда-либо взрослого человека назвал на «ты». И вдобавок это «дружок»... Так я вообще никогда ни к кому не обращался! Я почувствовал какой-то жар и огромную внутреннюю тревогу. Мне показалось, что я покрылся пепариной. Мой собеседник, напротив, вдруг оживился так, как будто он чрезвычайно рад такому вопросу. И как актер, с мягким движением правой руки, немого наклонив голову, он отвечал:

— И где б тебе набраться лени? Да и отдохнуть хоть в жизни раз!

А затем, помолчав несколько секунд, в течение которых я пытался овладеть собой, он добавил:

— Тридцать семь с половиной минут седьмого. Тебе пора на ужин!

— До свидания! — сказал я.

— До встречи! Больше не веди себя так! — И он быстро зашагал вдоль берега реки.

В течение нескольких лет воспоминание об этой встрече не давало мне покоя. Мною стали овладевать какие-то смутные предчувствия. До этой встречи я был равнодушен к окружающей меня природе, считая ее чем-то раз и навсегда данным. Но постепенно я стал впитывать и пропускать через себя цвета и запахи. Само присутствие мира я стал воспринимать, как прикосновение огромного живого существа. Я мог подолгу лежать на траве и вдыхать ароматы лугов. Мне запомнился один вечер. Это был тихий июльский безветренный вечер, когда природа, казалось, перехватила дыхание и не издавала ни малейших звуков. Уже смеркалось. Я сидел на скамейке возле дома и читал книгу. Затем я отложил ее в сторону и стал смотреть в небо. Вдруг в одно мгновение я ощутил что-то непонятное в груди и увидел заметное потемнение. Обычно сумерки надвигаются постепенно и неумолимо, но здесь бросилась в глаза именно резкость перехода. До этого я сидел, несколько усталый от длительного непрерывного чтения и ни о чем не думал. Но в тот момент, когда я увидел потемнение, в мозгу вдруг отпечатались слова:

— Я тот, кто задает вопросы и рад иметь на них ответ ... Нахлынули какие-то сумрачные и волнующие переживания. Мне вдруг захотелось куда-то бежать, мне казалось, что я не могу быть спокоен, сидя на скамейке. Но впечатления были неясными и не вызывали никаких конкретных образов. Но кто он, этот Жозеф? Что ему было надо от меня?

Я спросил в нашей библиотеке книги об Иисусе Христе и Иосифе Флавия, но там ничего такого не оказалось. Теперь вся надежда была на бабушку. Она сначала удивилась, но обещала спросить у подруг. Через день она вручила мне старенькую толстую книгу Ветхого и Нового Завета. Я начал читать с начала, но дух просвещения запротестовал против этой пассивной казуистики. Тогда я принялся за святыя Евангелия, и это оставило в моей памяти первые неглубокие отпечатки. Меня

хватило пенямого. Нагорная проповедь вызвала во мне активный протест. Я никак не мог взять в толк, почему пужно подставлять вторую щеку, когда тебя бьют по первой.

Примерно через год со мной снова произошло нечто примечательное. Нас, деревенских школьников, погрузили в маленький автобус и повезли в районный центр в поликлинику. Зачем-то потребовалось, чтобы мы прошли диспансеризацию. Кажется, это было связано с началом школьной военной подготовки. Поликлиника была просто забита людьми. К каждому врачу стояла несуетная очередь. Бойкие мои одноклассники начали энергично прокладывать себе дорогу. Я же никогда не умел работать локтями. Я долго стоял в очереди, но все равно был где-то в ее конце. В это время мои товарищи уже прошли несколько кабинетов. Я постепенно стал понимать, что ничего не достигну такой робкой тактикой. Дело усугублялось тем, что нам приказали с утра не завтракать, поскольку кровь надо сдавать натощак. Странная духота в коридорах поликлиники и неприятные запахи стали вызывать у меня головокружение. И вдруг меня озарила веньшка: «А что, если я не буду во всем этом участвовать? Что будет тогда?» Простота этой мысли и внезапное прояснение, пришедшее на смену безысходной необходимости, способствовали тому, что начавшееся головокружение прекратилось. Решительными шагами я направился к выходу. Я удивился тому, что никто не обратил внимания на мою отлучку. Я вышел во двор. Был превосходный майский день, все вокруг зацвело и благоухало. Полной грудью я вдохнул свежий воздух, посмотрел на солнце и испытал неизъяснимое блаженство. «Какая глупость? Зачем все это, когда вечность прикасается к нам своими неразборчивыми лучами? Разве солнцу известно о бессмысленных очередях и прочих абсурдных условностях?» Я гордо пронагал мимо водителя автобуса, ожидавшего окончания кампании, и направился домой пешком. Мне предстояло пройти десять километров. Я мерил шагами обочину дороги вдоль кукурузных и пшеничных полей. Я чувствовал себя свободным. И вдруг я заметил приближающуюся ко мне темную точку. Через мгновение я понял, что это человек. Я был немного удивлен тому, что он идет по моей, а не по противоположной стороне дороги. Расстояние между нами быстро сокращалось. Я ясно различал темный костюм и кудрявые волосы. Мое сердце мучительно запыло. Я узнал его. Это был Жозеф. Я замедлил шаги, а он, кажется, наоборот, зашагал более энергичной поступью.

— Здравствуйте, юнона! — спокойно произнес он ровным и приятным голосом, улыбаясь уголками рта. В своем темном костюме и безупречном галстуке он очень странно смотрелся в жаркий майский полдень на обочине пыльной дороги. Но эта пыль, кажется, не имела к нему ни малейшего отношения. Его плоть никак не могла прийти в соприкосновение с мировой пылью. От быстрой ходьбы я потел, он же смотрелся так, будто понал сюда из чистой комнаты, в которой работал кондиционер.

— Здравствуйте, — ответил я, чувствуя сильное возбуждение.

— Я поздравляю вас, юнона, сегодня вы были на высоте!

— Еще неизвестно, чем это мне грозит, — попробовал возразить я.

— А ничем это вам не грозит, — ухмыльнулся Жозеф. — Но сегодня вы поступили, как свободный человек.

— Что вы имеете в виду?

— Вы превосходно знаете, что я имею в виду!

— Но откуда вы знаете?

— Потерпите, юнона, вы еще зададите свои вопросы, — спокойно парировал он, улыбаясь полным ртом, обнажая ровненькие белоснежные ряды зубов. И, помолчав, добавил:

— Я тот, кто задает вопросы и рад иметь на них ответ ... До свидания, юнона!

— Но ... по откуда ... по почему вы думаете, что будет еще одно свидание?

— Будет, юнона, непременно будет. Ваша жизнь только начинается!

— Где вы живете? — простодушно спросил я.

— Земля круглая, и я делаю круги.

— Значит, вы нигде постоянно не живете?

— Почему же, наоборот, я весьма постоянен. Всего доброго, юнона! Я только хотел вас поздравить с мужественным поступком! Все начинается с малого!

Легким кивком головы он попрощался со мной.

— До свидания!

— До свидания, Жозеф!

Мы разошлись в разные стороны. Я не заметил, как промчался десять километров. Ночью я проснулся от внезапного толчка.

— Сынок, что ты, что ты? — Рядом со мной сидела мама.

— Что с тобой, сынок, что тебе приснилось такое, что ты

кричишь? — Но я решительно не мог припомнить, что мне снилось. Мама прижала меня к себе, я почувствовал успокоение. Проснал я долго. Утром первое, что мне пришло в голову, были слова «Четырнадцатый Апостол». Я повторял их несчетное число раз.

— Четырнадцатый Апостол, Четырнадцатый Апостол, Четырнадцатый Апостол.

Я подошел к бабушке.

— Правильно ли я понимаю, — спросил я, что у Иисуса Христа было двенадцать учеников?

— Верно, — ответила бабушка.

— Они же считаются двенадцатью Апостолами?

— Считаются.

— А был ли тринадцатый?

— Апостол Павел не был учеником Иисуса. Он был даже его гонителем, но затем ему было видение Иисуса в небесах, и он уверовал. Он как раз и есть тринадцатый.

— А был ли четырнадцатый?

— Никакого четырнадцатого не было. А почему ты спрашиваешь?

— Да так ... — Я всегда был довольно скрытен и не решился ничего сказать.

С тех пор мне не давала покоя одна мысль: есть ли здесь какая-либо связь? Жозеф и Четырнадцатый Апостол. Если это одно и то же лицо? Но кто такие Апостолы? Это те, которые ходили, проповедовали учение Христа. А что проповедует Жозеф и проповедует ли вообще?

Прошло несколько лет. Я живу в своей комнате в Большом Патриаршем переулке. Как я уже говорил, дом наш очень старый и коммуникации иногда дают сбой. И вот однажды, проснувшись несколько раньше обычного, я обнаружил, что вода отключена. Запасов сделать не догадались, даже в чайнике, как назло, не оказалось ни капли. Нельзя было ни погреться, ни чаю попить. Очевидно, произошла очередная авария. Тогда я взял бритвенные принадлежности, положил в пакет хлеба и немного колбасы и решил поехать на работу. Мрачное, пасмурное, ноябрьское утро. Я медленно прошел вдоль Патриаршего пруда. Как прекрасно это место! На Садовом кольце всегда шум и гарь, но едва вы свернете на Малую Бронную улицу, как шум мгновенно пропадает, поскольку четырехугольник вокруг пруда защищен рядами домов. Пруд никогда не бывает чистым, но тем не менее я твердо убежден,

что это место — лучшее в Москве. Быть может, оно даже лучшее в мире. Как хорошо выглядит Малая Бронная улица со стороны Садового кольца! Когда я смотрю на дома, мне кажется, что они слегка наклонены в сторону мостовой и готовы меня приветствовать. Им есть что мне рассказать! А на берегу пруда ничего не подозревающие Иван Бездомный и Берлиоз уже готовы попасть в подготовленную ловушку. И какие ловушки еще ожидают нас впереди? И какие чуткие практики уже расставили свои сети и мышеловки?

Я пересекаю Ермолаевский переулок и выхожу на Садовое кольцо. Шесть тридцать утра. Мало кто в это время едет на работу. Я подхожу к остановке троллейбуса. Возможно, надо будет подождать. Но нет — троллейбус подходит через полминуты. Я еще не совсем проснулся и не обращаю внимания на номер маршрута. Двери открываются, и я вхожу. И сразу несколько обстоятельств заставляют меня проснуться окончательно. Во-первых, в салоне нет ни одного пассажира. Такое, впрочем, редко, но случается. Тем более, час довольно ранний. Второе, что меня удивляет — все стекла покрыты инеем, хотя на улице нет никакого мороза. Через окна ничего не видно. Третье странное обстоятельство — отсутствие компрессоров. Я останавливаюсь в нерешительности и медленно поворачиваю голову в сторону кабины водителя. На том месте, где все водители любят помещать изображения красоток, я обнаруживаю какой-то текст странного вида. Я подхожу к нему поближе и начинаю читать первые фразы:

« Прокламация к Еврейской нации. Штаб-квартира. Иерусалим, 1 флореаля (20 апреля 1789 года) VII года Французской республики.

От Бонапарта, главнокомандующего армиями Французской республики в Африке и Азии, — законным наследникам Палестины:

Израильяне — уникальный народ, на протяжении тысячелетий лишенный земли своих предков, отнятой завоевателями и тиранами, но не утративший ни своего имени, ни национального существования! ..»

Где-то я слышал эти слова! Я силится вспомнить, но для меня было совершенно очевидно, что я не читал книг, где такое могло бы встретиться. Между тем, судя по времени, мы должны были уже подъехать к следующей остановке, но троллейбус только прибавил ходу. Мне стало не по себе. Я подошел к водителю. Это был Жозеф.

Он как будто не замечал меня.

— Здравствуйте, — сказал я. Он брезгливо от меня отвернулся.

— Здравствуйте, — повторил я. — Мы, кажется, с вами знакомы?

— У тебя изо рта пахнет неприятно, — ответил Жозеф. — Ты что, зубы не чистишь?

— Зубы я чищу, только боюсь, что у меня всегда такой запах. Дело тут не в зубах, а в плохом питании. Запах из желудка.

— А что же ты плохо питаешься?

— Зарплата у меня маленькая, к тому же задерживают. Перебиваюсь бутербродами. Платить много приходится за наем комнаты. Для меня много.

— Так ты в комнате живешь?

— Да, здесь, в коммунальной квартире.

— А я вот делаю круги по Садовому кольцу. — Внешне он несколько не изменился — тот же тридцатилетний мужчина-красавец. Только на лице я не заметил ни тени улыбки.

— Я могу сойти на следующей остановке? — спросил я.

— Я хочу сделать тебе предложение, — ответил Жозеф. — Ты уже взрослый мужчина, и твой час близок. Сейчас ты сойдишь и вернешься домой. Воду уже дали. На работу сегодня не ходи, сонлишь на подмогание. Завтра утром в такое же время ты будешь ждать меня на остановке.

Я вышел. Должен сказать, что я более не испытывал особого волнения. Вот уже полтора десятка лет, как этот человек присутствует в моем мире. Юношеские страхи улетучились, и теперь я воспринимаю его существование, как нечто естественное. На свете есть много разных вещей и много разных существ. Среди них — Жозеф. Иначе говоря, я привык к нему. Более того, необходимо как-то приспособиться к общению с ним. В самом деле, пока он мне не сделал ничего плохого, к тому же собирается что-то предложить. Быть может, его предложение будет для меня *выгодно*. Я обратил внимание на то, что в этот раз он резко говорил мне «ты». Во время прошлой встречи он ласково обращался «юноша» и использовал более уважительную форму. Я сопоставил свой внешний облик с его наружностью. Похоже на то, что я выглядел старше своих лет и, может быть, даже старше Жозефа. Почему бы мне не перейти на равную ногу и не говорить ему «ты»? Ведь я уже — сформировавшийся, самостоятельный человек.

Пусть не все у меня получается с устройством жизни, но многие ведь в моем возрасте уже имеют семью, детей.

А что, если мне избежать встречи? Честно говоря, такой вопрос у меня даже и не возникал. Я рассматривал ее, как нечто естественное и необходимое. Он бросил мне своего рода вызов, и я должен его принять. Если не считать встреч с Жозефом, в моей жизни пока не происходило ничего примечательного. Все странное и непонятное связано только с ним. Было бы просто малодушно бежать прочь от жизни!

В шесть тридцать я снова стоял на остановке. Вокруг меня не было ни души. Троллейбус тут же подкатил. Я вошел и обратил внимание на одну переменную. На том же месте, где вчера висела прокламация к еврейскому народу, теперь ничего не было. Зато рядом с Жозефом помещался телевизор с огромным экраном.

— Здравствуй, — стараюсь казаться как можно тверже и увереннее, сказал я.

— Доброе утро, — произнес он, и я увидел на его устах знакомую улыбку. — Как спалось?

— Хорошо спалось. Только сегодня я больше не намерен прогуливать работу! — отрезал я.

— Что ты так угрюмо заладил — работа, работа! — Его зрачки заблестели веселым огнем, когда он ко мне повернулся. — Жизнь большинства людей есть монотонная безысходность. То же и твоя жизнь. Ну что тебе работа и все остальное? Какне у тебя радости? И что ты думаешь делать с большим позвоночником? Он у тебя, я вижу, все хуже и хуже.

— Не знаю, что делать. Лечить его надо. — Он повернул мои мысли в невеселое русло.

— Лечить! А ты знаешь, как его будешь лечить? Все люди находятся под воздействием мрачных и запуганных обстоятельств, которые, кажется, не дают надежды благополучно выбраться. Поэтому они хотя и ясности и веселости.

— По-моему, это сказал Гете в разговоре с Эккерманом? — Bravo! Ты кое-что помнишь! Ты много читаешь, но, по-моему, у тебя в голове каша. Я неправ?

— Похоже, прав.

— А хотел бы ты внести ясность во все эти запутанные предметы? Не кажется ли тебе, что мир окончательно заблудился в лабиринте всех этих теорий и умных мыслей? Может быть, он уже созрел для новой ясности?

— Может быть, и созрел.

— Я дам тебе эту ясность, к тебе вернется здоровье и веселость. Но чтобы разъяснить тебе суть моего предложения, я кое-что тебе должен показать. Все это — вещи исторические, документальные. Одним словом, это факты, от них никуда не денешься. Работа твоя подождет!

Я не спорил. Окна троллейбуса были так же густо залеплены инеем, а переднее стекло было прозрачно лишь в том месте, в котором он сам через него глядел. Я не мог достоверно судить, движемся ли мы вообще или стоим на месте. Да и, признаться, не очень-то меня волновал этот вопрос.

Экран засветился, но изображения никакого не было. И вдруг густой, приятный голос начал читать:

Пролог. Прелюдия. Вступление.
Не страшен льдины лунный дрейф.
Так дева, разрешив сомненья,
К венцу приносит платьев плейф.

Как много их, лукавых казней,
Как мало лун — поэта век.
Мерцанье звезд разнообразней,
Распятый в блеске их померк.

Мне близок дух свободы новой.
Не пылен воздух снежных гор.
Забьты счастья подковы,
И слышен дальний разговор.

Возникла пауза. Никакого изображения по-прежнему не было. Наконец тот-же голос продолжил:

«Увидев народ, Он взомел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так

гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее на поприще людям. Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного. Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное. Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду». А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «пустой человек», подлежит Верховному судилищу; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар свой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта. Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует. Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно

Престол Божій; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого. Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и у хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творите милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творите милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; Да придет Царствие Твое; да будет воля

Твоя и на земле, как на небе; Хлеб наш насущный дай нам на сей день; И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое Царство и сила и слава во веки. Аминь. Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших. Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, Чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут; Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который во тьме, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и богатству. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что вам пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли нищи, а тело — одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* бы локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в нечь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что нам пить?» или: «во что нам одеться?» Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний

сам будет заботиться о своем: довольно для *каждого* дня своей заботы.

Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, *таким* будете судимы; и какою мерою мерите, *такою* и вам будут мерить. И что смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучек из глаза твоего»; а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, *как* вынуть сучек из глаза брата твоего. Не давайце святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, уместе дающих благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки. Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с ренейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем чудеса творили?» И тогда объявлено им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие». Итак всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не унах, потому что основан был на камне. А всякий, кто

слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налетели на дом тот; и он упал, и было падение его великое. И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи».

Голос умолк. В этот раз наузу заполнил Жозеф:

— Довольно занудно, не находишь? — И вдруг он заговорил стихами.

Скажи, Христос, что видел ночью?
Пир бесов, радостный туман?
Ты *хочешь* сына или дочь,
Или обет небесный дан?

Тебе ль не снилась дева — фея?
Но темной чередою грез
Вдруг поманил венец злодея,
И разум святочный унес.

Каков исход у сих желаний —
Венец, рубанка, знафот?
Хоть много чудных состояний,
Но мертвеца холоден пот.

Мне сделалось жутковато. Я не знал, говорить ли мне что-либо или молчать. Весь этот текст я помню слово в слово. Обычно выучить стихотворение для меня было достаточно тяжело и требовало немалого времени, здесь же я все запомнил с первого раза. И меня раззадорила сама эта легкость, какой-то азарт овладел мною. Я был в тот момент внутренне согласен с замечанием Жозефа о том, что Нагорная проповедь есть что-то невообразимо скучное и к тому же, добавлял я от себя, неестественное.

И тут экран всыхнул ярчайшими образами. Синее, с фиолетовым оттенком, море, остроколючие горы, скалы, слегка позелененные и блестящие, как на солнце зеркала, множество малых островков — эта картина в первый момент ослепила меня каким-то едва заметным неправдоподобием. Кажется, все было так, как на самом деле, как в природе, но то ли краски уж очень сочны, то ли скалы уж очень зеркальны, и я испытал какое-то внутреннее безусловное движение, похожее на протест. А между тем голос продолжал свое дело.

— Остров Патмос в Эгейском море. В давние времена —

первая остановка судов, плывущих из греческого Ефеса в Рим, и последняя для судов, плывущих в обратном направлении. Остров ничем особенным не знаменит, кроме одного эпизода, который играет отнюдь не последнюю роль в истории цивилизации. Двадцать столетий тому назад на эту живописную землю, воспетую Гомером, ступила нога одного из людей, совершивших невиданный в истории человечества порыв к идеалу.

Апостол Иоанн, сын Зеведеев. Любимый ученик Иисуса Христа, который не покинул Учителя, когда все остальные разбежались, один из трех, которые наблюдали преображенного Спасителя, разговаривавшего с Богом на высокой горе, вдохновитель святого Евангелия от Иоанна. Когда Нерон в Риме превращал христиан в живые факелы, Иоанн был одним из тех, кого уже облили маслом, но не подожгли по чистой случайности.

Апостол Иоанн, сын Зеведеев. Остров Патмос. Предположительно шестьдесят восьмой год от Рождества Спасителя мира. Апокалипсис. Откровения Иоанна Богослова. Эти строки были написаны здесь.

А несколько раньше был другой Иоанн, крестивший водой Иордана. Что должен был делать любой из нас, людей цивилизации, на месте этого неистового обличителя царя Ирода? Очевидно, какой-нибудь сегодняшней телемаг разливал бы воду Иордана по пузырькам, продавая ее за приличные деньги, крестил бы только богатых, запатентовал бы свой метод и в довершении затеял бы мелочную склоку с Христом относительно первенства. Но он не сделал ни первого, ни второго, ни третьего, ни четвертого и тем самым обеспечил себе совершенно уникальное место в истории человечества, сыграв роль Предтечи Спасителя мира.

А затем пришел Он, Мессия, не оставивший камня на камне от кровожадного Моисеева закона, вынестованного жрецам колена Иудина в их мрачных порах в течение нескольких веков. Каким Он был? Сегодня мы одним щелчком фотокамеры можем запечатлеть себя навек, но неужели мы никогда так и не узнаем, какими на самом деле были его голос, его улыбка?

Жозеф

Каков Иисус? Бывал ли отрок
Небесным шеем объят,
Иль иудейского раввина
Носил он сумрачный наряд?

Равви, равви! — тебе кричала
Вся в язвах молодая мать,
Когда вдруг кинулась в печали
Хитон твой грязный целовать.

Пришелец тайным манускриптом
Занечатлся неясный лик,
Услышал: скоро ли погибну?
И бесом взвился в тот же миг.

— Сразу — уговор. Когда нам все это надоест, мы *вступаем в игру*. Идет? — Я ответил, что не желаю вступать ни в какую игру.

— Тогда смотри дальше! — легко согласился со мной Жозеф. — Голос за кадром как будто специально дожидался, пока поэт окончит свои вставки.

«Бог есть любовь», — сказал Он миру. «Возлюби Господа Бога всем сердцем своим» и «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Людоседский Бог фарисеев-левитов, чудовище Ветхого Завета, якобы крикнувшее Моисею на горе Синай нечто настолько ценное, что человечество должно всю свою оставшуюся жизнь посвятить выполнению этих предписаний, был посрамлен и унижен. Ветхий Завет доньше считается неотъемлемой частью Священного Писания. И трудно представить себе то количество добрых верующих, которые в течение двадцати веков христианской истории, открыв Библию, читали якобы нисходящие от самого Бога Иеговы слова мести, ненависти и прямые приказы подвергнуть соседние народы полному уничтожению. Бог заключил с Моисеем договор, согласно которому народ Иудей должен выполнять все предписания, изложенные в Законе Торы или пятикнижии Моисеевом, а Бог за это воздает материально в виде права избранного племени на чужие земли, богатства покоренных народов и человеческие жизни. Условия договора серьезны и несомненно требуют скрупулезного выполнения приказов жрецов и пророков, заперевших иудейский народ в самовозведенных для этого гетто. В числе предписаний — обязанность приносить Богу в жертву первородных человеческих младенцев.

«А в городах сих народов, которых Господь, Бог твой, дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию ... как повелел тебе Господь, Бог твой».

«... ты народ святой у Господа, Бога твоего; тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле».

Жозеф

Закон Моисея
Навек сохраним.
И крики Орфея,
И тягостный Рим.

Развод неуместен,
Ведь в клетке птицы
Не грезят о мести,
Как наши отцы.
Я радуюсь глади
Лазурных равнин,
И легок, и ладен
Мой друг сарацин.

Диктор снова ожидал, пока Жозеф закончит свои чтения.

Жизнь и дела самого патриарха иудейского народа Моисея, описанные в книге «Исход», явно выводят его в разряд нарушителей заветов. Моисей «брал в жены дочерей других народов», «шел в поисках богов других». «И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем ... и сказал Моисей судьям Израилевым: убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору», т.е. к другому Богу. Поголовное истребление Мадянитян подается в Библии, как последнее деяние Моисея на земле, благодаря которому на пороге смерти он реабилитируется. «И сказал Господь Моисею, говоря: Отметь Мадянитянам за сынов Израилевых и после отоидешь к народу твоему». И пошли люди Моисеевы «войной на Мадяна ... и убили всех мужеского пола .., а жен Мадянитских и детей их сыны Израилевы взяли в плен, и весь скот их, и все стада их, и все имущество их взяли в добычу, и все города их сожгли огнем».

Жозеф

Месили гашу его прохожих,
Всем докучали — как пройти?
Из лоба высунулась рожа
И проявила все пути.
Никак с тех пор я не забуду

Один петленный анекдот:
Когда один безумен — чудо,
Когда все сразу — то сойдет.

Наконец-то я решился ему возразить:

— Твои вставки здесь совершенно неуместны! — Диктор, кажется, внимательно следил за тем, чтобы наше внимание не рассеивалось. Лишь когда он убеждался, что обмен репликами завершен, следовало продолжение показа.

Мессии ожидали. Он должен принести народу иудейскому царствие земное, отмщение врагам, много золота, земель, тучные стада. Но он пришел и посоветовал собирать богатство на небе, а не на земле и любить ближнего.

«А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; И кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубанку, отдай ему и верхнюю одежду; Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся».

«Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благославляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

«Горе вам, фарисеи и книжники, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты ...»
«... Слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

«Поэтому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его».

Предательство в Гефсиманском саду со стороны единственного иудея из его учеников было естественной мерой, которой цивилизация платит всякому, брошенному ей вызов.

«Слава Богу, сегодня — пятница!» — известная поговорка Запада. Понедельник — день тяжелейший, пятница — прекрасный, впереди два выходных. Но Христос был распят как раз в пятницу.

Тогда ждали конца света, теперь — следующего уик-энда. Слава Богу, сегодня — пятница!

Апостол Иоанн, сын Зеведеев. Остров Патмос. Предположительно шестьдесят восьмой год от Рождества Спасителя мира. Апокалипсис.

«Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав *оное* чрез Ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал слово Божие и свидетельство Иисуса Христа, и что он видел. Блажен читающий и слушающий слова пророчества сего и соблюдающий написанное в нем; ибо время близко».

Жозеф

Тренецкие, малюверы,
Близок сумрачный финал!
Мочит власы дождик серный,
И ребенок замолчал.

Улыбнулся малолеток
Набежавшей саранче.
Громовержец зол и меток,
Язвы гнева на плече.

Вспомнят ли венец из терна,
И как губку он сосал?
Мочит власы дождик серный,
И ребенок замолчал.

Я не выдержал:

— Легко у тебя это получается, хулигатель ... — Таким образом, я начал огрызаться!

1. ТРИ ЦЕНТРА •

Народ, убивший посланца Бога, как будто сонел с ума. Рокковому антиримскому восстанию через несколько десятилетий после событий на Лысой горе суждено было предопределить второе изгнание воинственного племени из Иерусалима. Галилеянин Иисус Христос объявлен лжепророком. Его имя запрещено произносить вслух. Фарисеи создали атмосферу крайнего нехороша и подлинного бешенства. Нация, целиком поглощенная религиозными вопросами, погибает политически. Фанатизм идеологов способствовал бессмысленному восстанию. Повстанцы прогоняют римские легионы и празднуют победу. Фарисеи, почуввав, чем это им грозит, тихо уходят из Иерусалима, унося с собой Второзаконие со всеми комментариями к нему. Чуть раньше был другой исход — христианский.

Рим собрал силы и двинул свежие легионы. Юный полководец Тит, сын будущего императора Веспасиана и сам будущий император, руководил операцией. Понимая, что дело будет нелегким, Тит предлагал иудеям условия почетной капитуляции, но получал в ответ лишь надменные и презрительные отказы. Город был взят в кольцо. Иудейские пророки убеждали народ, что ничего плохого произойти не может, ибо иерусалимский храм находится под особой защитой Бога Иеговы. Вера была столь велика, что даже те, кто мог еще бежать из города, не делали этого, оставаясь в нем для того, чтобы своими глазами наблюдать чудесное спасение.

Кадры, как в калейдоскопе сменявшие друг друга, никоим образом не походили на специально сделанный фильм. Когда мы смотрим фильм, мы вступаем в молчаливый сговор с его создателями, соглашаясь считать искусственную, срежиссированную жизнь за настоящую. Здесь же я видел людей, которые *не играли, а жили*.

Ни Моисей, ни Иоанн на острове Патмос, на которого окружающие не обращали никакого внимания (тоже мне, великий Апостол!), особых эмоций у меня не вызывали. Но когда я увидел движение римских легионов, поднимавшее огромные облака пыли, я почувствовал сильную внутреннюю дрожь.

Повстанцы сражались с небывалой решительностью. Временами Тита охватывало уныние, и он вправду начинал сомневаться: а не пустая ли это затея? Быть может, Бог и впрямь здесь как-то участвует?

Но когда камнеметные осадные машины римлян стали бить по стенам храма, священный ужас охватил воинов богоизбранного народа. Храм загорелся. Находившийся внутри здания пророк провозгласил, что сейчас наступит чудесное спасение, но проходили страшные минуты, пламя пожирало внутренности храма, но Господь все медлил с тем, чтобы как-то себя проявить. Шесть тысяч женщин, детей и стариков, спрятавшиеся в святой святых столицы мира, также ждали исполнения пророчеств, пока пламя не поглотило их всех. Римляне не щадили никого, священники так же сражались до последней крайности. Главари отступили к Сиону — самой высокой части города, но сопротивление было недолгим. Многомесячная осада города завершилась его полным разрушением. Тит с триумфом въезжает в Рим, неся перед собой побежденную Тору — главный трофей.

Жозеф

Жаль, что материя права, и мир конечен.
В шутку ли, всерьез я выжигаю буквы —
«Смерть тиранам». Их больше не сотрешь ...

Но поворот судьбы — я сам тиран,
И несмывасма моя татуировка.
Так мстит материя, смеясь
Над духа малою споровкой.

Я. Пожалуй, это восстание — одно из самых фантастических событий в истории. Обычно бунтует кучка безумцев, здесь же обезумел почти весь народ.

Жозеф. Я не о восстании. Не делайте татуировок — вот что важно! Все ваши принципы — это татуировки, за которые затем становится стыдно!

Так была поругана *доктрина*. Нельзя безнаказанно посягнуть в груди огонь. В течение нескольких десятилетий здесь не будет живой души, первые неудачные попытки восстановить храм будут предприняты лишь спустя триста лет. Этот народ, казалось бы, навеки замолчал, пока его идеологи снова не дадут о себе знать многообразием Талмуда, или анатихристианским дополнением Торы, и пресловутыми Протоколами Сионских мудрецов.

Вопрос о подлинности или неподлинности «Протоколов» не имеет никакого значения. *Факты легко искажаются, лишь идеи обладают абсолютным бытием.* Чтобы прочитать Нагорную проповедь, надо было иметь печать Бога, чтобы создать «Протоколы», надо иметь печать дьявола. Социальная мысль человечества еще никогда не достигала такой степени силы, ясности и цинизма.

«Вопросы политики никому недоступны, кроме руководящих ею уже много веков создателей ее.» «Прогресс, как ложная идея, служит к затемнению истины, чтобы никто ее не знал, кроме нас, Божних избранных, хранителей ее.» «Мы вычеркнем из памяти людей все факты прежних веков, которые нам не желательны, оставив из них только те, которые обрисовывают все ошибки госевских правлений» (гой — всякий пенудей).

«Все так называемые либералы суть анархисты если не дела, то мысли. Каждый из них гоняется за призраками свободы,

впадая исключительно в своеволие, т.е. в анархно протеста ради протеста». «Свобода есть право делать то, что позволяет закон...вся свобода окажется в наших руках, потому что законы будут разрушать или создавать только желательное нам...»

«Ни одно оповещение не будет прошикать в общество без нашего контроля. Это и теперь достигается тем, что все новости получают несколькими агентствами, в которых они централизуются со всех концов света. Эти агентства будут тогда уже всецело нашими учреждениями и будут оглашать только то, что мы им предпишем».

«Народ питает особую любовь и уважение к гениям политической мысли и на все их насильственные действия отвечает: подло-то подло, но ловко! ... фокус, но как сыгран, сколь величественно, пахально!...»

«Политика не имеет ничего общего с моралью». «Наше право — в силе». «Наш царь — сила и лицемерие».

«Наша власть при современных шатаниях всех властей будет неборимее всякой другой, потому что она будет незримой до тех пор, пока не укрепится настолько, что ее никакая хитрость не подточит».

«Всякое решение толпы зависит от случайного или подстроенного большинства, которое, по неведению политических тайн, произносит абсурдное решение, кладущее зародыш анархии в управление».

«... обратите внимание на подстроенные нами успехи дарвинизма, марксизма, индустриализма. Растлевающее значение для голевских умов этих направлений нам-то, по крайней мере, должно быть очевидно».

«Гон — баранье стадо, а мы для них волки. А вы знаете, что бывает с овцами, когда в овчарню забраются волки?»

«В лице царя, владеющего с непоколебимой волей собой и человечеством, все узрят как бы судьбу с ее неведомыми путями».

«Царь Иудейский будет настоящим папою вселенной, патриархом интернациональной церкви».

Жозеф. Ну кто-то же должен быть царем!

Фанатизм фарисеев, а уж во вторую очередь римские орудия разрушили земной Иерусалим. Но конец — это всегда одновременно и начало. Начало другому Иерусалиму — небесному.

Спустя несколько столетий христианский Запад вдруг не-

пытал сильнейшее желание познать истину воочию, освободив Гроб Господень. Нас учили во всем видеть *интерес*. Но что за коммерческая выгода вдруг повлекла миллионы людей за многие лье от их домов, замков и имений? Какому экономическому закону подчиняется это движение миллионов душ в прошлом, которое оказывает влияние и на настоящее? Эти рыцари духа, гибнувшие под стенами Иерусалима в схватках с полчищами сарацинов, неполины, уходящие в бессмертие в поисках истины и духовного идеала, — что нашли они там, у Гроба Господнего?

«Здесь Восток навсегда простится с Западом», — напишет Гегель.

Жозеф

Я — рыцарь, одетый в восточный пурпур,
Но занерта дверь в монголоидный Лувр.
Не будет свиданий у Млечных Ворот
Для тех, кто без дани врата отперет.

В 1212 году произошло одно из самых жутких событий в истории человечества — крестовый поход почти безоружных детей, большая часть которых погибла, а остальные попали в рабство.

Жозеф. Какой ужас! Куда же смотрели родители!?

Является ли все это бессмыслицей или все же частью той великой духовной исторической работы, о которой писал Чаадаев (нам нет никакого дела до этой работы!). Но мы присоединились к ней тысячу лет тому назад, приняв святое Христово крещение.

Где он, небесный Иерусалим? Там, где он и был, а, быть может, в Риме или там, где его рукотворно возвел патриарх Никон? На чьей стороне истина?

Когда Он мучительно умирал на кресте в ту пятницу, еще не было ни католицизма, ни православия, ни Мартина Лютера. И как бы Он отнесся к тому, что мы никак не можем договориться о символах веры и множестве деталей, которые представляются нам столь важными, а на самом деле не стоят ничего?

2. ТРИ ПОДМЕНЫ

Основная мысль лучезарно проста. Сверкнет молния, небеса раскроются, и появится Сын Человеческий, окруженный

ангелами, который произведет великую жатву, после чего претерпевшие до конца наследуют жизнь вечную, а грешники будут гореть в геенне огненной.

Кто попадет в Царствие Небесное? Дети, праведники, все сырые, голодные и обездоленные. Против кого гнев? Против властей, начальств, сильных мира сего, в котором правит сатана.

«Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся (на вас);

Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровища на последние дни. Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа».

«Вы роскошествовали на земле и наслаждались; питали сердца ваши, как бы на день заклания.

Вы осудили, убили праведника; он не противился вам».

Все рабовладельцы и эксплуататоры мира, кажется, должны затрещать при чтении этих строк послания Апостола Иакова.

Первая подмена не замедлила себя долго ждать. Как можно было терпеть столь радикальные коммунистические ноты? Все места Святого Писания, где говорилось нечто подобное, вычеркиваются из памяти. Благо, сделать это было совершенно несложно, ибо понятия «народная Библия», введенного Лютером, в первые века существования христианства просто не было. Самой книгой владели лишь священники, которые читали вслух то, что не слишком возбуждало верующие массы. Слова Христа «удобнее верблюду пройти через игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие» толковались сильными мира сего с точностью до наоборот.

Протестантский капитализм идет еще дальше, совершая *вторую подмену*. Освящаются буржуазная рачительность в противовес христианской щедрости, буржуазная самоуверенность и предприимчивость, как антиноды христианской самоубийственности и смиренности.

«... благодаря протестантской религии, — писал Гегель, состоялось примирение религии с правом. Нет священной, религиозной совести, обособленной от светского права или даже противоположной ему».

Браво! Священной религиозной совести больше нет! А Гегелю от этого примирения совсем уже недалеко до его знаме-

питого «все действительное разумно, все разумное действительно».

Но действительное не разумно. Оно чудовищно, преступно, страдательно. В этом мире есть любовь, радость, гений, божественное, но есть и ненависть, странное, горестное, уцепьное, дьявольское.

Уменьшает ли цивилизация страдания? «Страдания не меньше прежнего; они другого рода, эти страдания, которые чувствуются глубже, по мере того вторичного уравнивания в понятиях, во вкусах, в потребностях, которое падает по окончании сложного цветущего периода общественной жизни».

«Никогда любовь и правда не будут воздухом, которым бы люди дышали, почти не замечая его ...»

«Ибо когда будут говорить: мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут».

Мир сложной культуры, в котором незримо присутствовал Бог, сменяется «... петинно проклятой жизнью пара, конституции, равенства, цилиндра и пиджака».

Материя забирала свое, а царствие земное пуждалось в хорошем земном кураторе. Им становится Римский папа, что прямо противоречит словам Нового Завета о том, что церковь есть тело посланника Божьего. И главой ее может быть лишь тот, кто послан Всевышним, познал предательство Гефсиманского сада, в тридцати воскрес и воссел одесную Господа. Рим выдумывает хитроумною версию о том, что Апостол Петр, имевший полномочия от самого Иисуса, будучи в вечном городе, передал их местному священству. Схема легитимности, таким образом, изобретена, но совершенно не доказана, бывал ли Петр в Риме вообще и уж тем более целено предполагать, чтобы Иисус восхотел бы сделать город дьявола и Антихриста столицей Вселенской Церкви. Но фальшивый наместник Бога вступил в свои права, очевидно, получив мандат на все ужасы инквизиции. Вооруженное христианство Священной Римской империи — существовало ли на свете более вопиющее несоответствие матерьяльной формы и фактически уже испарившегося содержания? В конце девятнадцатого века идея папизма приходит к своему логическому завершению: 7 августа 1873 года папа Пий Девятый пишет письмо императору Вильгельму, в котором достаточно прямо говорит о своем праве на *царство от мира сего*: «...считаю своим долгом говорить истину всем, хотя бы и не католикам, ибо всякий приявший

*крещение принадлежит более или менее — я не могу здесь изъяснить в подробности почему — принадлежит, говорю, более или менее папе». Поскольку в религии никакие компромиссы невозможны, то Достоевский счел себя вправе дать такое переложение мыслей Пия Девятого: «Это вы думаете, что я только титулом государя Панской области удовольствуюсь? Знайте же, что я всегда считал себя *владыкой всего мира и всех царей земных, и не духовным только, а земным, настоящим их господином, властителем и императором. Это я — царь над царями и господин над господствующими*, и мне одному принадлежат на земле судьбы, времена и сроки; и вот я всемирно объявляю это теперь в догме моей непогрешимости». А уж в двадцатом веке вменательство Рима в политику превзошло всякую меру.*

Революционер из Назарета Галилейского приспособленцем не был. Он учил нас гордому внутреннему смирению, а не рабству. Главная же родовая черта цивилизации — *приспособленчество*. Цивилизация вполне приспособилась к себе церковь, а церковь очень уютно почувствовала себя в лоне цивилизации.

Тем самым совершается *третья подмена*. «Будьте не от мира сего. Дружба с миром есть вражда против Господа» — кто вспомнит сегодня эти слова?

Человек не от мира сего объявляется сумасшедшим. Идеал по-прежнему недостижим.

3. ТРИ ИСКУШЕНИЯ

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Буржуазная цивилизация принесла человечеству хлеб земной. Движение, прогресс — вот что важно! Прогресс отрицать невозможно. Изощренные удобства, быстрота передвижения в пространстве, связи, победа над многими болезнями. Делай больше, лучше, трать меньше. Автоматизм. Компьютеры. Усталость. Запрограммированность отношений. Маски вместо лиц. Механические движения вместо жестов. Поток большого ко-

личества слов в поисках мысли. Все меньше человеческого, и уж тем более божественного.

Бог требует страсти, цивилизация — работы. Страсть есть то, что идет изнутри, из самых глубин души, от Бога. Страсть омолаживает и возвышает, работа старит и изнашивает. Импульс здесь — внешний.

За весь семнадцатый век мировая экономика практически не изменилась. Показатели — на постоянном уровне. Втянувшись затем в адскую бесконечную гонку, именуемую «прогресс», человечество не может остановиться.

Мы преобразуем мир, но какими стали мы сами? «Рождается самодовольная карикатура на прежних людей, *средний рациональный европеец*, в своей сменной одежде, *неизобразимый* даже в идеальном зеркале искусства; с умом мелким и самообольщенным, со своей ползучей по праху земному практической благонамеренностью».

«Поэтому и Прудон, этот упрямый раг excellence, с жаром уверяет, что *цель всей истории состоит в том, чтобы обратить всех людей в скромных, однородного ума и счастливых, не слишком много работающих буржуа*».

Жозеф. И чем плохая цель?

Третье сословие. Средний класс. Среднее — почти синоним слова «серость». Но среднее, как идеал?! Мецанство, как идеал?!

«Было время, правила вера», — записано в Сионских протоколах. «В наше время заместительницей либералов — правителей явилась *власть золота*». «Вот почему нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума гоев самый принцип *Божества и духа* и заменить все арифметическими расчетами и материальными потребностями».

«Все исчезло: и чувство принципиальности, и целомудрие чести, для которой малейшее пятно было глубокой раной ... век рыцарства миновал, сменившись веком болтунов, экономистов и бухгалтеров; слава Евроны потухла навек».

Жозеф. Это о Французской Революции? Изяццо!

Да, мы с легкостью приняли первое искушение, отвергнутое Христом в пустыне. Эпоха рыцарства сменилась эпохой лимузинов — сверкающей на солнце мечты современной цивилизации.

«Онять берет Его дьявол на весьма высокую гору, и пока-

зывает Ему все царства мира и славу их, И говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонятся мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

В 1786 году правительство Баварии захватило бумаги тайной организации некоего Адама Вейсхаунта, входившего в Орден Иллюминатов, и опубликовала их в 1787 году. Был обнаружен план *мировой* революции и раскрыта мощная организация, охватывавшая буквально всю Европу, члены которой занимали высокие посты в государственных аппаратах и даже были лидерами своих держав. До сих пор неясно, был ли сам Вейсхаунт руководителем или второстепенной фигурой.

«Знайте, что существует заговор деспотии против свободы, бездарности против таланта, порока против добродетели, невежества против просвещения ... цель этого тайного общества власть над всем *миром* ... никогда еще подобное бедствие не поражало наш мир». Монарх «будет слугой страстей всех окружающих его, ... он будет наделять властью недостойных, вопреки собственному суждению, позоря этим самого себя». «Мы не говорим, что страна, которой правят иллюминаты, перестанет существовать, но она достигнет такой степени унижения, что в политике с ней не будут больше считаться, и что ее население сократится». Наступит «целая серия бедствий, конец которых теряется во мгле времен ... Будет вечно тлеть подземный огонь, периодически вырываясь наружу в гибельных и разрушительных взрывах».

И вот уже передовая Франция мучается в страшных количествах множество десятилетий, сменяя на этом пути все возможные в мире способы правления. И вот Россия, где иллюминаты, назвавшиеся позднее коммунистами, совершили переворот по известной уже схеме, безуспешно пытается потушить вырывающийся наружу огонь Люцифера, и десятки миллионов жизней поглощает это адское пламя.

Молодой Гете был членом Ордена Иллюминатов, позднее написав знаменитую историю юности, продавшего душу дьяволу. Быть может, чтобы сотворить божественное, нужно заглянуть в «глубины сатанинские»?

Жозеф. Ой, о чем это он!?

«Когда мы ввели в государственный организм *идею либерализма*, вся его политическая комплекция изменилась: государства заболели смертельной болезнью — разложением кро-

ви. Остается ожидать конца их агонии». «Во всех концах мира слова — «свобода, равенство, братство» — становились в наши ряды через наших слепых агентов целые легионы, которые с восторгом несли наши знамена. Между тем эти слова были червяками, которые подтачивали благосостояние гоев, уничтожая всюду мир, спокойствие, солидарность, разрушая все основы их государств». «Вы увидите впоследствии, что это послужило к нашему торжеству: *это нам дало возможность, между прочим, добиться важнейшего козыря в наши руки — уничтожения привилегий, иначе говоря, самой сущности аристократии гоев, которая была единственной против нас защитой народов и стран.* На развалинах природной и родовой аристократии мы поставили аристократию нашей интеллигенции во главе всего, денежной. Ценз этой новой аристократии мы установили в богатстве, от нас зависящем, и в науке, двигаемой нашими мудрецами».

Если есть поклонники у Бога, то найдутся почитатели и у дьявола. В 1848 году появляется «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Главный удар — против государства и религии, первое, что нужно сделать — уничтожить земельную аристократию, имеющую независимые источники доходов, первый пункт — национализация земли. И вот уже вожди российской пролетарской революции обслуживаются лакеями в золотых livres, рассеивая все иллюзии относительно «народного блага».

Да, коммунизм стал главным воплощением мечты человечества о Царствии Божием на земле. Известен тезис о том, что Христос был первым социалистом. Ведь все так логично, стройно, так по-Гегелю! Развитие всего сущего происходит от низших форм к высшим, а не наоборот. Человечество движется от менее развитых форм к более развитым, и на смену несовершенному строю должен прийти совершенный. Социализм и прогресс односторонненны. Почему же все распадается, растекается, ускользает?

«Царствие Мое не от мира сего», — сказал Спаситель. Христианство шире любых доктрин, *ибо истина от Бога, а доктрина от дьявола.*

Жозеф. Опять эти мыльные пузыри!

Свобода, равенство, братство. «Отречемся от старого мира...» «Кто был ничем, тот станет всем». Генетический код всего этого — один и тот же. «Слова либерального, в сущности,

нашего *масонского* пароля — «свобода, равенство, братство», когда мы воцаримся, мы заменим словами не пароля уже, а лишь идейности: «право свободы, долг равенства, идеал братства» скажем мы... и поймаем козла за рога... De facto мы уже стерли всякое правление, кроме нашего, хотя de jure таких еще много. Ныне, если какие либо государства поднимают протест против нас, то это для формы и по нашему усмотрению и распорядочно, ибо их *антисемитизм нам чужден для управления нашими меньшими братьями*.

Бокал игристого вина. Здесь красота и гармония, неповторимое качество, форма и содержание. Но разве *форма свободна*? Она деспотична. И в самом содержимом бокала есть нечто привилегированное, ибо оно призвано оросить наши драгоценные внутренности. Вот он падает и разбивается. Теперь эта жидкость *свободна и равна* всем грязным и сточным водам.

«Неужели еще очень далека та *точка исторического насыщения равенством и свободой*... после которой в обществах, имеющих еще развиваться и жить, должен начаться постепенный поворот к новому расклассованию и органической разновидности?»

С романтическим задором и верой в грядущее народное счастье *мы приняли и второе искушение, отвергнутое Христом в пустыне*. И долго мы еще будем метаться в темноте по длинным подземным коридорам и пещерам царства Люцифера в поисках чего-то навек утраченного — монархии ли, аристократии ли, веры ли, и вероломные поводыри будут выводить нас к свету в обмен на наши голоса.

«Потом берет Его дьявол в светлый город и поставляет Его на крыше храма, И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего».

Сегодня моральными лидерами мира считаются те, кто сбросил ядерные бомбы на два японских города. Когда писались «Протоколы», это оружие еще не было изобретено.

«*Напряжение вооружений, увеличение полицейского штата* это все суть необходимые пополнения вышеуказанных планов. Необходимо достичь того, чтобы, кроме нас, во всех государствах были только массы пролетариата, несколько преданных нам миллионеров, полицейские и солдаты». «*На каждое*

противодействие мы должны быть в состоянии ответить войной с соседями той страны, которая осмелится нам противодействовать, но, если и соседи эти задумают стать коллективно против нас, то мы должны дать отпор всеобщей войне».

Жозеф. Кто это мы?

Заряженные пушки когда-то да выстреливают, иначе зачем их заряжать? На кого надеемся мы, искушая Господа, которого даже Христос отказался искушать?

4. ГЛАВНОЕ ИСКУШЕНИЕ

«Иоанн семи церквам, находящимся в Асии: благодать вам и мир от Того, Который есть и был и грядет, и от семи духов, находящихся пред престолом Его».

«И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся, Я семь первый и последний».

«Итак, паншшш, что ты видел, и что есть, и что будет после сего».

Запшем и мы за Иоанном. Внимательно последуем за ходом его мысли. Божественное откровение или фантазмогория воспламененного разума?

Иисус одет почему-то в подир — длинную одежду иудейских первосвященников и царей. Все чудеса каббалистики разворачиваются перед нашим взором (Каббала — устное предание в отличие от письменного — Торы). Семь церквей, семь звезд, семь светильников, престол, стоящий на небе, двадцать четыре старца (человечество), четыре животных, исполненные очей, запечатанная книга и Агнец (т.е. Иисус), достойный снять семь ее печатей, четыре всадника, семь ангелов, семь труб, двенадцать тысяч запечатленных на челе из каждого колена Израиля, великое множество людей в белых одеждах, два страшных зверя, число 666, песнь Моисея, семь чаш с семью язвами Божьего гнева, радость на небе о падении Вавилона, Страшный Суд, скованный сатана, тысячелетнее царство, новое небо и новая земля, небесный Иерусалим.

Чем больше мы вчитываемся, тем больше вопросов. Угрозы «поражения смерти детей ее», якобы исходящие от Иисуса по адресу пророчицы Иезавели, им же обещанная власть над

язычниками для тех, «кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца», комментарию старца Иисусу («*вот, лев от колена Иудина, корень Давидов*»), что является явной подтасовкой, ибо Иисус иудеем не был.

«И сделал нас царями и священниками Богу нашему, и мы будем царствовать на земле». Опять земное царство!

«И возошли они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святой и истинный, не судишь *и не мстишь* живущим на земле за кровь нашу?» Так надо все-таки мстить?!

Сто сорок четыре тысячи запечатленных на челе, по двенадцать тысяч от каждого из двенадцати колен Израилевых, причем колена Иудину упомянуто первым, заставляют сомневаться в том, что остальное человечество на равных участвует в этом грандиозном действе.

Следы политической конъюнктуры (одна из голов зверя смертельно ранена, но исцелена — указание на императора Нерона, после своей гибели якобы объявившегося в Азии; совпадение числа голов зверя с числом римских правителей), глумливая радость по поводу падения города-блудницы Вавилона, под которым подразумевается Рим, чисто материальный блеск небесного Иерусалима (двенадцать оснований города выложены драгоценными камнями по числу Апостолов) и явное желание сына Зеведеева самому увековечиться. Итак, все материей начинается и материей заканчивается.

Иосиф. А что, еще как-то по другому бывает?

«Никогда еще не бывало подобной полной обособленности от всего окружающего: никогда не бывало такого явного отрицания чувственного мира, такого стремления подставить несообразную химеру... на место гармонии реального».

«Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом», — изрек Апостол Павел. Но нас это явно не удовлетворяет, нам нужны драгоценные камни небесного Иерусалима, чтобы мы не алкали, не жаждали, чтобы не палило нас солнце и никакой зной, а Агнец, как настух, водил нас на живые источники вод, и отирал Бог всякую слезу с очей наших. И мы будем петь песнь убийцы-Моисея и радоваться по поводу совершенного суда над Римом.

И в конце — снова запугивание: «И если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей».

Но доколе же нам, Владыка праведный, терпеть? Когда же, когда?! Когда сверкнет молния и раскроются небеса?

«Се, гряди скоро». «Иду, как тать». Молитесь и бодрствуйте, бодрствуйте и молитесь. «Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как все это будет».

Многие ложились на землю и ждали. Зачем трудиться, зачем желать, если конец так близок? Но вот сошел и тот род, и еще род, и ученики-Апостолы умирали один за одним. Быть может, последние доживут? Но и они превращались в тлен наравне со всеми грешниками, а Господь все медлил. Доколе, Владыка праведный?!

«Небо и земля пройдут, но слова мои не пройдут. О дне том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец».

И ЗДЕСЬ — ГЛАВНОЕ ИСКУШЕНИЕ. Не забудем о том, что сам Он ничего не писал. Работу свою проделали Апостолы. Они были рядом с Ним до событий в Гефсиманском саду, но затем эти «ловцы человеков» разбежались. И сходил ли на них Святой Дух, и на чем держалась их вера? По силам ли им было удержать планку на той небесной высоте, которую задал Он?

«А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

На экране появляется картина «Сусанна и старцы».

Жозеф

Сусанна любила жемчужные ванны
И мирную пегу в вишневом саду.
Она не знавала душевные раны
И с мужем досель пребывала в ладу.

Порок не скрывает тлетворных влечений,
Нет сил замолить дух развратных седин.
Не ведает пошлость лукавых сомнений
И грезит нестойкой глубиной перин.

Кто в страсти неистов, тот разумом ярок,
Кто знает затмение, тот знает зарю.
Венец целомудрия хрупок и марок,
Что черни пельзья, то простим ли царю?

Обилие впечатлений и информации утомило меня. Я более не подавал голоса.

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твоё было ввержено в геенну. И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твоё было ввержено в геенну».

Поскольку процесс мучения в геенне огненной является в достаточной степени плотски осязаемым, то большей частью неграмотные слушатели Его проповеди должны были зримо ощутить эти чисто материальные телесные ужасы. Но если и кара и воздаяние будут чисто материальными, то во что тогда *обращается призыв собирать сокровища на небе, а не на земле?* Очевидно, лишь в наиболее выгодное вложение капитала! *Так истина превращается в доктрину.* И сам ОН, искушая нас своим вторым пришествием, ПРЕВРАЩАЕТСЯ, жутко произнести, В ДЬЯВОЛА, ЛОЖНОГО ИСКУСИТЕЛЯ.

Но истина лишь тогда непреложна, когда «предельно сильное утверждение соединено с предельно же сильным его отрицанием, т.е. предельное противоречие». И рождается она из самых из глубин иудейско-сатанинских. Сказанное слово есть слово ложное, недаром вопрос Пилата повис в воздухе. ИСТИНА НЕ ВЫРАЖАЕТСЯ СЛОВАМИ, но она «божественно едина, воспринимают ли ее люди или чудовища, ангелы или Бог».

И не будет никакого второго пришествия. И не нужно ждать никаких зримых материальных воздаяний за веру нашу. И как знать, быть может и не обещал Он сам ничего этого, ибо как совместить отвергнутые Им три искушения и это, главное, волнующее умы уже двадцать столетий?

Второе пришествие Его — чисто материальное воплощение мечты. Но веруем мы не ради всех царств, хлебов и даже не жизни вечной ради, а лишь ради ЛЮБВИ к истине, добру и красоте. И создал нас Бог, как нечто такое, что выше животного и ниже Творца, и каждому самому решать, к какому краю быть ближе, земным или небесным царям поклоняться. И душа Его, вселяясь в нас, бессмертна, а с нею бессмертна и наша душа, ибо дух есть жизнь, а материя — смерть.

И должен был Он помирить всех нас на кресте — и иудеев и эллинов, и обрезанных и необрезанных. Но мы разделены по-прежнему, и разделяет нас *доктрина*, которая есть *наша*, плоть от плоти, кровь от крови. И надо бы осудить всякую

доктрину, доктрину *вообще*, но слова эти, еще не успев слететь с языка, уже становятся доктриной.

И если Божество рождается из отрицания чего-то, то это что-то и есть дьявол. Он отрицал иудейское фарисейство, ветхозаветного человека, но этим Он отрицал всех нас — прелюбодеев, идолослужителей золотого тельца, завистников, убийц, пьяниц, скушцов, ибо дела наших плоти хорошо известны и цена им — смерть.

Жозеф

Пришел суровый надзиратель
На жизни неумный шир.
Прервал он череду объятий
И звуки полуночных лир.

Кем послан сей поганец смурый?
Где мог от двери взять ключи?
Вскричала дивная Лаура,
Схватив два угля из печи.

И цербер вышел восвояси,
Ругательств посылая ряд,
Неся полы упрямой рясы,
Не чувствуя, *в чем* виноват.

Оденьте праздничную тогу,
Не загасите жизни свет.
Есть оправдание у Бога
Одно — его как будто нет.

И здесь у меня вырвалось:

— Скотина! — На Жозефа это не произвело ни малейшего впечатления.

Но всегда будет в наших головах какой-то идеал прошлого: для кого-то — милый мир галилейских рыбаков, для иного — наша родина тридцатых годов. И, наверное, ждет нас всех погибель, ибо не избежали мы соблазнов и живем не по-божески.

И в этом мире телекоммуникаций, запрограммированных улыбок и удачных сделок, мире, где милостыню творят перед объективами телекамер, где священник не крестит, а врач не лечит, не получив приличную мзду, в этой бесконечной череде

темных бессмысленных дней лишь огонь, зажженный ТОБОЮ, быть может, до конца не понимавшим, что ТЫ совершил, по-прежнему влечет к идеалу.

Ибо Царствие Небесное — это как бы и не царство, Сикстинская Мадонна и «Троица» Рублева — это как бы и не живопись, труды Преподобного Сергия — это как бы и не экономика, ибо тот, кто видит вдали новое небо и новую землю не может быть просто «субъектом экономических отношений», святые Евангелия это как бы не литература, ибо никто не получал за нее гонимых, а Закон Божий — это как бы и не закон.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.

И хотя иные среди нас предпочли бы решить дело, разделившись с мерзавцем в открытой честной дуэли, не прибегая к услугам дорогих адвокатов, но бессмысленно отрицать, что несомненным достижением Запада является право арестованного потребовать немедленного открытого суда или освобождения. И никак не поймем мы, что вопрос не в том, «капитализм или социализм», не в том, «культура или цивилизация», и даже не в том, «свобода или рабство». Ибо вся философия мира не стоит ТВОИХ слов: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». И сказать их мог только ТЫ, Сын Божий. И все мы — люди цивилизации, люди от мира сего, слышащие миллионы раз каждый день о том, что мир есть пошлость, пошлость, пошлость, и ищущиеся суррогатами псевдокультуры, только благодаря ТЕБЕ и сохраняем еще надежду на то, что мир есть страсть, страсть и ТВОЯ мистерия.

«Покойся же ныне в славе, благородный начинатель. Твое дело сделано, твоя божественность создана. Не страшись более, что по какой-нибудь ошибке обрушится здание, сотворенное твоими усилиями. Отныне, вне посягательств бренности, ты будешь созерцать с высоты своего божественного покоя бесконечные последствия твоих деяний. Ценою нескольких часов страдания, которое даже не коснулось твоей прекрасной души, ты купил полнейшее бессмертие. На тысячи лет мир будет в твоей власти; ты будешь стягом наших противоречий, знаменем, вокруг которого будет происходить ожесточеннейшая борьба. В тысячу раз более живой, более любимой после смерти, чем во дни твоего земного странствия, ты в такой степени станешь красугольным камнем человечества, что ис-

торгнуть твое имя из этого мира было бы то же, что поколебать его до основ. Между тобой и Богом не станут более делать различия. Ты вполне победил смерть, властвуй же царством, куда последуют за тобой, по начертанному тобою царственному пути, века твоих обожателей».

«Я Иоанн видел и слышал сие». «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь.»

Апостол Иоанн, сын Зеведеев. Остров Патмос. Предположительно шестьдесят восьмой год от Рождества Спасителя мира.

ЗАСЛУЖИЛИ ЛИ МЫ АПОКАЛИПСИС?

Этот вопрос появился на экране очень крупными буквами красного цвета.

Побежали титры. Использованы тексты Библии, произведения Николая Бердяева, Эдмунда Берка, Эдмунда Гуссерля, Константина Леонтьева, Маркиза де Люне, Александра Пушкина, Эрнеста Ренана, Дугласа Ридга, Павла Флоренского, музыка Мендельсона, картины европейских художников эпохи Возрождения.

Я был переполнен впечатлениями. Казалось, что моя плоть этого просто не выдержит. Но Жозеф продолжил пытку.

— Ну как? Все теперь понял?

— Это все надо как-то переварить, — ответил я.

— Я дал тебе полную картину. Это — квинтэссенция человеческой истории. Понимася — квинтэссенция! Здесь есть все!

— Но здесь нет одного.

— Чего же?

— Здесь нет Господа нашего Иисуса Христа. Почему нет Его изображения? Мне очень хочется увидеть Спасителя.

— Ты не можешь его увидеть.

— Почему?

— *Потому, что его не было.*

— Как это — не было!?

— Не было — и все тут! А если кто-то и был, то это не имеет никакого значения! Все, что я тебе показал — это документальное свидетельство. Никакого Иисуса там нет. Суди сам, на что похожа вся эта история? Не слишком ли много хлопот вокруг нищего демагога? В те времена, когда жизнь человеческая ничего не стоила, стали бы так долго возиться с каким-то выскочкой? И уж совсем ни на что не похоже участие во

всем этом деле Пилата. Вдумайся — неужели такой высокопоставленный римский сановник стал бы мучительно решать вопрос о некоем голодранце? Это — первое. Второе. Если исходить из Библейской легенды, то он вошел в историю и сохранил память о себе лишь потому, что обещал свое скорое второе пришествие. Только это и поддерживало его последователей. Но прошло уже две тысячи лет. Он обманул нас! Это было ложное искушение. А ложный искушитель — сам дьявол.

Он замолчал. Я не смел открыть рта.

— А теперь — то предложение, которое я обещал тебе сделать. Итак, хочешь ли ты ясности, veselости и здоровья? Я обещаю тебе, что ты более не будешь думать ни о болезнях, ни о смерти. Иными словами, я обещаю тебе жизнь вечную.

— За что же мне такие блага? Что я должен ..?

Экран снова зажегся. Бухта Хайфа, берег моря, три лье до крепости Сен-Жан-д' Акр. Жозеф в форме канрала, читает бумагу.

«Прокламация к Еврейской нации. Штаб-квартира. Иерусалим, 1 флореали (20 апреля 1789 года) VII года Французской республики.

От Бонапарта, главнокомандующего армиями Французской республики в Африке и Азии, — законным наследникам Палестины:

Израильяне — уникальный народ, на протяжении тысячелетий лишенный земли своих предков, отнятой завоевателями и тиранами, но не утративший ни своего имени, ни национального существования! Внимательные и беспристрастные наблюдатели судеб народов, даже если они не обладают провидческим даром Израиля и Ионля, убедились в справедливости предсказаний великих пророков, возвестивших накануне разрушения Сиона, что дети Господа вернутся на родину с радостным восклицанием и «они найдут радость и веселие, а печаль и воздыхание удалятся» (книга пророка Исайи, 35, 10).

Встаньте в радости, изгнанные! Эта беспримерная в истории война начата во имя самозащиты народом, чьи наследственные земли рассматривались его врагами в качестве добычи, которую лишь надо разодрать.

Теперь этот народ мстит за два тысячелетия бесчестия. Хотя эпоха и обстоятельства кажутся малоблагоприятными для утверждения или хотя бы выражения ваших требований, это война, против всяких ожиданий, предлагает вам достойные Израилево.

Провидение направило меня сюда во главе молодой армии, ведомой справедливостью и несущей победы. Моя штаб-квартира развернута в Иерусалиме, а через несколько дней я буду в Дамаске, близость которого не будет более угрозой для города Давида.

Законные наследники Палестины! Великая нация, не торгующая людьми и странами подобно тем, кто продал ваших предков всем народам, не призывает вас отвоевать ваме достояние. Нет, она предлагает вам просто взять то, что она уже отвоевала, с ее помощью и с ее разрешения оставаться хозяевами этой земли и хранить ее наперекор всем врагам.

Поднимайтесь! Покажите, что вся мощь ваших угнетателей не смогла убить мужество в наследниках героев, которые сделали бы честь Спарте и Риму.

Покажите, что два тысячелетия рабства не смогли удупить это мужество.

Поспешите! Настал час! Пришел момент, который не повторится, может быть, еще тысячу лет, — потребовать восстановления ваших гражданских прав, вашего места среди народов мира.

У вас будет право на политическое существование — как нации в ряду других наций. У вас будет право свободно славить имя Господа Бога вашего, как того требует ваша религия (книга пророка Иоиля, 4, 20)».

Жозеф. Очень забавно! Сам еще торчит под этими треклятыми стенами, а уже подписывает бумагу как бы из Иерусалима. Ничего у него не выйдет! Но место, место! Ведь где-то здесь шастал этот Илия!

Млечными тронами, пылью клубя,
Шествовал гордо пророк Илия.
Девочка ловко его догнала,
Старца за отца она приняла.

— Ты почему от меня убежал?
Вдруг, обернувшись, пророк зарычал,
Будто в пещере затравлен в ночи
Тот, кто от вечности прятал ключи.

Девочка, слышали мы, спасена,
Только лишилася речи она.
Млечными тронами, пылью клубя,
Шествовал гордо пророк Илия.

И здесь я увидел себя! С воспаленными глазами, небритого, в лохмотьях, в лагере французской армии. Меня обступили две сотни солдат в синих мундирах.

Взобравшись на какое-то возвышение из сложенных ящиков, я начал вещать.

— Мужи, братия! Солдаты революционной Франции! «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное», — сказал Спаситель. Что значит Царствие Небесное? Что для современного человека цивилизации значат эти слова? Царствие Небесное есть некий идеал, то есть понятие, максимально удаленное от реальности. Но почти всю свою новую историю христианское человечество провело в крестовых походах, религиозных войнах, реформациях, борьбе за разнообразные свободы. Идеал — это как бы и ничто, но раз за это было пролито столько крови, то это уже *нечто*! А если быть точнее, то это — *очень многое*. Это есть то, ради чего человечество делало все эти на чей-то взгляд бессмысленные движения.

Что означают слова Спасителя о том, что Царствие Небесное приблизилось? Что значит приблизилось? Может ли небо приблизиться ко мне? Если Антарктида бесконечно удалена от меня и к тому же отделена океаном, то я, естественно, не могу дойти до нее пешком. В то же время, если я делаю шаг в сторону Южного полюса, я приближаюсь к Антарктиде. Если я делаю сто шагов, то я становлюсь к ней на сто шагов ближе. А если я пройду по суше несколько тысяч лье, что трудно, но возможно, то я стану *существенно ближе* к Антарктиде, хотя пешком я ее все равно не достигну. Так и идеал — он недостижим, но допускает приближение к себе. Так и истина!

В чем же наш идеал, я вас спрашиваю?! Где голубые горы моего детства? Я предлагал друзьям достигнуть этих гор. Однако мы шли длительное время, а горы оставались все так же удаленными от нас. Товарищи говорили мне: пойдём назад! Но я отвечал им: неужели вам неинтересно достигнуть этих прекрасных голубых гор? Мы обязательно дойдем до них! — Горы возвышались перед нами, как что-то одновременно сказочное и реальное. Ясно, что это был не мираж, но мы никогда не могли пощупать эти горы руками. Не так ли обстоит дело с великими идеалами человечества? Разве свобода, христианское Царство Божие не напоминают голубые горы моего детства? И разве мы не хотим *пощупать все это руками*?

Итак, Спаситель мира обещал нам свое скорое второе пришествие. Но прошли столетия, богословы написали множество

томов на тему «Мир перед вторым пришествием», но все — напрасный промысел! Он обещал прийти, как тать, то есть вор, ночью. Но тысячи ночей прошли, сотни Шахерезад не знают столько сказок, чтобы заполнить ими все эти ночи, а Его все нет и нет! А что есть? Есть некая духовная аура второго пришествия, занесенный Дамоклов меч второго пришествия. Не успеет сей род сойти в могилу, как Он явится! А вдруг мы все-таки что-то не так поняли? Вдруг Он все-таки говорил шносказательно? Какой Он имел в виду род? Быть может, не род, как поколение, а человеческий род вообще? Его послал нам Бог. Его смерть видели столь многие, а воскресение — одна Мария Магдалина! Если Бог всемогущ, то Он должен был сделать все наоборот, чтобы Его воскресение увидели многие! Да, неграмотная молодая женщина Мария Магдалина своим криком «Христос воскрес!» сделала для человечества безусловно больше, чем все технические изобретатели! Эта чудная история — сколь многих она заставила плакать и сколь много осушила слез! У Него не было иного пути, кроме как воскреснуть, вознестись на небо и воссесть одесную Господа. Но когда же Он придет снова? И не бессмыслица ли все то, что нас окружает, не бессмыслица ли все это без него? Как истинный Бог, Он думал лишь о душе. И как Он мог иначе пленить миллионы душ, как Он мог иначе овладеть миром на тысячелетия, как не этим Дамокловым мечом своего второго пришествия?

Но я спрашиваю вас — до каких пор естественный мир может держаться на сверхъестественной основе, до каких пор может существовать цивилизация, основы которой заложены таким «практиком», как бывший обрезанный еврей — Апостол Павел? Сколь долго мир может быть построен на химере? Вера, фантазия, воображение, мистика, загадочность — все это прекрасно и возвышенно! Но есть и вторая сторона человеческого мозга, которая хочет иметь факты, доказательства, знания, как таковые! И не будет преувеличением сказать, что Иисус, будучи величайшим поэтом, полностью пренебрег этой второй стороной человеческого мозга. Разум ищет рационального. И где оно в вопросе о втором пришествии? Как долго, я вас спрашиваю, можно верить в химеру?

— Бойся Бога, Он тебя покарает, — говорили малым детям на протяжении столько веков. Может ли цивилизация бесконечно долго держаться на этом страхе?

— Люди много грешили, Бог покарает нас за грехи, наступит

нит Конца Света, — говорили нам. Мир, у которого отняли этот страх, мир атеистический превратился в средоточие безверия и неопределенности. Но чем, я вас спрашиваю, лучше состояние испуга перед неведомым будущим, перед якобы грядущими вторым пришествием, Страшным Судом и Концом Света? Разве это лучшее состояние человеческого разума — главного феномена окружающего нас мира?

Поэтому я говорю вам: *нет второго пришествия, нет Конца Света, нет страха!* Но что же тогда есть? Есть конец христианской цивилизации, конец христианства неистового Апостола Павла и добродушного Апостола Петра, конец страха. Страх, который сыграл в истории столь огромную роль, обратив в христиан многих и многих язычников. Страх, который всегда соседствовал с верой в чудо.

Ох уж эти чудеса и пророчества! Многие ли чудеса свершились, многие ли пророчества исполнились? Много ли чудес совершается в Париже? Происходят ли чудеса там, где присутствуют хотя бы несколько критически настроенных умов? Нет, они совершаются где-то на задворках цивилизации. Именно там происходят мгновенные исцеления прокаженных, восстания из мертвых, насыщения пяти тысяч, хождения по воде и явления ангелов во плоти. И многие ли из пророчеств исполнились? К каким только унижениям не приходилось прибегать, чтобы объяснить верующим, что чудо все же состоится! Смерть? Что за проблема? Смерть — лишь мгновенный сон! «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?!» Потерпите еще немного, и мы, живые, вознесемся вместе с умершими на небо, где нас ожидают все прелести тысячелетнего Царства! Но, скажите мне, каково будет нам, когда из этой тысячи останутся пять, три, два года, один год? Как можно допустить мысль о таком печальном конце этого счастья? Как же издали смотрел Апостол Иоанн! Ему, видимо, казалось, что тысяча лет — бесконечность, и, воссев вместе с братом по обе стороны от Иисуса, они славно поцарствуют тысячу лет! О, людская наивность!

Жозеф. *(присоединяется к слушателям)*
Богохульник!

Но как понимать конец христианской цивилизации, как понимать конец апостольского христианства? Означает ли это физический конец, подобный Иоаннову Апокалипсису? — Нет, нет и еще раз нет! То, о чем я говорю, есть лишь смена вех,

зонов, духовной ауры, культуры, ценностей, идеала вообще. Но не является ли все это кликушеством, желанием привлечь к себе внимание, прославиться? Что, собственно говоря, указывает нам на то, что с миром вообще должно произойти что-то особенное? Быть может, делая подобные заявления, я ничем не отличаюсь от первых христиан, возмущенно ожидавших физической гибели античного мира, императорского Рима в особенности? То, что было хорошо для мира, признавалось плохим для христианства. Благополучие века, в котором правили блистательный Траян, добродетельный Адриан, Антонин Благочестивый, мудрейший Марк Аврелий, христианством беззащитно отрицалось. Мир, в котором правит сатана, должен рухнуть, и чем скорее, тем лучше! Но то была смена эпох, великий раскол времени, явление Спасителя миру, начало нового отсчета. Реформация в Европе — еще одна попытка начать этот новый отсчет, вернуться к истинным ценностям, к истинной вере, к Христу, уйти от религии, погрязшей в культе, тысяче материальных мелочей, процедурных формальностей, слияния церкви с государством, с царством кесаря. Но последняя попытка имела лишь ограниченное значение. То, что время исчисляется от Христова Рождества, знает каждый. Что же такое Реформация, знает лишь образованный. А что происходит сегодня, на рубеже столетий? Что указывает нам на то, что этот чисто формальный рубеж, смена цифр на календаре, в то же время является чем-то более глубоким? Каково место религии в жизни современного человека вообще? Революция уничтожила церковь. Но бывают такие времена, наступают такие часы, когда религия вдруг начинает играть непомерно большую роль в жизни общества. Эти часы — часы рождения новой веры. Именно в эти часы религия вдруг начинает вмещать в себя всю политику, все право, всю мораль, всю эстетику, всю философию. В этот момент истины человек получает ответы на все главные вопросы: кто я? что есть Бог? в чем смысл жизни? в чем смысл истории? как я должен относиться к Богу, к ближнему? любовь, красота, истина — что это такое? — Это великие, возвышенные минуты.

Жозеф. Вот разошелся!

Это минуты, когда каждый, принявший новую веру, ощущает, что вся история человечества проходит через него, и он сам входит в Царство Небесное. Этот миг стирает границы Царствия Небесного и царства земного. Царство Небесное —

здесь, мы внутри него! Новая вера — это новый родившийся мир. Старый материальный мир все еще здесь, и он упорно продолжает существовать, несмотря на все грозные апокалипсисы. Но в этот момент мы говорим: *в материальном прошлом нет духовного будущего!* И мы стоим на стыке времен, мы заглядываем в будущее, перед нами открываются новые восхитительные миры. Мы восторгаемся, пророчествуем, произносим взволнованные речи, мы сами творим чудеса либо просто плачем от избытка чувств! Пророк Исайя начинал проповедь с крика: «А-а-а!». Им слов не хватало! Душа переполнена новым миром и уже не может его вместить! Нужно крикнуть: «А-а-а!».

Крики: «А-а-а!».

Исайя предчувствовал, что новый мир уже здесь, он грядет. Эта земля дышала пророчествами, стопами, возделела к новой вере. И вот Он явился! К черту всю старую мишуру! Разве любовь требует теоретического обоснования? Разве роза нуждается в том, чтобы доказывать свое благоухание? К черту иудейский Закон! Иисус вырос не из Закона, Он вырос из пророков! Ветхозаветный человек, человек слепой веры и культа — в прошлом! Начался новый отчет! Бог Ветхого Завета — Бог ревнивый. Бог Иисуса — Бог чистого незамутненного идеала, Бог, подобный солнцу. Галилеянин отменяет чуждые процедуры. «Бог есть любовь» — и все! Любая идея выражается тремя словами! Любовь — сильная страсть. *Мир есть страсть.* Но кроме любви есть противоположное сильное чувство — ненависть. Любовь — от Бога, ненависть — от дьявола! Слабые чувства в расчет не принимаются, они — лишь частный случай! Есть ли другие «точки зрения»? «Мир есть мертвая материя, рождающая всякий дух» или «Мир есть смерть». Мы выбираем «Мир есть страсть!» Мы выбираем *жизнь*, а не *смерть, страсть*, а не *равнодушие, любовь*, а не *ненависть*. То, что происходит с *мертвой материей*, так называемые *факты*, легко искажается. *Дух* обладает абсолютным бытием. *Дух* — жизнь, материя — смерть. Мы веруем в *Дух, Бога, Христа*. Мы любим Бога и ближнего. Мы любим *истину, добро и красоту*.

Какая жизнь, какая ослепительная комета! Начав действовать в тридцать лет, Он за три года совершает то, чем мир будет жить бесконечно! Разве Будда или Конфуций с их длинной, земной, такой будничной и предсказуемой жизнью и чет-

ко запротоколизованной смертью могут сравниться с блеском этой кометы? Восток созерцателен и неподвижен, Запад деятелен и активен. Буддизм — это молчание, уныние, поклонение ничему, пустому месту. Каждая мировая религия несет в себе добро, но разве мы променяем эту восхитительную историю Галилеянина, вместившего в себя весь мир, эту божественную страсть, идеалы любви и рыцарства на бессильную ширвану?

Итак, я возвращаюсь к заданному вопросу: *что особенно происходит в мире, что указывает нам на то, что мы переживаем смену эпох?* Куда идет этот мир? Неужели природа не указывает нам на то, что органичность, созерцательность, упрощение являются гораздо лучшими лекарствами для большого общества, чем лживая и искусственная добродетель, бессмысленная суета и усложнение материальной жизни? Человеку в этой жизни нужно не так уж много — жилище, пища, одежда, возможность передвижения. Цивилизация все невероятно усложнила, сделав нас подлинными рабами мира земного. При этом нам ловко внушили, во-первых, то, что для достижения материального достатка требуется большое физическое и моральное напряжение, а во-вторых, то, что человек должен быть счастлив своим положением существа практически себе не принадлежащего. Но человек от рождения принадлежит лишь самому себе и никому больше! Разве эта великая мысль наших просветителей уже устарела? Человек может сам выбрать, кому еще он будет принадлежать. Он может выбрать и рабство, но пусть он сам его выберет, а не рождается рабом из утробы матери! Всякий раб есть свободный Госнода, а всякий свободный раб Госнодень! Ловкий софист Апостол Павел, как всегда, неовторим!

По мере усложнения организации материальной жизни все большее число людей живут лживо и бесстрастно. Каково место лжи во времена распространения христианства и крестовых походов? Гораздо более скромное, чем в последующие эпохи! Цивилизация рождает *бюрократию*, культивирует всеобъемлющий *интерес*. Бюрократия развращает, обезличивает, оскотинивает. Интерес вызывает обичение, которое лишено человечности и пасквозь лживо. Отчуждение увеличивается, как снежный ком. Ложь становится всеобъемлющей, как интерес, породивший ее.

«О, святая простота!» — воскликнул Ян Гус, когда сердобольная женщина поднесла к его костру вязанку хвороста.

Она очень переживала за то, чтобы процесс прошел без срывов. О, цивилизация, ты действуешь по плану! Если запланирован костер, значит, Богу это угодно!

Откуда ждать спасения? Оно — только в нас! И мы находим его в истинной вере! Спасение не в действии, спасение — в вере!

Действием спасались иудеи. Выполни все процедуры, и ты хороший еврей! Действием спасались и христиане Нового Завета. Важно правильно молиться, стоять, где положено, заходить, откуда нужно, ставить свечку, мазать, кланяться, вкушать, окунаться, поститься. Делайте все это, и вы спасетесь! Делайте, что положено, и возвращайтесь из церкви к своим людским делам!

И разве нужны особые доказательства того, что добродетель рождается не из унорядоченных телодвижений? Иисус думал только о душе, остальное было несущественно для столь великого ума. Но после его смерти последователи оказались в тушке. В конце концов, что же Он завещал? Где четкие инструкции? Цивилизация не может без инструкций! То Он говорил, что пришел исполнить Закон и пророков, то объявлял ветхозаветного человека рудиментом прошлого. Нужно ли продолжать обрезание? И вообще, как себя вести — где стоять, куда класть? Людское племя бестолково. Иаков, брат Господень, превзошел всех в строгом исполнении Закона после смерти родственника-революционера. Но ведь Иисус из всех обрядов оставил лишь евхаристию. Надламывайте и вкушайте хлеб — это тело Христова, вино есть кровь Христова. Крест — символ известного события. Что еще? Зачем все остальное?

Но большинство утонуло в мелочах, забыв о сути. Поподобился столь мощный и деятельный ум, как Апостол Павел, чтобы уже через пять лет после Христовой смерти отважиться на первый акт протестантизма. Обрядность — лишь низшая часть религии. Главное — вера! «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Зачем жертвоприношения? Иисус стоит всех жертв, вместе взятых, Он заменил их всех! Пасха? Иисус и есть истинная пасха, пасхальный агнец. Закон? Иисус гораздо выше!

Итак, на свете появился первый протестант, посетитель истинной веры. Страшно подумать теперь, что было бы, не приобрести христианство этого своего прежнего яростного гонителя! Как малы против него остальные Апостолы, и как велик он! Его энергия обратила в христианство пол-света!

Мы любим тебя, неистовый и милый Павел! Мы восхищаемся твоей необузданной энергией, добротой и искренностью. Ты презирал тленность и создавал новые миры. Ты не видел живого Иисуса, но знал о Нем как будто больше всех Его учеников, вместе взятых, ибо ты понял существо дела! Ты поставил перед собою великие цели и не позволял мелким людям сбивать тебя с правильного пути. Ты вышел не из самого рыцарского сословия, но твоей храбрости могли бы позавидовать многие лидеры рыцарского Запада. Несколько раз тебя заковывали в кандалы, бросали в тюрьму, издевались, ты страдал от голода и холода, пускаясь в опаснейшие путешествия, терпел кораблекрушения, подвергался преследованиям, избиванию камнями и в полной мере познал людскую глупость и низость. Ты верил в свою звезду, в свою великую награду на небесах. В минуту откровенности ты как-то признался, что без веры в бессмертие ты не стал бы всего этого делать и вел бы тихую жизнь городского ремесленника со всеми ее незабываемыми радостями. Но от этого твой образ становится лишь теплее, милее и привлекательнее. Ремесло обойщика выручало тебя в тяжелых ситуациях, помогая зарабатывать на пропитание. Ты не хотел быть никому обузой, сидеть на чьей-либо шее, несмотря на то, что твоя великая миссия многократно оправдала бы малую толику хлеба насущного. Мы не знаем, какой была твоя награда на небесах, но земное человечество тебя помнит!

Было ли то знаменитое видение Иисуса в облаках на подходе к Дамаску? Что пытал ты в те минуты, когда приближался к домам своих будущих жертв, ты, тогда еще сторожевой пес Ветхого Завета, агент пуданзма? Отчего произошел тот внезапный обморок, какая духовная аура поглотила тебя? Что человечеству за дело до того, что по пыльной дороге Ближнего Востока бредет некий путник вместе со своими товарищами? Как много в мире таких путников, но как мало событий, подобных тому происшествию на подступах к Дамаску! «Что ты гонишь Меня, Савл?» — якобы произнес Сын Человеческий. И ты стал Его рабом, самым свободным из Его рабов. Христиане в Дамаске выходили тебя, как добрые лекари, и ты проснулся их братом. И мы снова видим тебя на дорогах. Как хорошо познаешь ты дороги, ведущие к Иерусалиму, дороги Малой Азии, Греции, Македонии, Кипра и других частей великой империи! Ты хорошо знал устои царства земного. И именно поэтому ты, как умелый дипломат, никогда не пытал-

ся поколебать их. Власть кесаря — от Бога! Либеральные достижения, права человека ничем тебе не обязаны. Но огонь истинной веры сохранил именно ты!

Вот ты выходишь из ворот Иерусалима вместе со своим верным спутником Варнавой, скромнейшим существом, полностью растворившимся в тебе и способствовавшим воссиянию твоей апостольской звезды, человеком, принесшим в жертву твоему необузданному честолюбию свое добродетельное «я», и начинаешь мерить своими неутомимыми ступнями тысячелетнюю дорогу. Куда ты направляешься? Ты сам пока не знаешь. Ты ждешь откровений от Господа, и Он дает их тебе, во сне ли, наяву ли. Что ждет тебя впереди? С каким сопротивлением человеческого материала, с какими закостевевшими мозгами и звериными предрассудками столкнешься ты на этих путях? Иерусалим и Дамаск, Рим и Афины, Фессалоники и Коринф, Ефес и Антиохия слышали твою порывистую и картавую речь. Вот ты в Афинах, цитадели европейской культуры. Что делать, с чего начать тебе свою проповедь? То, что ты собираешься сказать этим язычникам, можно сравнить лишь с вестями с других планет. Но ты собираешься обратиться к своей вере — не больше и не меньше! Ты заходишь в храм и в смущении останавливаешься. Не побьют ли тебя, не изгонят ли, как чужого, как пришельца, осмелившегося нарушить олимпийский покой философов и возвышенных поклонников прекрасных античных богов? Про какого Галилеянина ты собираешься им рассказать? У этих философов пока есть все основания надменно и презрительно игнорировать не слишком складные речи плохо одетого чужестранца. Но пройдет некоторое количество десятилетий, и эти олимпийские мудрецы будут вынуждены вынырнуть с их кафедр, а их мантлии паднут твои идейные наследники.

Первые речи остаются непонятными, но некоторые заинтересовались и соблазнились. Запоминай их — это те, кто своими телами образуют тело церкви Христовой. Это их будут жечь на кострах, поджаривать на раскаленном стуле, мучить на дыбе, бросать львам на съедение. А сейчас они пока лишь соблазнились и готовы слушать тебя еще и еще. Почва под твоими ногами становится все тверже — ты расцветаешь! Ты обретаешь вдохновение и божественное красноречие! Ты начинаешь священнодействовать! Готовясь к этим ответственным акциям, вы с Варнавой разучиваете несколько ловких фокусов, которые безошибочно пленят легковесных, доверчивых азна-

тов и греков. Мы подемотрели тебя и за этим занятием! Но чем был бы мир без твоих невинных фокусов? Поистине, ты держишь в руках будущее! В том, что ты делаешь, ни капли злобы и лицемерия! Ты целиком обращаешься в глагол Божий, ты создаешь духовные основы великой цивилизации! «Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью». «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода (ваша) не была бы поводом к *угождению* плоти; но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: «люби ближнего твоего, как самого себя». Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом».

Твое дело сделано, ты можешь двигаться дальше, корабль готов к отплытию! Тело новой церкви уже живет и дышит. Младенец хрупок, но он уже обособлен от тела матери. По твоим следам пошлиот разрушителей этого великого творчества, верных хранителей Моисеева Закона, считающих тебя средником и печадием сатаны. Но льдина уже откололась от материка, и ее уже не приклеить назад никаким клеем! Твои поклонники уже стали подданными Господа. У них более нет отечества, их отечество — Царствие Небесное! Пусть этот мир рухнет! Что значит это крушение для наследников жизни вечной?

Ты снова движешься навстречу стихии. Ты снова строишь грандиозные планы. Если бы Атлантида все еще существовала, ты обратил бы в христианство и ее обитателей. Мы видим тебя на палубе корабля. После временной размолвки с Варнавой тебя сопровождают другие преданные сотрудники — Лука (это он пишет самое поэтическое Евангелие), Тит и Тимофей. Если это требуется для главного, ты готов пойти на уступки. Тринадцатый Апостол обязан помириться с учениками самого Иисуса, и ты делаешь это. Ты согласен на обрезание юного Тимофея, во время последнего пребывания в Иерусалиме ты идешь и на униженный обряд иудейского покаяния. Тебе обривают голову и подвергают заточению в храме. Несмотря на все уговоры учеников, ты соглашаешься на страшные испытания, дав заковать себя в кандалы. Твоя душа ничуть не пострадает от этого, но тело уже никогда не будет свободно. Ты исполнил свой вселенский долг до конца, ты пил чашу людского гнева и непонимания. Но как расставаешься с тобою те, которые предчувствовали, что больше никогда не увидят любимого учителя! Была ли в их жизни большая

печаль, чем расставание с тем, кто наполнил их жизнь божественным смыслом? Но даже в кандалах ты творил чудеса. Без твоего неукротимого оптимизма корабль, доставлявший закованному колоссу в Рим, наверняка затонул бы. Твой опыт морских странствий и кораблекрушений спас всех пассажиров пехитрого судна. Перед твоим обаянием не устояли даже римские легионеры! Мы не знаем, какой была твоя смерть. Что проку в баснях и легендах?

Мы обожаем тебя, святой Апостол Павел! Тебя так много в духовном озоне человечества! Понетине, ты — второй в этом смысле после Иисуса! Это ты питаешь все духовные революции, добродетельное бунтарство, это ты двигаешь рукою Мартина Лютера, пишущего свои знаменитые «возражения»! Когда цивилизация запыляется жиром, кичится своим достатком и плотским благополучием, когда торжествует дух Петра, вдруг снова являешься ты, мировой непоседа! И снова воинство Христово одевает свои доспехи и идет в неведомые дали в поисках Царствия Небесного.

Но мы любим и тебя, официальный староста учеников Иисуса, мы любим и тебя, святой Петр! Тот владел сомнительным титулом Апостола язычников, ты же всегда «шел в русле»! Кто мог сбить тебя с правильного пути? Семья и отечество — дела земные, и ты никогда особенно не удалялся ни от того, ни от другого. Павел был безбрачен и нескромно советовал то же и другим. Но ты, галилейский рыбак, был добрым семьянином. Незаурядность всегда вызывает недоверие, ты же был ровен и понятен. Но с этими бунтарями — сплошные хлопоты! Как поступать, оказавшись меж двух огней? Как примирить огневых спорщиков? Когда две противоположных доктрины сходятся в лобовом столкновении, как вести себя добродушным рыбакам? Хороший ли из вас миротворец, святой Петр? Нет, ты не заставил нас краснеть за тебя! Не нужно разрешать споры немедленно, Соломоново решение иногда бывает самым мудрым! Пусть они переживут себя, эти споры и казавшиеся такими неразрешимыми противоречия! Понетине, ты — хороший ученик Иисуса. Тот, видя безвыходность спора самовозвышающихся честолюбив, поднимал в воздух ребенка и говорил: «вот — наибольший!» Боги всегда пытались нас примирить, но мы так пренебрежительны к их заботам!

Тебе также заботливо приносили владение языками, но рыбаки редко овладевают заморскими диалектами. Даже греческий не покорился тебе, ты не мог проповедовать без Иоан-

па-Марка. И вряд ли ты слишком далеко уходил от родного дома. Римские легенды красивы, но ничем не подтверждены, кроме рассказов восторженных экскурсоводов. И к чему тебе все эти далекие путешествия, когда все самое дорогое — здесь, в земле обетованной? Павла помнили в римском гетто *porta Portese*, твоих следов там не обнаружено.

Вряд ли вы могли любить друг друга. Вечная слава доброму Луке, он хорошо поработал, примирив вас на бумаге. Но спор об обрезании не удалось скрыть даже самым умелым апологетам.

Мир есть чередование последовательных состояний господства духа Петра и Павла. Консерватизм и революция — таковы две стороны этой медали. Риму всегда был милее дух Петра. Видя, что галилейский рыбак оставил не слишком богатое духовное наследство, выраженное в первом послании, христианство сочинит второе. Но, скажите, не становится ли Новый Завет лишь сборником прекрасных легенд?

Жозеф. Куда хватил!

Ведь сам Иисус не написал ни одной строчки, и в этом заключается величайшая загадка. Поначалу ждали обещанного скорого второго пришествия. Никому пока в голову не приходит переписать бумагу воспоминаниями. Петр откровеничал о том, что часто просыпался среди ночи и освежал в памяти речи Учителя. Но проходили десятилетия, юности времен странствий Иисуса поседели и начали сходить в могилу, и пахлынуло беспокойство — нужно сохранить предание! Мы никогда не узнаем, кто первый взялся за перо, кто первый превратил чернила в слова Нагорной проповеди. Кто держал в руках эти клочки бумаги, где он прятал их? Как трепещет сердце при мысли, что он владеет грядущими тысячелетиями! Первый памятник, обращенный к вечности, — Евангелие от Марка. Второе, от Матфея, написанное явно не мытарем — Апостолом, превосходит первое и заслуженно ставится во главу. Лука заставляет мир затрепетать от восторга — такая поэзия может иметь только божественный животворный источник! Он же создаст величественную картину чудесных деяний Апостолов. Довершает дело мрачный доктринер Иоанн с написанным на Патмосе Апокалипсисом и его ученики с Евангелием от Иоанна. Накладки текстов очевидны, одни и те же эпизоды повторяются по два раза, различия стилей выдают разных авторов.

Но до каких пор духовными основами христианской цивилизации могут быть басни и легенды, при всей их поэтичности?

Жозеф свистит. Впечатление таково, что свистят очень многие.

Не пора ли назвать соску человечества тем, чем она на самом деле и является — соской?

Жозеф свистит.

Может ли духовная жизнь цивилизации бесконечно долго базироваться на чудесах, неподтвердившихся пророчествах, ловких фокусах Павла и Варнавы, изобретательных фантазиях учеников и благих пожеланиях? В свое время Христос ответил на все вопросы. Но разве мы имеем сегодня все ответы в этом, столь сильно изменившемся мире, мире, основы которого заложены Петром и Павлом? Иисус — вдохновитель, Петр и Павел — строители храма Господнего. Иисус — тело храма, Павел и Петр — прорабы и каменщики. Прочь чудеса, пророчества, фокусы и рыхлые благие пожелания! Не пора ли подумать об *истинной* вере, вере самого Иисуса? Прощайте, неистовый Павел и добродушный Петр! Нам было не всегда хорошо с вами эти две тысячи лет, но это было загадочно, чудесно, божественно! Вместе с вами мы то приближались к истине, то удалялись от нее. Мы не говорим вам «прощайте навсегда», мы говорим «прощайте», простите, быть может, мы вас в чем-то не поняли!

Здравствуй, Галилеянин из Назарета!

Жозеф свистит.

Мне продолжить или вы утомились?

Крики: «Продолжай!»

Здравствуй, Галилеянин из Назарета! «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное!» — как прекрасны эти твои слова! Оно действительно приблизилось, ибо мы снова обретаем Тебя! В данный момент мы все, собравшиеся здесь, думаем о Тебе. Ты — в нас, душа Твоя — в нас, Твоя душа бессмертна и с нею бессмертна и наша душа! «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом», — сказал один из Твоих обожателей. Что есть невидимое? Душа и есть неви-

димое! Существует ли связь двух душ, думающих об одном и том же? Да, и тем более миллионов! Их энергия наличествует в мире. А разве энергия Иисуса полностью исчезла, растворилась во Вселенной? Она — в нас, в наших душах, в мировом духовном эфире, в *духовном озоне*. Озоновый слой — это очень высоко. Мировая духовность — духовный озон. Озон — в мире, мир — в озоне. Иисус — в озоне, и этого достаточно для того, чтобы верить! Нам не интересуют физические теории. Но, скажите, что-то есть или все же ничего нет?

Крики: «Есть!»

Иисуса очень много в озоне! Духовный озон — реальность! Он существует, даже если исчезнут все носители душ. Он и есть Царствие Небесное!

Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное! Мы входим в него! Мы — в нем! И оно — в нас!

Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный! Походите более на Бога, а не на животное — не в этом ли смысл жизни, не в этом ли смысл истории, не в этом ли путь познания истины? Мы желаем быть рядом с Тобой, Галилеянин из Назарета! Мы желаем быть с Тобой без папы Римского, кардиналов и епископов с их мелочной регламентацией! Мы желаем говорить с Тобой непосредственно! Мы желаем истины, а не доктрины, человеческого добра, а не профессиональной святости, мы желаем рыцарской романтической любви, а не брачного контракта, мы желаем красоты, а не эстетствующей порнографии!

Жозеф. Bravo!

Государство — стыд наш! Мы отрицаем его ради свободной христианской совести, рыцарской любви, христианского романтизма, духовного озона христианства!

Итак, религия тысячи материальных мелочей или истинная вера? Погрязнув в чудесах, пророчествах, колдовстве и фокусах, мы стали подлинными язычниками. Впрочем, мы ими и были всегда! Не пора ли сказать в полный голос: *«Из язычников — в христиане!»*?

Мы не отвергаем чувственный мир, но мы погружаемся в духовный озон. Весь мир так или иначе присутствует в озоне. Не *интерес*, как атрибут цивилизации, не *принцип*, как атрибут партийности и сектантства, а *божественная страсть*, как существеннейшая черта свободного разума и содержание

духовного озона. Малая закваска Иисуса заквасила все тесто! Не поклонение Ничто, пустому месту и сопутствующая этому бессмыслица, как в буддизме, а духовная активность, страсть к познанию истины, романтическая любовь!

Главный психологический барьер, который мы должны преодолеть, состоит в том, что современная церковь считается наследницей великих духовных идеалов, самого Христа. Это так и вместе с тем не так! Честь и слава тем скромным священникам, которые каждодневно выполняют свою малую и вместе с тем великую работу! Разве может такой священник, который многие годы в одни и те же часы говорил прихожанам одни и те же слова, вдруг воскликнуть: «Я прозрел! Оказывается, это совсем не так, это иначе!». Какими глазами посмотрели бы на него люди? Мир есть многообразие, и слава Всевышнему, что Он допускает существование и этого скромного священника, и такого еретика, как я! Но какие истины могут нести нам современные фарисеи? Что они могут предложить нам сегодня? Апокалипсис? Сказки о Ноевом ковчеге? Поэтому мы отрицаем организацию, иерархию, доктрину, власть. Организация — вместительница доктрины. Разве истинная вера нуждается в организации? Иисус создал школу. Один из учеников этой школы предал Его. Быть может, не будь той организации, дело обернулось бы иначе? Организация есть гибель духа, угасание страсти, любви, веры.

Христианская цивилизация Петра и Павла накануне смены эпох, накануне перехода к новым способам существования человеческого рода. Наступает кратковременный момент истины, который затем сменит новая доктрина.

Остановись мгновенье, ты прекрасно! Живая протоплазма первоначального христианства существовала по крайней мере три века, пока на ее место не заступила богословская доктрина. Три века — не так уж мало! То была целомудренная юность христианского человечества. И сейчас мы наблюдаем его развратную старость...

Быстро ничего не происходит, но важно понять, *что* происходит! Злорадное ожидание Конца Света и глумливое торжество по поводу любой неудачи империи — вот чем жили первые христиане. Я предлагаю вам иное мирозерцание, основанное на *спокойном осознании конца христианской цивилизации Петра и Павла*. В период господства доктрины важны материя, факты. В момент истины важны идеи. Вернее, они важны всегда, но в момент истины это понимают

даже ограниченные люди. *Старые предрассудки несовместимы с новой оболочкой мира.* Духовный озон разрядился и требует нового насыщения!

Я задаю главный вопрос, я не боюсь его задать: *«Бог или Человек?»* И да будет слово наше «да-да, нет-нет», а что свыше, то от лукавого! И я отвечаю: Человек, Человек, рожденный от Марии и Иосифа, Человек, имевший полное право сказать о себе: *«Я — Сын Божий»*. И не на пустом месте родился Его слова: *«враги человека — домашние его»*, ибо так велика была пропасть, отделявшая Его от окружающих. Право, по которому Иисус назвался Сыном Божиим, есть отрицание римского права. Человек, ставший Богом, сотворивший духовный озон, которым дышит христианская цивилизация. Человек-человечество, Человек, вместивший Вселенную и завещавший нам: *«будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»*. Христос поднимает планку на недосягаемую для цивилизации высоту. Он предложил нам правдивейший *максимум*. И в этом все дело!

Новая вера — это новое небо и новая земля (единственный подлинно поэтический образ Иоаннова Апокалипсиса!). *Обновленная вера дает новое наполнение культуры, новый смысл жизни и истории, культура меняет связующую с ней цивилизацию и весь мир.*

Цивилизация знает товар, но знает и *контрабанду*. Культура тоже бывает легальная и контрабандная. И мы спрашиваем у этих «деятелей культуры»: а как вы, собственно говоря, сюда попали? Жвачка, которую нужно выплюнуть через пять минут — вот их культура!

Лидеры этого мира сегодня клянутся на Библии! То есть они клянутся на Моисеевом Законе, где Господом повелено *«не оставлять в живых ничего, что шевелится»*. Зачем они вообще клянутся? Ведь Христос говорил: *«не клянись вовсе, ни небом, потому что оно — престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным»*.

И все же Евангелия, несмотря на всю свою сказочность, придают неповторимое обаяние христианству! И если даже будет создано Евангелие новой веры, Святые Евангелия останутся вечным утешением греховного и вместе с тем доброго человечества!

Но что за символ у той веры? Бог-Отец, Сын Человеческий

и Святыи Дух. Что есть Святыи Дух? Что это за аристократический, избирательный Дух, который является столь немпогим и столь редко? На кого Он спсходил и когда зафиксирован последний такой случай? Вопросы наверняка останутся без ответа. И что они принимали за этот Дух — дуновение ветерка, скрип половицы?

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Что это означает? И кто может объяснить природу этого фантома? Мы любим глубокомысленно цитировать это, но как оно накладыается на реальность? И что есть Бог-Отец, сам Всевышний?

Жозеф. Куда замахнулся!

Мы представляем Его не иначе, как сидящего на небесном троне мудрого старца, подобного нам. Бога никто никогда не видел. Верить или не верить в сверхестественное — вопрос индивидуального выбора каждого. Сколько мы себя помним, Он никак не обнаружил Своего присутствия. Рациональных доказательств нет, как нет и доказательств противоположного.

Буддизму хватает одного Будды, нам нужна Троица. Но разве недостаточно самого Христа и духовного озона, в котором Он пребывает?

Нагорная проповедь бессмертна. «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь все до последнего кодранта». Не обращай в суды, *не судись*, а мирись с соперником напрямую, как человек с человеком! Темпераментный и конфликтный Павел также осуждал обращение к судам, как нечто недостойное верного христианина. Не спорь, не судись, отдай кесарю кесарево, а Богу — Богово! Гениальный ум Иисуса нацеливает единственно возможный способ общения христианина с властью — не соприкасаться с ней, не бояться, но вместе с тем остерегаться ее, как остерегаются помойки, ни в какой мере не участвовать в политике. Он отказывается примкнуть к мятежу, который поднял Варавва, как и раньше в пустыне отвергает царство земное. Впереди Суд Божий, что значит против него суд человеческий? Закон Божий важнее всякого человеческого права! Много ли размышлял Иисус о демократии, и знал ли Он вообще, что это такое? Святое Писание уповает лишь на *царство*. Античный мир держался завоеваниями, пышущий

— голосованиями. Вслед за «не судись!» Он должен был бы воззвать и «не голосуй!». Пусть власть сама с собой разбирается и пожирает себя! Что за дело нам до этого, нам, входящим в Царство Небесное?

Первые христиане угрюмо и архаично избегали всяких общественных дел, собраний и демократических процедур, за что на них доносили властям, которые, в свою очередь, подвергали этих подозрительных гонениям и преследованиям. Вместо архаичного неучастия в политике я предлагаю вам *сознательное неучастие в политике*. Пусть власть почувствует свое одиночество! Чем они тогда будут клясться, на каких струнах играть? Не голосуй! Само слово «голосуй» означает упование на сознательную человеческую речь, а не на безмолвное и безликое опускание бюллетеня в урну. Не голосуйте, я голосую за вас! Мой голос стоит миллионов бюллетеней! Не политиканствуйте, я сам вбираю в себя всю ванну политику!

Шум.

Власть привыкла играть на струнах наших душ. Для этого у нее есть газета, то есть то, что выделяет печеноты и плаки. Неужели человеческая жизнь столь недорога, что ее нужно расходовать на потребление этих плаков и печенот? Неужели нам не остается больше ничего, как напряженно внимать голосу тех, кто имеет единственную задачу подороже продать свою болтовню? нас ждут непрочитанные Данте и Шекспир, неужели же мы будем засорять мозги ложью? *Не потребляй ложь* — вот наше отношение к так называемой четвертой власти! Не потребляй ложь, и пусть они расходуют свою энергию и голосовые связки в пустоту! Прелесть мира не имеет к этим юродивым и верноподданым ни малейшего отношения! Пусть эта стая гончих несов преследует миражи!

Не судись, не голосуй, не потребляй ложь — вот естественные правила поведения христианина истинной веры! Будьте похожими на Бога! Вот ключ ко всему — как поступал бы Бог, оказавшись в человеческой оболочке? Он пошел бы к избирательной урне, Он обратился бы в людской суд, Он читал бы газету? Если я хочу быть похожим на Бога, я не сделаю этого! *«Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут им; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь и немногие находят их»*, — учил Спаситель.

И эти врата ведут туда, где мы обречем землю обетованную и новое небо, где мы познаем новый способ существования без лжи о свободе, равенстве и братстве. Что значит это самое «быть свободным»? Стать богатым? Но это невозможно без греха, а раз так, то ты будешь рабом этого греха, рабом богатства, рабом своей разрастающейся, как снежный ком, отчужденной жизни. А богатство надо собирать не на земле, а на небесах, где ни моль, ни ржа его не подточит и воры не украдут! Или, может быть, надо резко изменить условия своей жизни, все бросить, уехать сражаться в дальние страны и таким образом познать истину о свободе? В момент принятия решения, *на короткий миг, ты действительно свободен*. Но эта свобода является лишь насменкой над здравым смыслом. Есть лишь одна свобода — *свобода в духовном озоне*. Кем бы я не был в моей материальной жизни, я имею богатство на небесах, никто не отнимет у меня Христа. Я сам вхожу в Царствие Небесное! У меня есть Бог и любовь! Я свободен.

«Христос воскрес», — говорим мы. Так и нам надо воскреснуть, обрести Христа истинного, а не вариации на ветхозаветные мотивы и апостольские басни. Воспрянуть — вот задача! Подняться в небо — вот работа!

Дышать духовным озоном. Добывать в поте лица хлеб свой — господин ты или раб. Если господин — не возгордись этим. Если раб, то удел твой — гордое внутреннее смирение. Нет свободы, равенства, братства *вообще*, но есть свободный дух Христов, есть равенство во Христе, равенство братьев Христовых. Будем свободны в том, что подвластно нашей христианской совести! Поняв, в чем *истинная вера*, в чем *главное*, человек может начать жить в том мире, который он считает истинным, то есть создать вокруг себя этот мир, отсекая все ложное и безразличное. Разве политике, этой мышиной возне, есть место в этом истинном мире?

Найди свою стезю и иди по ней, и пусть огонь страсти Христовой освещает тебе путь к идеалу. Найди свою любовь, которая будет вечной, как вечна божественная страсть. Пусть око твоё будет чисто, тогда и тело твоё будет светло. Но если свет, который во тьме — тьма, то какова же тьма? Мы — не шарахающиеся из стороны в сторону ягнята, нам не нужен бессильный протест ради абстрактной свободы. Мы — христиане, погружающиеся в духовный озон, не стесняющиеся черной работы, более свободные, чем живущие отчужденной

жизнью обладатели земных богатств, бесконечно удаленные от Царствия Небесного. Рабу нечего стесняться, если око его светло, разум незамутнен, любовь чиста! Органичность, естественность, простота. «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?»

Христианство — не доктрина, а сама истина! Чем опасна доктрина? Порабощением разума!

Можно ли вообще предположить существование некоего слоя враждебных человечеству особей? Да, если они — вместилище разрушительных доктрин!

Что нам делать с ними? Ничего, иначе мы не были бы христианами. Мы имеем право говорить лишь об идеологах и вождях, которые задалась целью сделаться царями Вселенной.

Власть золота, мещанство, мировая империя лжи убивают в человеке духовность и любовь. Равнодушные потребители материальных благ лишь формально могут быть христианами, даже если они регулярно служат обедню. Номинальное участие в богослужении не может обмануть внимательного наблюдателя. Показное уважение к священному действию, во время которого можно сморкаться, тыкать товарища в бок и заливаться идиотским смехом — один из интригов характеристики лживости цивилизации. Физически мир не гибнет, но он все больше походит на старого развратника, больного позорными пелюгами. Храмы стоят на прежних местах, но ничего не подозревающие прихожане уже стали пленниками лодоседской доктрины. Узаконенный *разврат* — естественный итог саморазвития идеи свободы, как «анархии протеста ради протеста», довершает обращение человечества в *дьяволочеловечество*. Сие состояние может длиться весьма долго. Выбравшие царство земное и хлеб земной могут быть вполне довольны своей бессмысленной бренностью. «И, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь», — сказал Спаситель.

Если такая цивилизация встречается с другим миром, то ее «всемирная управа» неизбежно захочет уничтожить этот мир. Тогда пушки наконец начнут палить, и все может закончиться физической гибелью.

Но нет фатализма! Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное!

Мы открываем двери нового мира! И я говорю вам:

НЕТ ВТОРОГО ПРИШЕСТВИЯ ХРИСТА, НЕТ КОНЦА СВЕТА, НЕТ СТРАХА!

ЕСТЬ КОНЕЦ АПОСТОЛЬСКОГО ХРИСТИАНСТВА ПЕТРА И ПАВЛА, КОНЕЦ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, КОНЕЦ СТРАХА.

НЕ ЗЛОРАДНОЕ ОЖИДАНИЕ КОНЦА СВЕТА И АРХАИЧНЫЙ УХОД ОТ ПОЛИТИКИ, А СПОКОЙНОЕ ОСОЗНАНИЕ КОНЦА ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО ЗАВЕТА И СОЗНАТЕЛЬНЫЙ УХОД ОТ ПОЛИТИКИ.

НЕ СУДИСЬ, НЕ ГОЛОСУЙ, НЕ ПОТРЕБЛЯЙ ЛОЖЬ!
ИЗ ЯЗЫЧНИКОВ — В ХРИСТИАНЕ!

ДОКТРИНА КОНЕЧНА, ХРИСТИАНСТВО — БЕСКОНЕЧНО!

НЕ ДОКТРИНА, А ИСТИНА ВО ХРИСТЕ!

НЕ РЕЛИГИЯ ТЫСЯЧИ МАТЕРИАЛЬНЫХ МЕЛОЧЕЙ,
А ИСТИННАЯ ВЕРА!

В МАТЕРИАЛЬНОМ ПРОШЛОМ НЕТ ДУХОВНОГО БУДУЩЕГО!

Я схожу с невысокой трибуны и прошу солдат расстушиться. Они молча выполняют эту просьбу.

Жозеф, обращаясь к рядовым:

— Какая страстная жестикуляция! А эти повышения, понижения голоса, паузы, как много оттенков чувств, это просто завораживает!

Еще приблизительно двадцать минут солдаты стоят, как будто ожидая чего-то нового и пытаясь осмыслить услышанное, причем первые минуты царит абсолютная тишина.

Палатка главнокомандующего.

Бонапарт. Жюно, мы уходим. Проклятые англичане все нарушили. Мы не можем здесь более оставаться, осада не удалась. Два потерянных месяца! — Выглядывает из палатки. — Капрал!

Жозеф. Да, гражданин генерал!

Бонапарт. Разберитесь с этими двумя предателями.

Жозеф. Никакого решения по ним не будет?

Бонапарт. Капрал, у нас нет времени на голосование. Разберитесь сами! Я ничего об этом не знаю.

Жозеф. А с проповедником?

Бонапарт. С каким еще проповедником? Капрал, я полагаюсь на ваш здравый смысл!

Жозеф. Слушаюсь, гражданин генерал!

Уходит.

Жозеф, солдаты, я и два предателя.

Жозеф. Восполним недостающие кадры ... Целься!

Делает длительную паузу. Мы с Жозефом смотрим друг другу в глаза.

Огонь! — Трое падают.

Французская армия покидает лагерь. Жозеф получает задание переодеться в итагетское и направиться в Дамаск с особой миссией. На подходе к Дамаску он наблюдает видение в небесах — расстрел тронх.

Экран погас.

— Вот так это бывает! — отрезал Жозеф. — И никто не виноват. Бонапарт — не больший убийца, чем Пилат. Все это обычно происходит гораздо будничнее, чем изображают баснописцы! Но дальнейшее — в наших руках. Важно подать все так, чтобы произвести макенмальное впечатление на легковерных! Можешь считать, что увиденное тобой уже принадлежит истории. Будь поуверенней! Ты можешь говорить, обращаясь к вечности!

Он сделал паузу.

— Итак, ты — создатель новой веры.

— Но эта вера все равно называется христианством?

— Неважно, как она называется! Я жду твоего ответа. Одно «да» — и ты имешь все, чего только можно пожелать!

В опрятном и ласковом литературном подвальчике «Четырнадцатый Апостол», где по вечерам никогда не собиралась патристически настроенная буржуазия, за столиком, расположенным под зарешеченным оконцем, через которое пробивался тусклый ноябрьский дневной свет, сидели двое очень непохожих друг на друга людей — один с внешностью Фауста, а другой — с внешностью Мефистофеля.

Жозеф назначил мне встречу в этом кафе, и в определенный час я явился. Миллион сомнений разрывали мою душу. Если во всем этом есть какое-то зло, то в чем же конкретно оно заключается? Я прокручивал в своей голове кадры и тексты из первого фильма. Все это казалось мне неполным мудрости, трогательности и добродетели. Произнесенная (якобы) мною речь правилась еще больше, а кусок про Апостола Павла вообще выглядел, как возвышенная поэзия. По сути дела, Жозеф предлагал мне произвести лишь одно «хирурги-

ческое вмешательство» — удалить Иисуса. Чем это нам грозит? И, вообще говоря, не является ли христианство исторической случайностью? А если бы обстоятельства сложились так, что идея просто бы угасла? Значит, история человечества была бы совсем другой и культура была бы иной, не христианской. Как знать, может быть, все получилось бы лучше?

Дух небытия и отрицания ... Дух сомнения ... Я решил начать первым:

Опять со мной ты, дух сомненья.

Скажи, дружок, который час?

Жозеф

И где б тебе набраться лени?

Дай отдохнуть хоть в жизни раз!

Я

Грубишь, приятель. Нам с тобою

Не покорилась три мечты.

Зовется первая любовью,

Тут все мученья красоты.

Вторая — просто вдохновенье,

Но неподвластное царю,

И третья — вольное томленье,

Что я опять боготворю.

Жозеф

Боготворишь? Мне крен неясен,

И что свободой ты зовешь?

Был вывод твой вчера прекрасен,

И вновь меня ты предаешь?

Где ж принципы, что так лелеял?

Ведь ты свободу развенчал.

И раз ее мы не имеем,

Пустышкой всеу обозвал.

Закончился твой вольный выбор,

Но вот уж время моего ...

Я

Напрасен пафос этих игор,

И не добьемся ничего.

Ведь шага одного не ступишь,

Чтобы соседа не задеть,

Да все рабов нещадно лужишь,

Чтоб не обманывалась впрямь.

Свободой лишь цари богаты,

И то, твердят, силовой обман,

Набедокурят — виноваты,
И не спасает высший сан.

Жозеф

Опять, дружнице, упрощаешь,
Давно известен жизни код.
Постройшь — а затем сломаешь,
Откроешь и закроешь рот.
Экклезиаста дух смиренный,
Бывало, в тяготах цепил,
Но тот вопросец наш нетленный
И он вполне не разрешил.
Так кто свободен в этом мире —
Монарх, поэт, любовник, жрец?
Миллионы глав даны секире —
Не прояснен тяжбы конец.

Я

То философия пустая
Тебе покоя не даст.
Гляди — веселых птичек стая
Летит — и все вперед, вперед!
Откуда знают направление?
Инстинкт и верный знак веков!
Не ведают они сомненья,
Свобода — много пыльных слов!
Есть вечные судеб законы —
Земное царство, дух Христов,
Семья, моральные каноны,
Отечества все сто веков.

Жозеф

А так ли сто? А, может, десять?
Со счетом все ль в порядке тут?
Напрасно уши я развесил
Про то, как в лапти был обут.

Я

Не придирайся! Дело в сути,
Не опровергнешь сих основ.
Видали много всякой мути,
Но крепок памятный остов.
Прикинь — какая тут свобода?
На все божественный предел.
Проходит дьявольская мода,
Обширен список добрых дел.

Все заповеди неделимы,
И петина — на всех одна.
Набралась силы Пигиримы,
Пойдет за ними вся страна.
Свободный дух — одно распутовство,
Для молодежи — сундучий ад.
Разброд, шатанья и блудство,
Кудлатых пехристей парад.

Жозеф

«К свободе призваны вы, братья», —
Не твой Апостол говорил?
Святых отцов кренки объятья,
И все ж признаться нету сил?

Я

Был Павел мудр, смирен и точен,
И к топору он нас не звал ...

Жозеф

Но с обрезанием покончил,
Как будто первый либерал!

Я

Не либерал, а реформатор...
Вернее, первый протестант.
Он — смелый экспериментатор,
В вопросах веры — не педант.

Жозеф

Но против плоти бунтовал он
И заял, точно ценный пес.
Он, правда, уступал им в малом,
Но веры пламень нежно нес.
Учил безбрачью, похваляясь
Своей мятежною судьбой.
Снаешь верой, крест и благость —
Его оружие в схватке той.
Но был он в цене вдруг закован,
Доставлен в Иерусалим,
И к покаянию силой склонен,
И надругались над ним.
Я Каков же вывод? Торжествует
Слепая серость над творцом,
И вместе с ним свободу губит.
Что толку — назван он отцом?
Где человечеству прибыток

От этих жарких буггарей?

Жозеф

А что хотел бы — злата слиток?
А, может, миллион рублей? —
Инь — буржуа в Христовой вере!
И все умеют примирить.
Бог и маммона в полной мере
Довольны ихним «рад служить!»
Оторвались от идеала —
Ты б это так, мой друг, назвал?
Крестовых маршей было мало,
Чтоб этот бред от вас отстал?

Я

Не богохульствуй, некуситель!
Светла идея и чиста.
Будь славен доблестный воинствитель
Во имя веры и Христа!

Жозеф

Большой успех имела *секта*,
А вдруг бы не вынул жребий тем,
Кто внес загадочную ленту
В то, что не понято никем?
Абсурдна вера? Превосходно!
А тело Сына — где оно?
Воскрес? — Оно уже не модно,
И не похоже ни на что!

Я

Ты что несешь, хулигель ярый!?
Не мы ввели, не нам менять!
Тебя ж постигнет Божья кара
И ангелов небесных рать!

Жозеф

Почтенье молча выражаю
Пред бесконечностью времен,
И в сонме звезд души не чаю,
Но Бога нет, пусть я грешен!

Я

Так-так, дождался я признанья,
И как прикажешь понимать?
Вот до чего доводят знанье,
Любовь сомнению подвергать!
И что без Бога сотворим мы,

Какне светлые плоды?
Подкошен, рухнул гений Рима,
Лишь *секта* стала брать бразды!
Святые, иконы, иконы,
Сомнения небесных душ
И богочеловечьи жены ...

Жозеф

Не выдохнуть, не продохнуть!
А где любовь, где возделенье?
Его, как жизнь, боготворю.
И творчество, и вдохновенье!
А плод всего — тебе дарю.

Я

Кому — тебе? Что, мне?

Жозеф

Так точно!

Я

Без Божьей искры что за плод?

Жозеф

Я не бессмыслен. Полномочен.
И знаю семь бессмертных пот.

Я

Ах, богочеловек? Серьезно!?
И как тебя вдруг занесло?
Но умоляю, даже слезно —
Склони пред Господом чело.
Ведь нет иного нам спасенья,
Как во соборности святой,
И православного ученья
Сняет купол золотой.

Жозеф

Вот фарисей новоявленский!
В молитвене красный инопер!
И голос вкрадчивый, как женский,
Святая чопорность манер!
И где ж всему ты обучался?
Ты, комсомольский духовник?
И в церкви тут бы повенчался?
В святые таинства проник?

Я

Не богохульствуи, вольтерьянец,
А то поджарю на костре!

Жозеф

Вам только сунь невинный палец,
И ну потеха детворе!

Я

Так значит, что и ты туда-же!
Безбожник. Антипатриот.
И в церкву пога ты не кажешь.
Пижон. Развратник. Обормот.

Жозеф

Набор отменно джеггельменский,
И вроде как и печем крыгть,
И разговор наш в меру светский
Пора, о надре, прекратить.

Я

Никак обиделся, каналья?
И, вижу, взгляд твой отрешен.
Для дум твоих, как видно, мал я,
А вывод мой тебе смешон.

Жозеф

В церквах, я знаю, дурно пахнет,
И смехотворен патриот,
Что по свободе вдруг шарахнет
И против равенства поперет.

Я

Что, что промолвил ты про запах?

Жозеф

Где чернь, там запахов букет...

Я

Боишься вдруг попасть к ней в лапы?
И где по-твоему их нет?

Жозеф

Там вони нет, где гор вершины
Вперяют конус в облака,
И через лунные долины
Течет игристая река.
Где вечно чистый омывает
Слепые каменики родник
Где Заратустра пребывает,
Орел, змея, алмаз-ледник.

Я

От нарисованной картины
Дрожат поджилки у меня.

В чулаце ключья паутины
Мне ближе, а наук—родня!

Жозеф

О, узнаю я патрнота
Лаптей, дрожжей и погребов,
Кому похмельная икота
Дороже всех пезденных слов.
Но вот ответ мне, правоверный,
Что общего между двумя:
Отшельник в хижине из дерна
И тот, похожий на меня...

Я

А поточней нельзя, приятель? —
Уж больно ты витиеват,
Как современный настоятель,
Талдычающий все невномад!

Жозеф

Изволь. Я разумею вот что:
Как может таковое быть,
Чтобы безбожник Калиостро
Мог правоверным вдруг прослыть?
Холодный Заратустра чтобы,
Певец снегов и венных вод
Устроил хижину в чащобах,
Где созревает Божий плод,
Где мерзнет в сырости наш иннок,
Наш православный вестовой,
Куда не достигает рынок
Своею грязною толпой.
Какие разные стремленья,
И тот же сумрачный итог.
Бывают всякие сближенья,
Но больно страшен эпилог!
Тот — жизнелюб и вольнодумец,
Что Ницше гений произвел,
А этот — тихий поволунец
От суеты в леса ушел.
Два мира — и пересечение!
Каков тут может быть разгад?
Одни — высоких дум паренье
Всегда бывает невномад.
Свободный Госнода, а рядом

Провозгласивший: умер Бог!
Давайте смерим мы их взглядом
И взрежем счастья широк!
Они — глупейшие аскеты,
А мы пальем себе вина,
Споем любимые куплеты,
А где трактиричка жена?

Я

Се человек! — Оно мне ближе,
Хотя, каналья, снова врешь!
В поны пока я не пострижен,
Но ты меня не проведешь!
Искусство и любовь. А сбоку —
Свободу, вроде, пристегнем.
Какая новь! Три дни нам сроку
Все обустроим, приберем,
Уж где свобода — там порядок,
Проверено, как на духу!

Жозеф

Вновь издеваешься? Однако
Тебе я возразить могу.
Анархия и смута, верно, —
Непривлекательный расклад.
В шом свобода — чтобы первый
Мог государством править в лад,
Чтоб каждый в той державе вольной
Творил и думал, как хотел,
И чтобы не было нам больно
За безобразий беспредел,
И вошн с этим лучше сладит,
Чем демагог или бандит.
Священник? Тот мозги нам выправит
И всяко думать запретит.
И гениальный Юлий Цезарь,
Блистательный Наполеон,
То не теперешний ваш слесарь,
(Неважно управляет он).

Я

Так что ж, диктатор нам любезен?
Опять он в дебри заведет!

Жозеф

Диктатор может быть полезен,

Когда не затыкает рот.
Мир на Земле — благие речи!
Единая воля — мнений тьма.
Нет войны — но нету и отечеств.
Сейчас же — склоки, кутерьма.

Я

Как нет отечеств? Окаянный!
Ты вновь породствуешь, стервец!
Ужасен бой, то смерть и раны,
Но победитель молодец!
Отечество превыше будет,
Чем подлый беспринципный мир!
История пусть нас рассудит,
А не сиятельнейший сир!

Жозеф

Но раз о сире ты напомнил,
Скажи — он добрый был или злой?
О мировой империи молвил
И был, конечно, не святой.

Я

Какие могут быть сомнения?
Чудовище и супостат!
И вероломство, и глумленье,
Кругом, паршивец, виноват!

Жозеф

Скажи, но кто превыше ценен:
Злой, что победу укротил,
Или добрый, в благодати и лени
Свои войска что погубил?
Зло смысл имеет очевидный,
Его что воин, что творец
Несут в душе, как бы с повинной,
Не хочет видеть это льстец.
Нет веры. Есть одна лишь воля,
Она — о трех главах дракон.
Есть воля властвовать (не спорю!),
Но сладок злата перезвон.
А третья — та есть дар редчайший
И неподвластная царям,
То воля к мысли глубочайшей,
Ее испытываю сам.
Мужская воля, злая сила

Меня влечет за тыщи верст.
Напрасны уговоры милой,
Я строю в будущее мост.
Так эрос, воля, вдохновенье
Мне заменяют всех богов,
Я мыслю их одновременно
Среди пустынь плин снегов.
Не славно я сверхчеловека
В закрытой хижине его,
Но вижу *утомленье века*,
Что мне обиднее всего.
Нет вдохновенья, нет порыва,
Все расслабляться, отдыхать,
И эху ядерного взрыва
Уж не желают и внимать.
Не Заратустра равнодушный
Мой ум разборчивый увлек,
Но гений, Богу непослушный,
Его от пошлости сберег.

Я

Но гений может не случиться,
Когда он нам всего нужней,
Тогда к каким брегам прибиться
Нам пожелаешь, лицедей?

Жозеф

Потребно гения лелеять,
Готовить к власти с юных лет,
Ключ от грядущего доверить,
И избежим мы многих бед.
Так мудрый Нерва обусловил
Сто лет правлений золотых,
И каждый загодя готовил
Себе преемников младых.
Сложны дела царя земного,
Народ спешит на счастья шир.
Как чернь пелена, бестолкова,
Любезен новый ей кумир.
Республиканское величье
Широко славил Цицерон.
Плебен в жалком'их обличье,
Бесплатный хлеб и зрелищ сонм.

Я

Все знаешь ты! И как несносен!
Никак монарха ты клеветет?

Жозеф

Я тот, кто задает вопросы
И рад иметь на них ответ.

Я

Довольно, плут! И перестанем
Гневить мы Бога и людей.
Последней точки не поставим,
Вина сегодня ты не пей.

Жозеф

А что ж — не шуг? Бывал я трезвым
Годами, но каков резон?
Кто трезвый, тот в любви не резвый,
Приятен в сахаре лимон!

Я

Прощай, язычник непутевый
Тебя за то накажет Бог!

Жозеф

Концерт я завершаю новый,
Мне Дева назначает срок.

Последнее слово осталось за ним. Я огляделся вокруг. За столиками сидели неизвестные мне люди. Лишь один человек показался мне знакомым. Я всмотрелся в его черты. Да, это был он, известный писатель. Раньше я буквально проглатывал все его книги. Затем же обратил внимание на то, что он с равным успехом печатается и в республиканских, и в монархических изданиях. Публикуя очередную вещь в монархическом журнале, он предварял ее эпитафией Стендаля: «Крикани о республике нам хотят поменшать пользоваться благами лучшей из монархий». Республиканцев же он потчевал им же сочиненной остротой: «Крикани о монархии нам хотят поменшать пользоваться благами лучшей из республик». Оба лагеря были довольны.

Жозеф закурил и посмотрел мне в глаза.

— Какой ты веры — новой или старой? — Я молчал. Но здесь на сцене появился известный мне литератор. Вид у него был беспокойный, он что-то искал глазами. Жозеф сделал несколько легких шагов к сцене и едва заметным движением передал ему бумагу. Тот с нафосом начал читать.

— Господа! Судьба отечества — в наших руках! Готовы ли вы сделать свой выбор? — Многозначительно смотрит вокруг. Читает.

— Когда две армии, вооруженные коньями и мечами, стоят друг против друга, они должны в конце концов встретиться в чистом поле. Когда две армии, вооруженные ядерными боеголовками, готовятся к схватке, то итог может быть только один — всеобщая гибель. Но случилось другое — одна из армий капитулировала. Быть может, благодаря этому наш прекрасный мир все еще существует. Что лучше — верность принципам и смерть или капитуляция?

Мы — та сторона, которая капитулировала. Мы, чванливо считавшие себя венцом творения, итогом мировых усилий созидания общества добра, справедливости и гуманизма, великими миссионерами, «третьим Римом».

Но никакого «третьего Рима» не было и нет. Византия — жалкий уродец по сравнению с Римом Цезарей и Апостонов. Мы, принявшие веру от этого исторического недоразумения, еще менее походим на первоисточник. Византия — не второй Рим, а мы — не третий. Есть другая держава, которая по праву может считаться *вторым* Римом. Она превосходит его и по размерам и по влиянию. Это — новая мировая империя. Имя ей — Америка. Молодая. Холодная. Не имеющая собственных духовных корней. Она — из Европы, как и Рим — из Греции. Ее основатели — римляне по духу. Ее Капитолий — это римский Капитолий. Ее монументальность — это монументальность Рима. Пока мы раздумывали над тем, как нам стать *мистическим* Римом, Америка стала *реальным*. Ей по настоящему удалось то, что лишь в малой степени удалось Наполеону.

Никто не видел акта о капитуляции, ибо его нет в природе. Но *факт* капитуляции palpable. Восток, выразивший себя через коммуны, за несколько лет растворился во всеобщей пошлости. *Мы стали колонией.*

Как такое могло произойти? Существование наше определяется предыдущим существованием. Мы таковы, каковы десятилетия прожитых веков, но зависим и от рока, от случайности. Мы были великой империей. Ключевой фигурой для понимания происходящего является фигура последнего императора. Он умер сорок с лишним лет назад. Все эти годы нами правила олигархия, явившая миру великий образец непонимания вечных законов социальной жизни. Империи более нет, а оли-

гархи, поменяв титулы и совершив отвратительный фарс возвращения царской государственной символики, ломают голову над тем, как продлить свое постыдное прозябание.

Он обладал многими качествами государственного деятеля, но ни одним из качеств рыцаря. Он представлял собой существо, лишённое благородства. Женский вопрос «кто?» был для него более важным, нежели мужской вопрос «что?». Но в одном случае он обязан был, как государственный муж, дать ясный ответ на вопрос «кто?»: определить *премишка*. Как умный Нерва определил Траяна. Как Траян — Адряна, Адрян — Антонина, а последний Марка Аврелия. Он оставил державу на откуп скоморохам.

Не нужно обвинять абстрактный «Запад» в нашем внезапном крахе. Мы можем метать громы и молнии по адресу конкретной Империи, но на то она и империя (от слова «власть»), чтобы стремиться к мировому господству, а не к мировой идиллии. Мировое господство одного — значит война больше нет. Нет войны — нет отечеств.

Хулить Запад сегодня модно. Хулить, не понимая ни средневекового рыцарства, ни Возрождения, ни Реформации, ни Просвещения, ни Французской Революции, ни американской мечты, ни Наполеона. Кричать о вырождении чужой идеи и кичиться своей предполагаемой «духовностью». Наше приобщение к православной церкви, воспринимаемое многими как акт божественный, на самом деле представляло собой нечто обыденное и случайное. Посланцам русских князей приглянулась византийская процедура богослужения, между тем католичество могло бы сблизить нас с Европой и предотвратить многие бедствия и недоразумения. Это повлекло бы нас в процессе создания цивилизации вместо тысячелетнего бытия в законченных пазлах.

Сменны идеологи, сидящие на коммунальных кухнях и глаголящие о «тунике западной цивилизации». Последняя не обращает никакого внимания на наши псевдофилософские бредни.

Великий Петр совершил сверхчеловеческие усилия, чтобы вытанцевать нашу телегу на столбовую дорогу, с которой мы затем снова сползли по ступице в грязь.

Нелено сегодня уповать на то, чего нет. Наш век давно предпочитает горделивое «я знаю!» смиренному «я верую». Православие испарилось. Вонючая националистическая идея сама по себе приведет либо к нашей окончательной гибели,

либо к всеобщему концу. Мы слабы, а слабых врагов уничтожают.

Где же он, великий вождь? Откуда ему взяться? Где он, смотрящий поверх голов, презирающий низменные страсти, менцанские интересы и банальные принципы? *На него ли нам уповать или на некую «новую веру»?* Будет он, будет и вера. Будет он, будет и смысл. Когда-то наступит конец чудовищной цепи неленостей и череде попаданий из одной исторической ловушки в другую (православная самонизоляция, коммунизм, демократия). Мы вновь и вновь подтверждаем аксиому Чаадаева об отсутствии «внутреннего развития, естественного прогресса». Мы, гонявшиеся за химерами, утратили реальное земное царство.

Следует ли чего-то ждать? Слушать ли шарлатанов — астрологов? И что может один вождь? Очень многое! Иным кажется, что германские и английские протестагты, американские колонисты и французские революционеры составляют неведомые нам типы пассонариев. Заблужденные! А плеяда Петра Великого? А тридцатые—сороковые годы нашего столетия? Мы способны созидать! Когда есть вера, есть и воля. А источник веры — *сверхволя* вождя. Ганнибал. Цезарь. Карл Великий. Кромвель. Петр Великий. Наполеон. Сталин. Мы можем выделять того или другого, но из истории не вычеркнуть никого.

Где он, гениальный вождь, не желающий более «... покупать у равнодушной и продажной толпы, которая своими голосами решала участь отечества, позволение его спасать»?

Длительная пауза. Напряженная тишина.

— Правьте, Государь! На сцену поднимается человек с внешностью хряка. Овация.

Когда хлопки и крики немного поутихли, Жозеф поклонился над столиком:

— Я в последний раз задаю тебе вопрос: да или нет? Или я обойдусь без тебя! Ну?

— Нет.

— Повтори!

— Нет! — Он очень долго молчал. А затем вдруг спокойным, приятным голосом прочитал следующее:

Будущей жизни целены чертоги,
Фея пагая свой стан бережет.
Твердь затворили лукавые Боги,
Сирятала Дева свой чувственный рот.

Молиться доколе, подскажешь, Спаситель?
Нелена аскеза, странна красота.
Ребенок молчит, невоинственный зритель,
И млеко не каплет, и люлька пуста.

Я верую в смысл нелукавых творений,
Я верую в то, что и сам не чужой.
Я слышу гласа молодых песнопений,
И мне улыбается Зритель немой.

И снова он долго молчал, как будто что-то просчитывая. И, наконец решившись, поставил точку:

— Ступай! — Поднявшись, я едва разогнулся. После длительного сидения спина сильно разболелась.

Уже три недели я не хожу на работу. Еду мне покупает хозяйка комнаты — старушка лет семидесяти пяти. Я не говорил родителям, что у меня болит спина — не хотел расстраивать маму. Но теперь скрывать это становится нелепо. Институт наш, видимо, скоро вообще закроют. Не знаю, что мне нынче делать в Москве. Да и кто я теперь? Не хочется даже произносить это слово. Почти все время я лежу. Надо собраться с силами и ехать в деревню. Даст Бог, еще получится как-то излечиться. Я все время мечтаю о том, чтобы иметь свою семью, детей. Пока же у меня никого нет, кроме родителей. Отец почти совсем оглох, мама еще держится. Я очень редко им писал последнее время. А ведь я — единственный у них. Милые мама с папой! Ничего не имеет смысла, кроме того, что вы есть и вы где-то рядом. Я совершенно опустошен, мне хочется немного отдохнуть душой. Мне кажется, что ты меня вылечишь, мама. А даже если это невозможно, все равно мне с тобой будет легче. Не может быть, чтобы не стало легче! Мы ходим с тобой в церковь. Ведь Бог же должен видеть правду. А если нет Его, то я все равно не огорчаюсь. Жить надо только по правде. А те, кто живет по правде, они и есть между собой братья.

Я плачу, мама. Я никогда не думал, что я могу быть таким слабым. А Христос — он только для слабых или он для всех, и для сильных тоже?

Я всегда буду помнить, каким я был в слабости. Если я снова стану сильным, то я всегда буду помнить о слабых.

Жди меня, дорогая мама, я скоро вернусь к тебе.

Мой друг недавно умер, не назвав своего произведения. Я делаю это за него. Элия Капитолина — это римское название восстановленного Иерусалима.

Мне очень жаль, что он не принял моего предложения. Что в нем плохого или непонятного? Христианство — это Апокалипсис: мир ужасен и его надо уничтожить. На подобной жеги строится любая идеология — она торжественно провозглашает, что настоящее чудовищно, а будущее — прекрасно. Запутанность и мрачность, порождающие болезни — вот что такое идеология. Но любой из вас — счастливцев. Вы живете! Природа не ведает идеологий. Их придумываете вы. Все «великие идеологические движения» — абсурд. Пока ваши головы забиты шлаком, войны не прекратятся. Поместите весь этот бред в виде экспонатов в Музей древностей, шивите новый отчет. Ясность и веселость приносят здоровье! Почему он не захотел понять этого? Я постепенно подводил его к мысли, но не преуспел. Поймете ли вы меня?

Joseph

СОДЕРЖАНИЕ

Эдуард Лимонов	4
Владимир Кожемякин	30
Тимур Зульфикаров	44
Юрий Влодов	63
Самид Агаев	77
Виктор Лишатов	105
Татьяна Семилякина	116
Алексей Бурькин	126
Евгений Глобенко	138
Елена Володина	151
Торквато Тассо (перевел Александр Махов)	165
Андрей Иванов	188

ТЕНИ СТРАННИКА Литературный альманах

Составитель *Виктор Липатов*
Исполнительный редактор *Владимир Цапин*
Художник *Юрий Петелин*
Фотограф *Леонид Шимапович*
Технический редактор *Людмила Гудкова*
Корректор *Анатолий Шлиенков*
Макет, верстка: *Владимир Кожемьякин*

Издание журнала «Юность».
ЛР № 061701 от 21 октября 1992 г.

101524, Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 2/1,
редакция журнала «Юность»

Сдано в набор 16.06.96. Подписано в печать 16.07.96.
Формат 84x108/32. Гарнитура Бодони. Бумага книжно-журнальная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28. Заказ № 289

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии N 6,
г.Москва, Южнопортовая ул., 24.

